

Полярная Антология

2010

УДК 82, 91
ББК 26.8, 84(2)

Редактор и составитель Д. Кузьмин

Корректор Л. Демидова

*Дизайн серии, макет, верстка, препресс Artkitchen:
А. Ващенко, А. Дубинский, Д. Корчуганов, М. Сарабьянов*

ISBN 978-5-98797-047-8

Полярная антология – сборник произведений современных русскоязычных авторов, пишущих об Арктике, Антарктике и Крайнем Севере. Эта единственная в своем роде тематическая антология собрана одним из наиболее авторитетных специалистов в области современной литературы, главным редактором журнала «Воздух», поэтом и филологом Дмитрием Кузьминым. Под одной обложкой представлены произведения весьма широкого спектра авторов – от маститых представителей советской (Геннадий Прашкевич) и неподцензурной литературы советского времени (Алексей Цветков) до сравнительно молодых авторов, лишь недавно начавших свою творческую карьеру (Павел Гольдин, Лев Оборин). Имена других участников – Марии Степановой, Станислава Львовского, Алексея Цветкова, о.Сергия Круглова, Марии Галиной, Андрея Родионова, Василия Голованова, Владимира Березина, Дмитрия Данилова и других – прекрасно известны большинству читателей современной русской литературы.

В книгу входят не только стихи и проза, но также эссе и сочинения в жанре non-fiction.

Кроме того, антология проиллюстрирована работами известных современных художников.

© *В книге использованы иллюстрации О. Пащенко,
Д. Мокшина, А. Котлярова и фотографии
Я. Вишневской*

СОДЕРЖАНИЕ

- 9** **ПРЕДИСЛОВИЕ**
- 15** **Кирилл Кобрин. НОРДИАЛИЗМ**
- 31** **Константин Кравцов. ЦВЕТ МЕРЗЛОТЫ**
- 63** **Михаил Бутов. ВЕЧНЫЕ ЛЬДЫ**
- 83** **Игорь Сид. ЮЖНЫЙ КРЕСТ ЭЙРИКА ТОРВАЛЬДССОНА**
- 97** **Мария Степанова. РЫБА**
- 107** **Мария Галина. СЕВЕР ЕСТЬ ВЕЗДЕ,
ДАЖЕ НА КРАЙНЕМ ЮГЕ...**
- 113** **Елена Сунцова. И ТЫ НЕ ДОЖИВАЕШЬ
ДО БЕРИНГОВА ДНЯ...**
- 119** **Юлия Тишковская. ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ**
- 127** **Ирина Машинская. ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ**
- 133** **Алексей Цветков. ПИРИ**
- 139** **Лев Оборин. РЕФЛЕКСИЯ**
- 143** **Владимир Березин. ДВА РАССКАЗА**

- 183 Василий Голованов. Ствол, подпирающий небо
- 239 Дмитрий Данилов. Возможно обрушение фасада
- 267 Некод Зингер. Известный полярник
- 285 Данила Давыдов. Экспедиция
- 291 Павел Гольдин. Съеден, учитель рыбалки
и изготовления лодок...
- 297 Федор Сваровский. Стихи
- 319 Игорь Сид. Море космонавтов
- 327 Олег Пащенко. Антарктика and Арктика
- 333 Янина Вишневская. Записки из Каирнов
- 347 Валерий Вотрин. Фактория
- 375 Алексей Цветков-младший. Король утопленников
- 431 Вадим Калинин. Последнее письмо
- 445 Виталий Пуханов. Стихотворение
- 449 Андрей Родионов. Стихи
- 457 Константин Кравцов. Стихи
- 471 Инна Кулишова. Джаз в Антарктиде
- 479 Сергей Круглов. Антарктида
- 485 Андрей Сен-Сеньков. Расписание работы
вулкана Эреб
- 489 Станислав Львовский. С.Л., С.Ф.,
С.П., Авиапочта
- 501 Геннадий Прашкевич. Сендушные сказки
- 557 Дмитрий Замятин. Арктичность
- 565 Иллюстрации
- 595 Биографии авторов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В отличие от авторов сборника, который выдержите в руках, мне об Арктике и Антарктике сказать нечего. Поэтому я скажу несколько слов о современной русской литературе. С ней за последние полвека произошло, собственно, то же самое, что и споллярными исследованиями: она перестала быть мифом, поводом для возмущений в электромагнитном поле общественного сознания. В прежние времена самоотверженная деятельность Папанина или Пастернака, равно как и суровые испытания, выпавшие на их долю, волновала умы и сердца миллионов – несмотря на то что доподлинный смысл этой деятельности от них зачастую ускользал. Теперь работа их достойных последователей занимает внимание довольно узкого круга – тех,

кто непосредственно заинтересован в данной теме и отчетливо понимает, чем в точности эти последователи заняты. Означает ли это, что, как сказано у одного умеренно северного писателя, «какие у нас лиственницы водились – мы против их ольха чахлая да осинник»? Надо думать, что нет – даже и наоборот, в некотором роде (ведь, как известно, видит дальше тот, кто стоит на плечах гигантов). Уход из сферы широкого (и зачастую не совсем здорового) общественного внимания освобождает работу автора от сиюминутных задач, оставляя его наедине с художественным поиском и мировоззренческой проблематикой. И уж в этой ситуации ежели писатель обращается к некоторой теме, то исключительно по зову сердца.

От чего сердце по-прежнему зовет людей (и писателей в том числе) так далеко на север или еще дальше на юг? Некоторые размышления на этот счет можно почерпнуть в открывающих сборник четырех эссе – в диапазоне от геополитики, плавно переходящей у Кирилла Кобрина в геопоэтику, до обостренных психологических мотиваций Константина Кравцова. Но степень личной, биографической вовлеченности в полярную тему в среднем по сборнику характерно невелика – даже если

брать в расчет не только Кравцова, выросшего на Крайнем Севере, но и экс-ихтиолога Игоря Сида и экс-географа Ирину Машинскую с их полярными экспедициями, а также Василия Голованова и Дмитрия Данилова, которых завела в холода чисто писательская жажда нового опыта (то, что под пером Данилова этот опыт предстает как тривиальный, не должно вводить в заблуждение: этот писатель лубой опыт испытывает на тривиальность).

Дело в том, что для большинства авторов область Полюса – это область действия Мифа. С учетом того, с чего я начал это предисловие, тут некий парадокс – но он-то как раз и вполне естественен, если подумать: отмирание мифа нового дельного высвобождает витальную силу Мифа древнего и исконного, апеллирующего к куда более основательным ценностям и представлениям. В этом смысле исключительно характерен фантастический рассказ Владимира Березина, в котором сквозь руины техногенной цивилизации прорастает нечто вполне первозданное и хтоническое. В Приполярье Мифа возможны чудеса, сбываются и разбиваются мечты – в этом смысле совершенно из одного ряда русалка из трагической баллады Марии Степановой и травестийный пингвин-лыжник из злой

пародии Вадима Калинина: они не просто небыльщина, а выступают как агенты трансцендентальных сил, любви и смерти. В чистейшем виде мотив Крайнего Севера как последнего, общего для всей планеты места обитания трансцендентального проведен в рассказе Василия Голованова. В этом ракурсе несущественно, что у Голованова ледовый край отображен с этнографической скрупулезностью, а, скажем, у Валерия Вотрина или Алексея Цветкова-младшего весьма условен: реальность Мифа не считается с бытовой достоверностью. И даже когда Андрей Родионов пишет с натуры о самом что ни на есть в самделишном Норильске – правда о городе, полемически противопоставляемая глянцевым альбомами официозным блокбастерам, то явственно, то подспудно апеллирует к гораздо более глубоким мифологическим основаниям, так что финальный образ перифрастически отсылает напрямик к Апокалипсису.

И, надо сказать, эффект этот – не вполне предсказуемый. Потому что вообще для современной русской литературы апелляция к Мифу не особенно характерна. Конечно, есть ряд значимых исключений, а поэзия поколения 20-летних в последние пару лет разворачивается в сторону мифологиче-

ских корней едва ли не целиком (к сожалению, до полярной темы у нее пока не дошли руки) – но в целом получившийся тематический сборник показывает градус мифологического накала, заметно отличающийся от «средней температуры по больнице». О чем говорит это отличие? Понятно, что о специфике темы, – и тут я снова отсылаю читателей к размышлениям Кирилла Кобрин и других участвующих в сборнике эссеистов. Но, возможно, еще и о том, что сам взгляд на литературу через призму тематических предпочтений позволяет увидеть в течении литературного процесса принципы изоморфности, ускользающие от внимания при более, казалось бы, сущностной и основательной классификации произведений по характеру художественных задач и используемому художественному языку. И то, что из сборника «Современные русские авторы об Арктике и Антарктике» можно, похоже, узнать нечто новое не только об Арктике и Антарктике, но и о современных русских авторах, – ужасающе небольшое количество новых штрихов на карте отечественной словесности.

Дмитрий Кузьмин

Кирилл Кобрин

НОРДИАЛИЗМ

*Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.*

Владимир Соловьев

Одним из самых комичных событий 2008 года стало окончательное оформление феномена, который условно назовем «арктической риторикой». Чем сильнее набухал пузырь нефтяных цен, тем лихорадочнее и безответственнее велись разговоры о каких-то особых правах на Арктику, о неизбежности схватки великих и невеликих держав за полярные льды; географы, полярники, публичные болтуны всех сортов потирали руки в ожидании наплыва капитала самого разнообразного свойства – от «символического» до совсем банального, оттягивающего карман. Благодетельная нефть должна была пролиться золотым дождем на скованные вечным льдом пространства «Циркумполярной» – даже словечко специально придумали: время «дискусов» с «симулякрами» кончилось,

пришла другая эпоха, другие слова. Позвучности и бессмысленности она «Циркумпольдия» может соревноваться разве что со старой французской «Цизальпинской республикой» – все же покушения на высокий латинский имперский стиль, покушения теми же негодными средствами.

Забавно, что разговоры эти не прекратились и тогда, когда стрелка мирового нефтеметра побежала назад – за сто, за пятьдесят, за сорок, Бог знает за сколько еще. Это значит, что дело не только в легких деньгах, которые собирались освоить некоторые научные, военные, коммерческие и пропагандистские институции. Что-то кроме – и даже помимо – корыстного интереса за «арктической риторикой» есть. По крайней мере, в России. Ниже следующий текст представляет собой слабую попытку хотя бы отдаленно понять, что именно.

В 1936 году в СССР было написано два важных поэтических текста, анализ которых я хочу приступить к нашему рассуждению. Вот начало первого из них, знакомое любому советскому человеку:

Широка страна моя родная!
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Василий Лебедев-Кумач, «Песня о родине», написанная для кинофильма «Цирк». А вот другая цитата:

В воротах Азии, среди лесов дремучих,
Где сосны древние стоят, купая в тучах
Свои закованные холодом верхи;
Где волка валит с ног дыханием пурги...

Это начало стихотворения, а в середине читаем:

В воротах Азии, в объятиях метели,
Где сосны в шубах и в тулупах ели, –
Несметные богатства затая,
Лежит в сугробах родина моя.

Николай Заболоцкий, стихотворение «Север». Написано в связи с челюскинской эпопеей.

Привожу цитаты вовсе не из-за литературоведческого интереса; с этой точки зрения все ясно: пе-

ред нами – искусный идеологический продукт и гениальное стихотворение (тоже на пропагандистскую тему), стихотворение, в котором эстетическое, являясь, так сказать, «побочным эффектом», стало главным, вытеснив идеологию, челюскинцев и прочее. «Сосны в шубах» явно заслоняют здесь подвиги советских полярников. Но вот если вести историко-культурный разговор, то ясно далеко не все, и в этом стоит разобраться.

Что объединяет творения Лебедева-Кумача и Заболоцкого? Это – гимны простору, пустому пространству, где человек не живет, а появляется, то ли в качестве покорителя (как у Заболоцкого), то ли как уже хозяин, который просто прогуливается по ней, проходит:

Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

Главная характеристика этого пространства не только «пустота», но и безграничность, необъятность, отсутствие пределов. Соответственно, «покорению» подлежит некая территория, на которой живут люди, не страны, иными словами – не Культура (с большой буквы), а Природа (тоже с

большой). И это несмотря на то, что в стихотворении Заболоцкого есть замечательное описание жителей замерзших заполярных широт:

Где люди с ледяными бородами,
Надев на голову конический треух,
Сидят в санях и длинными столбами
Пускают изо рта оледенелый дух.

Заметим, что эти удивительные существа следяними бородами во все не являются объектом подчинения, они для поэта – своего рода довесок, приправа к ледяной пустыне, которую покоряют советские полярники:

И вся природа мертвыми руками
Простерлась к ним, но, брошенная вспять,
Горой отчаянья легла над берегами
И не посмела головы поднять.

Итак, Природа, явленная как ледяная пустыня. Перед нами, конечно, не только настоящий, физический Север – это развитие двух знаменитых цитат из конца русского XIX века. Первая принадлежит Константину Леонтьеву: «Рос-

сия подгнила, надобно бы ее подморозить, чтобы не воняла». Вторая – Константину Победоносцеву, тому самому, который, по Блоку, над Россией простирает «совиные крыла». Высказывание Победоносцева звучит так: «Россия – ледяная пустыня, по которой гуляет лихой человек». Конечно, слова «заморозка», «лед» и «Россия» сочетались в политической и исторической публицистике (русской и иностранной) и до этих двух авторов, но после них они уже окончательно составили мощную треугольную конструкцию, которая выскакивает в сознании почти каждый раз, когда речь идет о России (причем неважно – в автоописании или с точки зрения внешнего наблюдателя).

Другое важнейшее понятие при описании России – «империя». В этом смысле, казалось бы, Россия мало отличается от Британии или Франции, от Римской империи или Византии. Но это только на первый взгляд. Россия прошла период активной территориальной экспансии с XVI (или XVII) века до середины XX-го, но назвать эту экспансию «колониальной» можно только с большой натяжкой. Конечно, кавказские войны или присоединение Средней Азии были типичными колониальными войнами, однако если мы взглянем на карту, то расширение

Россия на юг выглядит довольно скромным по сравнению с ее покорением востока и – конечно же – севера. Собственно, русская территориальная экспансия была, прежде всего, «освоением земель», а уже потом «захватом государств» и «покорением народов». И главным объектом этой экспансии были не люди, а пространство. Это и есть образ Победоносцева: «ледяная пустыня, по которой гуляет лихой человек». Неважно, что заставило лихого человека покорителя пространства «гулять» по этой пустыне, – то ли его послали туда купцы Строгановы, как Ермака, то ли нужда, рабство или преследования толкнули искать «воли» в далекие края, то ли государство направило, как челюскинцев.

Захват и освоение новых территорий всегда считались признаком как империализма, так и колониализма. Два этих понятия чаще всего смешивают – между тем может существовать и колониализм без империализма (достаточно вспомнить древнегреческие колонии), и империализм без колониализма. «Колониализм» – это целенаправленная прагматическая политика захвата и эксплуатации территорий и подчинения тамошнего населения. Он имеет отношение к обоим объектам своего действия – к чужой территории, и к ее жителям. Даже когда по-

селенцы из Англии создавали в XVII веке колонии в Северной Америке, они имели дело с индейцами – пусть не подчиняя, но вступая с ними в торговлю, войны и так далее. Империализм тоже имеет отношение к территории, к пространству, однако он насквозь идеологичен, потому что часто бывает одновременно и причиной, и следствием своего колониализма. Более того, в отличие от колониализма, империализм ассоциируется, скорее, с гигантской территорией, с пространством, которое находится под властью метрополии. В таком случае империализм можно рассматривать как реализацию идеи власти над идеей необозримых пространств («империя, над которой никогда не заходит солнце»). После этого теоретического отступления вернемся к России и освоению Севера.

Так вот в этом смысле сама идея «освоения Севера» – неколониальна, а империалистична в своей основе. «Север» воспринимался в Средние века, в Новое и Новейшее время как царство пустоты, господство над которой, в первую очередь, дает чистое ощущение власти, почти не имеющее отношения к власти над покоренными народами. Господство над пустотой – некоторым образом, метафора власти вообще, власти самой по себе, власти, основанной

на самой себе, идеальной власти, имеющей субъект, но не имеющей объекта. А вот условный «Восток» – в той же западной традиции (под ним подразумевался и географический восток, и географический юг) – был объектом, строго говоря, не империализма, а колониализма: здесь речь шла о народах, их религиях, культурах, о торговле, о ресурсах, наконец. «Север» – пуст и гомогенен, «Восток» – насыщенный пестр. Важнейшим элементом образа Востока в глазах западного человека был экзотизм; по крайней мере так утверждал Эдвард Саид в своем знаменитом «Ориентализме». Напомню, эта книга о том, как европейцы (а позже и их наследники на Ближнем Востоке – американцы) сформировали тип отношения к некоему «Другому», находящемуся рядом с ними – к Востоку (не East, а Orient), под которым подразумевали, прежде всего, Ближний Восток. То есть, они, собственно, создали объект своей рефлексии, изучения и колонизации; вслед за Мишелем Фуко, Саид видел в описании акт установления господства описываемого субъекта над описываемым объектом. Историко-культурная конструкция, созданная в европейском сознании к концу XVIII века, превратилась в итоге в гигантский механизм производства смыслов, их обсуж-

дения и интерпретации, в механизм превращения этих смыслов в идеологию и политические решения, которые воплощались сотнями тысяч солдат, дипломатов, предпринимателей и колониальных чиновников. Вот всему этому механизму Саид и дал название – «ориентализм».

«Восток» для «ориенталиста» пестр, красочен, орнаментален, густо насыщен ароматами, фигурами, звуками; для европейских путешественников, например, XIX века, весь Восток есть один большой восточный базар. Вот что пишет французский писатель и поэт Теофиль Готье в своем «Путешествии на Восток»: «Я... очутился в ряду парфюмеров, продающих эссенции бергамота и жасмина, флаконы атар-гулла в бархатных, расшитых блестками футлярах, розовую воду, пасту для выведения волос, ароматические курительные палочки, испещренные арабскими письменами, мешочки с мускусом, четки из нефрита, янтаря, кокосового ореха, слоновой кости, фруктовых косточек, розового и сандалового дерева». Именно это изобилие, мельтешение, пестрота и является объектом для колонизации Западом. Киплинговское «бремя белого человека» следует не в этом пестром мире Культуры; чужой, но Культуры.

Для Англии или Франции «Восток», этот «Другой» ориентализма, находился вне, снаружи, далеко от метрополии; для России же он был всегда внутри – ведь чаще всего речь шла об освоении (часто – заселении) уже захваченных пространств. Отметим здесь три уровня этого освоения:

1. После Петра Великого «Другим» для русского государства и образованной правящей элиты (а позже – для интеллигенции) становится так называемый «народ». Если прочитывать эту ситуацию сквозь призму саидовского ориентализма, то «русский мужик» для них и есть тот самый «дикарь», в отношении которого следует нести «бремя белого человека».

2. Следствием деятельности русского государства и правящего класса (как до Петра, так и после) стало бегство вот этих самых «русских мужиков» за Урал. Там они, с одной стороны, обретали «волю», а с другой – становились колонизаторами, неся то самое «бремя», о котором мы говорили ранее, но уже немногочисленным народам, обитавшим на востоке от Уральского хребта. Получается так, что эти люди готовили почву для прихода туда государства; объективно они расширяли пределы империи.

3. Этот процесс шел столь быстро, что уже во второй половине XVII века русская колонизация дошла до своего восточного географического предела – до Тихого океана. Вот тогда экспансия и свернула окончательно на Север – в край вечной не только мерзлоты, но и пустоты. «Колонизация», которая влекла за собой «империализм», сменилась «чистым», без примеси какой бы то ни было прагматики, империализмом. Чем пустее, безлюднее было захватываемое пространство, тем больше роль российского государства. Апофеоз такого империализма – так называемое «покорение космоса», которое СССР начал, окончательно покорив Север. На бытовом уровне советская мода на космонавтов сменила моду на полярников.

Завершая это рассуждение, можно попытаться усложнить схему, предложенную Саидом, введя в нее дополнительное понятие, по аналогии с «ориентализмом». Это понятие – «нордиализм», от французского Nord, «север». Оно имеет сразу два значения – узкое и более широкое. В первом смысле, это политика российского государства, направленная на освоение максимальных территорий в районах Крайнего Севера, необитаемых или слабо обитаемых людьми. В широком смысле (по анало-

гисопределением «ориентализма») «нордиализм» есть историко-культурная конструкция, существующая в российском сознании с XX века, мощный механизм создания и воспроизводства смыслов, их обсуждения и интерпретации, определяющий политические, социальные и экономические решения, которые имеют отношение к географическому и идеологическому Северу. «Север» Заболоцкого, как и сотни других советских и российских произведений литературы, кино, живописи, посвященных «северной тематике», – одновременно элементы этого механизма, и результаты его работы. Вообще, как и в ориентализме, в нордиализме очень силен эстетический элемент; в нем империалистическая идея господства над безбрежным пространством находит самое рафинированное, «чистое» («белый» – цвет Севера), не меркантильное воплощение. В каком-то смысле нордиалистское сознание рассматривает Север как гигантскую контурную карту, которую следует непременно раскрасить в свой цвет. А вот эта игра уже никак не связана с презренными ценами на нефть.

Константин Кравцов

ЦВЕТ МЕРЗЛОТЫ

Когда-то во времена самиздата, читая очередной белесый ксерокс, я наткнулся на изречение или скорее извещение: «Народ несет печать зимы, она неизъяснима». Так гласила надпись на одной из древнекорейских стел, и, не помню, в связи с чем, приводил ее Юнг, интересовавший меня в те годы. Сама надпись показалась мне гораздо глубже всего того, что она иллюстрировала. Как истолковать ее, я не знаю, и не уверен, что какое бы то ни было истолкование будет именно истолкованием, а не перетолкованием. Слова эти кажутся мне так же неизъяснимыми, как неизъяснима печать зимы, которую несет народ. И что в этом случае означает «зима»? И только ли народ, оставивший это признание, отмечен этим естественным поддающимся расшиф-

ровке знаком, или в всякий народ во всякое время и на всяком месте?

Что такое эта печать, я не знаю, но, мне кажется, я видел ее, знал эту неизъяснимость умирания или, точнее, замирания, прощания, олицетворением которого являются подступающие к Северному полюсу обитаемые окраины материка, их земля и небо, его сияния, облака, бирюза. И взгляд, или, лучше сказать, взор, оленей, которые, как мне говорили, чувствуют за несколько дней, что их забьют, и плачут, как плачут неразумные твари, плачут, прощаясь, а может быть, и надеясь – бессловесно, по-своему, по-оленьи. Ведь не случайно именно они выделены Псалмопевцем, признававшимся: желает душа моя к Тебе, Господи, как стремится олень к источникам вод.

Я никогда не слышал, чтобы Крайний Север кто-то называл благодатным краем, но ведь нет края без благодатного, и, кроме того, от Апостола известно, что сила Божия совершается в немощи. Где же еще на свете столько немощи, столько женственной покорности, столько прозрачности? Помню, как я удивился, в первые встретив в Салехарде среди зарослей дряхлеющего, кое-какого рожденного и вникал Ленина, что был по-ямальски невелик, неказист,

неухожен – подлинно сын тундры. Он стоял косо, накренившись вперед, и, глядя на него, казалось, что это не «парк культуры и отдыха», как гласила ветхая вывеска, а местное кладбище, с головой ушедшее в мох, оставив на поверхности лишь этот памятник, готовый рухнуть ничком, приложиться к прочим, исчезнувшим без следа.

Моя родина – там, но только ли моя? Привязанные к ветвям лип позади Белого дома выцветшие красные и черные ленточки напоминают ненецкое кладбище, где покоятся среди ивовых ветвей люльки с усопшими, украшенные разноцветными тряпичками, полными мистического смысла.

Ханты погребают своих мертвецов иначе – мастерят им возвышающиеся над землей домовины, навешивая на них, приподнимают символизирующую дверь дощечку и кладут внутрь, к ногам покойника, хлеб, водку, табак.

Как-то раз в рыбацком поселке, бывшем районным центром, я видел, как это происходит.

В зарослях тальника синели зырянские кресты – кресты неправильные, как заметила московская специалистка по древнерусскому деревянному зодчеству, – им не доставало верхней небольшой перекладины. Еще одной их особенностью было то, что,

в отличие от древнерусских, все они были выкрашены одинаковой голубоватой краской. Почему бы не покрыть их просто олифой? Почему непременно этот вездесущий бледно-голубой цвет? Из-за чего его предпочитают на Севере всем остальным? Может быть, потому, что это цвет убывающих клеток, выцветших до полной прозрачности ночей, их снега, ничем, кроме этого свечения, не обнаруживающей себя жизни? Или это цвет мерзлоты? Не только ее неба, воды, земли и всего, что присуще им, то есть всему живому, чья родина здесь, но мерзлоты как субстанции? Цвет самого времени, тоже выстуженного, тягучего, тоже изнемогающего и тоже пронизанного присутствием той просветленной неизвестности, про которую сказано, что времени в ней не будет, как не будет и ночи?

Мне вспомнились сшитые из выисканных где-то тряпок куклы – круглые землистого цвета матерчатые лепешки с глазами-пуговицами. Единственные игрушки тех, кто родился в концлагере при строительстве «мертвой дороги», они были отысканы немцами (в то время еще «бундовцами») и оставлены салехардскому музею вместе с фотографиями – для экспозиции «Помни, чтобы не повторилось вновь». Ржавый паровоз, волнообразные

шпалы, покосившиеся вышки, детское кладбище, где свалены в кучу кресты и пустые гробики, выбеленные мерзлотой.

Поселковое кладбище с голубыми неправильными крестами отличалось меньшим беспорядком, чем то, на фотографии для «Шпигеля», но, будучи в тундре, может быть, оттого, что все неправильные кресты его были выкрашены в голубой цвет, вызывало почти то же чувство.

– Вот сюда, – руководил наш гид, выпускник культпросветучилища, вызвавшийся показать старую сибирскую застройку поселка и вообще местные достопримечательности. Немного словный и приземистый, как все остяки, вскоре он нагнулся над могильным домиком, негромко стукнул ногой три раза, уведомляя покойного о пришедших посмотреть на его экзотическое захоронение, приподнял дощечку. Мы заглянули внутрь, но ничего не увидели там, кроме сырой и серой земли.

В этом было что-то детское. Ночто такое детство? «Гдеты теперь, мое детство, ведь не может быть, чтобы тебя нигде не было», – записал когда-то Блаженный Августин.

Мне вспоминается церковь в уральском городке, наполовину заколоченная, наполовину приспособ-

бленная под автостанцию и служившая громоотводом, как мне объясняли, показывая на ржавый штырь над куполом.

– А что здесь раньше было?

– Раньше-то? Музей был.

– Музей?

– А что же? Музей и был. Краеведческий.

Та единственная в моем детстве церковь представляла мне каждый день, видимая в окно похожего снаружи на вагон товарняка дома – серого, просевшего, скержацким воротами, которых давно уже нет. Водной из его соединенных общим коридором квартир, где жила оставшаяся для меня невидимкой бабушка Алеши, моего ровесника, я как-то разу увидел огромный, стоящий на покатом возвышении крест. Я никогда не видел его так близко и не помню, знал ли тогда что-нибудь о Том, Кто предстал мне наем, – о раскинувшем руки, голом, если не считать повязки, Человеке, прибитом гвоздями. Из-под шляпок гвоздей сбежали полустершиеся кровавые струйки, поникшую длинную голову окружал вырезанное из жести сияние. Наверное, там были еще и цветы – бессмертники или что-то в этом роде, веточки; наверное, светилась лампадка – не помню. В памяти утвердились лишь

белизна той узенькой комнатки, ее какая-то необычайная прибранность, открытое окно, выходящее во двор споленницами, растворенными в послеобеденном солнце.

Вскорет золотое захолустье сменил полярный городок, начинавшийся с острога и не переставший им быть, хоть и не осталось у него ни сторожевой башни, ни часовенки из желтых бревен. Их построят лишь через двадцать лет благодаря моей случайной знакомой, с которой нам было позволено заглянуть в хантыйскую могилу-избушку.

Четыре утра. Не садившееся солнце уже высоко, дощатые улочки, по обочинам которых тянутся голые, торчащие из луж прутья, малиновые крыши, будки автобусных остановок, ползущие над самой землей облака – все спит с открытыми глазами. Это то забытье, из которого выводит чье-то доносшееся до слуха открытие: да ты совсем не слушаешь, что я тебе говорю! Вообразите светлую дряблую старшеклассницу, представшую перед председателем, но представшую лишь по мнению этих корящихся дам, – на самом деле она так далеко, что не только никто из них не проникнет в эту даль, но и сама она, окликнутая, не вспомнит, где была, утратит бесследно ту страну, что вдруг разобьется с этим

о кликомопортрет Макаренко, тоже, впрочем, глядящего куда-то внутрь себя, снисходительно улыбающегося чему-то, видимому внутри. Такова са-лехардская белая ночь.

Берег изрытоврагом, по откосам горят, споря с солнцем, консервная жесть, битое стекло и прочий оттаявший необозримый хлам. Прошлого дня трава чернеет проплешинами вчерашних школьных костров. Вон покоится на боку позолоченное восходом суденышко, насквозь ржавое, безнадежное. Тот же цвет и тот же покой присущи тундре с видимыми в еде далеко двумя-тремя домишками, скорей всего знаменующими непостроенную станцию мертвой железной дороги. Вон три подернутых багряно-золотой утренней наледью столба. На один из них садится ворона и молча вертит головой, затем улетает, взмахнув неопрятными крыльями. Едва уловим хриплый вой мотора среди горячей холодной воды – непонятно, приближается или удаляется лодка. Подросток поднимается со своего щербатого ящика, закидывает на плечо сумку с красками, замерзавшими на отвратительной желтоватой бумаге, подхватывает подмышку папку и направляется домой, где все еще спят.

– Я никогда не умру. Ты как хочешь, а я никогда

не умру, я это точно знаю,— ни с того ни сего, откупоривая «Пшеничную», заявляет мой однокурсник, что ходит на пленэр в измятой, как попавшая под поезд жестянка, шляпе. Цвете ее не определим, как цвета чердака, где она найдена. Ее дополняют белые штаны, обветшалая и тоже, в общем-то, белая априори футболка, почти достигающая колен, и сума из мешковины, откуда торчат кисти. Довершает все посох, где-то подпиравший до этого бельевую веревку. Мы сидим в полутемной, загроможденной грошовым антиквариатом кухне, я смотрю на него, и тут по самым нашим головам прокатывается гром, и сразу, не церемонясь, обрушивается во всю свою мощь, затопляя майскую окраину, ливень.

— Ишь, пируют опять! Закусывали бы хоть ли, чели...

— Ну, баб Мань, и промокла ты!

— Дак ить дождь! Ишь громыхат-от эко место!

— Присаживайся, баб Мань!

— Да куда льешь-то стоко? Мне ить ранехонько к автобусу-то. В прошлое-то воскресенье прошаперила с вами, автобус-от и укатил.

— В церковь, что ли? Вроде завтра среда.

— Дак ить преполовение.

– Что-что?

Баба Маня, не мечта бисер, констатирует в очередной раз:

– Нехристи, нехристи есть. Волосоци-то! Срам! Срам!

Дождь, ожившие подворотни, поблескивающие домишки и дышащие чернильной сыростью кусты, теснимые, как и лачуги, глухими каменными домами, выгнувшимися над зябкой брусчаткой. Цокот копыт – заблудившийся во времени дилижанс потрепанной афишей цирка «Шапито» нагоняет кутающуюся в платок фигурку. Вечный, как луна, бледно-зеленый фонарь, примостившееся к стойке пустого бара тоненькое падшее создание и – чуть выше, над стойкой, в правом углу пропитанной тушью странички – «Увяли розы, промчались грезы». Ни один рисунок в ее почеркушнике не обходится без какой-нибудь надписи.

– Как, разве ты не знаешь? Она ведь беременна...

Автобусы почти не ходили к тому часу, когда мы с ее подругой подошли к остановке. На горизонте, открывавшемся за последними многоэтажками, на деле видимым темно-синим от дождя лесом белесо вспыхивали то и дело беззвучные молнии.

– И что теперь? Что они думают?

Она не знала, что они думают.

Оборванная странница в буром плаще заглянула в коси девшую на железном шесте мусорницу и, не высмотрев там бутылок, повлеклась дальше. Неподвижно пылали стекла верхних этажей, в кафе у пруда уже завязывались пылкие беседы, знающие себе цену молодые люди решительно увлекали из-за столиков дам – с прошлым и совсем девчонок, неумело гасящих сигареты в апельсиновой кожуре; рядом, в парке, при позднившееся на прогулке дитя пыталось расшевелить карусель, и та, уроженка бодрого сталинского времени, скрипела затравленно, натужно, пока бабушка не дергала за рукав ее учителя и не вела его мимо невозмутимых горнистов к пузатой крашеной ракете-горке или к барабану, который можно до одури раскручивать ногами, вцепившись в поручни.

Спрашивать больше было не о чем. Все было ясно, ясно насквозь, и эта ясность не нуждалась в словах, как не нуждались в них, чтобы быть понятыми, немые молнии над дальним, затянутым грозой лесом, солнце, асфальт и песок, и эта безлюдная дорога, ледяные многоэтажки и их слепящие стекла.

В тот год мне часто снился ночной железнодоро-

рожный мост – бесконечный, как неведомая тогда лестница Иакова, но без ангелов, с заледеневшими ступенями, уходящими в поднебесье. Там, насамомверху, такой гололедиветер, что шагнуть и устоять невозможно. А перил нет.

Потом я узнал, что, согласно одному из апокрифов, мост – это мир сей. Его надо пройти, но нелепо строиться на нем, обосновываться.

Были и другие сны или, точнее, видения, когда ничего не видишь, распадаясь, рассеиваясь, как роящийся сам в себе снег или пух, проваливающийся, плавая неровными кругами, в незримую пустоту, в нескончаемое коловращение, при котором память и беспамятство необъяснимослились, став чем-то третьим – не памятью и не беспамятством или и памятью, и беспамятством сразу – пухом, пухом лебедей, запряженных в Венерину колесницу, взмыла в ледяную огнепалящую высь крылатая упряжь и пропала в нахлынувшей тьме, унося за собой лопнувшие поводья, оставляя в сугробах на пустынной земле обломки колесил легкого кузова.

Что ни строй на мерзлоте, все будет напоминать лагерь, или капище, или первобытное ежекладбище с его дощатыми могилами, похожими в свою оче-

редь на лагерные бараки, видимые с вертолета.

Ненецкие кладбища, наверное, не намного интересней хантыйских. Пришли к кладоискателям по-рой перетряхивали висящие среди ветвей люльки сленточками, не находили ничего более ценного, чем рукодельный, сгребаемый вместе с листьями мусор знакомых каждому российских погостах, чем тот мокрый, серый бумажный венок на могиле моего отца.

Осень, когда он умер на Крстовоздвижение, была на редкость холодной: никакое количество одеял не могло согреть меня в поезде – только спирт, оказавшийся у священника, что ехал в соседнем вагоне.

Спирт пил я один. Батюшка – худощавый, года на три старше меня, бывший нарколог – сообщил, что это для него не тот холод, и продолжал вязать четки для пополнения приходской казны. Мы говорили о смерти, о литургическом богословии отца Александра Шмемана, об алкоголизме...

– Кировец стоит. Кировец! – негодовал в тамбу-рещуплый петербуржец, угостив сигаретой кутав-шегося в ветхий стеганый пиджачок инвалида. Тот умудрялся курить, сжимая сигарету обрубками не имевших кистей рук, и во всем с ним соглашался.

Когда почти пустой поезд дотащился наконец додолгожданной станции, была ночь. Путь достанницы, куда я по моим подсчетам должен был добраться на полсутки раньше, лежал через сжатые подлунные поля и прошел в молчании – мысли мои были далеки от оцепленного Белого дома, и говорить сомной частнику, гнавшему свою «пятерку» сквозь невероятно холодную для этих краев ночь, было не о чем.

Отца похоронили часов за восемь до моего приезда. Я так и не успел толком помириться с ним.

– Совесть у тебя никогда не было, – проговорил он сударением на «никогда» и словно вспоминая меня от дня моего рождения и до того дня – последнего, когда я видел его живым.

– Как и у тебя, папа, – парировал я.

Он вспыхнул, но промолчал и уже не сказал ни слова, докрашивая бирюзовой краской наличники, из-за которых и пошел сыр-бор. Покрасить наличники должен был я, но, видимо, краска там и сям закапала стекло и вообще летела во все стороны, вот и поехало: не любишь трудиться, пальцем о палец за всю жизнь не ударил.

Не разговаривая весь день, мы холодно простились на следующее утро, и вот – холмик, размытый

непрекращающимся несколько дней дождем, идиотская тумба, полурасколотый, негодный в хозяйстве кувшин, вдавленный днищем в оползающую грязь, и ручки, ручки, роющие вывернутый из глыбины чернозем.

Дождь то затихал, то снова моросил – беззвучно, через силу, а кночи поднялся ветер и неистовствовал, шумя в запустелых деревьях, когда я, вдавив в жестянку окурков, шел в дом и, стоя на коленях перед картонной иконой, читал, давясь пьяными слезами: «Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни. Блажени испытующии свидения Его, всем сердцем възыщут Его, не делающии бо беззакония, в путех Его ходиша».

Отпевали отца при мне, то есть уже похоронив, заочно, в заново построенном и напоминавшем снаружи авиационный ангар храме, под алтарными сводами которого, над иконостасом, сработанным местным любителем живописи, я видел ласточек летом, когда отец был еще жив.

Ласточки метались, то садясь на плавно сужавшиеся верхушки икон праотцов верхнем ряду, то цепляясь за цепь паникадила, и отчаянно щебетали. Солнце только всходило, заливая алтарь, где приносилась бескровная жертва. Несчастье заблуд-

дившихсяласточек, которые в скоревылетели-таки наружу, было не чем иным, как живым восполнением псалма, опускавшегося здесь, как и в других приходских храмах, «Девятого часа»: Сердце мое и плоть моя возрадовались о Боге живом, и бо птица обрела себе дом и горлица гнездо себе, где положит птенцов своих: алтари Твои, Господи сил, Царю мой и Боже мой!

Три старушки старательно выводили тропариза упокойного канона. Сероватые, цвета бескровных былинок, свечитрещали и плавилась у нас в руках. Брату все это представлялось спектаклем, но он мирился с ним, ибо такова была воля отца, за год перед смертью надевшего крест и начавшего соблюдать посты, исповедовавшегося и причастившегося в Чистый четверг.

– Если б не эти посты, может, и еще поскрипел бы, – размышлял вслух его брат, дядя Саша, хоть и знал, что причиной смерти был забытый при операции и начавший загнивать тампон.

Тампон извлекли и, после того как младший сын, преуспев на торговле кремом для обуви, не пожалел денег, начали менять повязки, перевели в палату, где были никакой-никакой уходи при смотр. Брата уверили, что никакой угрозы для жизни нет,

и, наверное, сам отец, которого он застал похожим на брошенного, беспомощного ребенка, сам в это верил.

Очки, тоненький молитвослов, по которому он молился, выходя на площадку для грузового лифта...

Дядю Сашу похоронили в конце октября через два года после того дня, а в то утро, когда мы стояли со свечами в покоем ангаре храма, он был извещен о своем скором исходе, но устршился узнать в точности, когда это будет. Произошло это так. Отец вошел под утро в его спальню праздничный, помолодевший и элегантный, как в молодости, когда играл в оркестре, в новом костюме. Лицо его было чистым, без синяков и ссадин, оставшихся после того, как он упал на кафельный пол, прежде чем его увезли в реанимацию.

– Ты думал, зарыли – и все? Это все бутафория.

Что именно бутафория, так и осталось необъяснимым. Начали бить часы, и отец сказал, что брат переживет его ненадолго – ровно настолько, сколько еще раз пробьют часы. Считал ли дядя Саша их удары, я не знаю, но, по словам тетки, слышавшей эту историю от его жены, он был в ужасе. Впрочем, это не разрушило его неверия в бессмертие, и, опомнившись, он рассудил, что ничего особен-

ного в этом посещении не было, – думал о нем, вот он мне и приснился.

Утром девятого дня было тем самым утром, что застал народ у не выключавшихся всю ночь телевизоров. В Москву вползали танки, а на станичном кладбище зябко позвякивало, рассыпая искры, кадилов загорелой руке отца Николая, трижды обходившего холм сторчащей из него тумбой. Размокшего венка у него не было: его, как и другие такие же, сволоки унес на восток, разбросав их там как попадо, не унимавшийся все это время ветер.

Желто-серая равнина, голая, словно вышедшее из вод океанское дно, начинавшаяся рядами свежих могил, возле которых почему-то запрещалось сажать деревья, простиралась за горизонт, окрашивающийся восходом. Уже всплывшее грузное темно-вишневое солнце поразило меня – это было солнце мерзлоты, приведшее за собой те же самые огромные неповоротливые белые глыбы, что стояли над Обью в дни ледохода. Разбросанные вдалеке бумажные венки – свалявшиеся, грязные – тоже напоминали о салехардской весне, ее бесчисленных протаявших помойках, ее нищенском светлом беззвучии. Я представил, как ветер таскал их по песку, и вспомнил рассказ знакомой московской ху-

дожницы отом, как вывозили сеедвора околешего окол мусорных баков бомжа – высоколобого, породистого, похожего на архангельского помора. Она видела окно, как стаскивал санитарного тряпье посредством специально заготовленного для этого проволочного крюка. И этот представившийся мне шорох, никчемности, будь то заскорузные тряпки или болтающаяся на проволоке размокшая бумага – последнее приношение живых, – показались мне чем-то словесным, словесным в самой своей бессвязности, ненужности. Я почувствовал то же, что чувствовал на следующее утро после моего ночного запоздалого приезда, глядя на промокшие и как бы замерзшие в не греющем, на минуту проглянувшем солнце ветки, на горюзатопленной дождем грязной посуде в тазу на скамейке беседки, под крышей которой когда-то жила воробьиная чета. Она кормилась тем, что удавалось прихватить со стола, тут же вспорхнув и чиркнув из безопасного, на их взгляд, убежища, где крошка уже была разделена на столько частей, сколько желтых незакрывающихся клювиков ждали какой ни на есть поживы.

В то утро птиц было не слышно – они молча поглядывали на промокший, выстуженный мир

из своих закутков, изредка обмениваясь невыразительными междометиями. Но не только из-за непогоды было так тихо – и двор, и беседка с невымытой посудой, и огород, где через год ветер раздерет полиэтилен заброшенной теплице, и вообще все, что я видел, было перенесено на север, где таятся языческие и лагерные кладбища, где отцувилась Женщина в платке и длинной одежде и, разбудив его, сказала, чтобы он поторопился: его парник уже отвязал лодку, оставляя его в лесу в отместку за нанесенную вчера обиду.

Все было перенесено туда, где отсутствие птиц дарит возможность услышать молчание света. И это, может быть, самый драгоценный из даров весны, приходящей на полумертвую землю так поздно, что ее уже и не ждут, но посмотри – вот она, и неважно, что сейчас осень и что ты в ста километрах от Черного моря, а не от Ледовитого океана, в саду, где несколько лет назад в ладонь твоей спящей в гамаке жены упало на рассвете яблоко, и, почувствовав это, открыв глаза, она услышала внутри себя, что скоро она снова будет беременна и что этого ребенка она должна будет сохранить.

– Очень важно, матушка, почаще записки к обедне подавать, – увещевал плохо разбирающуюся

во всем этом маму отец Николай, когда, придя с кладбища, мы собрались за столом.– Одна раба Божия – она у меня на клиросном послушании – рассказывала: умер у нее свекор – пьяница, знал я его, – умер, и снится ей – лежит он вроде как в чулане, темнота кругом. Лежит, а телов всевязвах, места живого нет, и весь черный, как головня. Она давай молиться, записки подавать. Через год снится ей снова: половина язв коростой подернулась, а многих уже и короста сошла, кожа розовая, как у младенца. А еще через год видит его опять – язв уж и не осталось почти.

Что сказал бы по этому поводу Юнг?

Или вот такой, например, сон: мальчик, снящийся моей шестилетней дочери, говорит ей, что она ее старший брат. Они гуляют по осеннему скверу – очень грустному, как расскажет она потом маме, – и около пруда находят мертвого лебедя. Брат говорит ей, что лебедь не мертв, что он оживет.

Затем они оказываются в театре. Раскрытые журналы в поднятых руках выбежавших на сцену танцовщиц обозначают птиц. Один из них вдруг рывком разрывают надвое.

Что все это значит? И почему лебедь оживет? Как он оживет?

Тому мальчику, говорила она, было десять лет – он сам сказал ей об этом. Да, именно десять лет назад, в октябре, когда совершенно пустой экспресс уже остановился, уже отъехала бесшумно дверца вперед салона, я зачем-то положил ладонь на живот моей беззвучно плакавшей подруги, и ладонь моя почувствовала легкий толчок.

Через год, начав ходить в церковь, в такой же затянутый тусклой моросью октябрьский день мы обвенчались в храме Воскресения Словущего, известном своей иконой «Взыскание погибших».

Помолись о нас, отец Николай.

Горел под бодрый комментарий диктора Белый дом, вытеснялся лицами зрителей, толпившихся на Калининском мосту.

В окне промелькнули две фигурки: дядя Миша – армянин, плотник, произносивший вместо «сволочи» «сволечки», и его бойкая славянских кровей жена Капитолина – соседи, жившие через дорогу, направлялись за обещанными вещами отца.

– Капа, Капа! – донесся с улицы голос мамы, догонявшей батюшку, чтобы вручить припасенную для него и забытую второпях жареную курицу.

Разговор с соседями не занял много времени, и скоро в окно снова можно было увидеть тетю

Капу – с горой вымытой посуды, позаимствованной у нее для поминок, и дядю Мишу – чинного, в совсем почти новом пальто и ондатровой шапке, снабтым битком громадным полиэтиленовым пакетом в руках. Пропустив врюмку коньяку, он передал через маму, чтобы завтра сутра я пришел к нему в столярку – делать крест.

До этого дня осьмиконечный крест из черной ленты был прибит мной к кумачу мокнувшей тумбы надрасползавшимся холмом. Через год вточности то же самое попросит меня сделать встреченная когда-то в рыбацком поселке дочь известного архитектора и сама архитектор. Разница будет лишь в том, что крест по ее заказу я составлю не из обрезков ленты, а из кожи и прибывать его буду не к тумбе, а к крышке гроба ее погибшего в автокатастрофе отца, спасшего когда-то Кижы.

Низату, ни за другую работу мне не будет стыдно: крест получится безукоризненным сточкой резания древнерусского канона – строгий и легкий, парящий, тоненький, как мачта, северный. Таким же был крест, сработанный с дядей Мишей. Я не мог не залюбоваться им, когда выглянувшее к концу вечера солнце осветило его, только что покрытый олифой, прислоненный к кирпичной стене

подголым проволочным навесом для винограда.

Виноград, еще ни разу не приносивший плодов, побил заморозок, как побил многое из посадок ряновзвяхшихся за садоводство пенсионеров, всю жизнь преподававших музыку детям тундры.

Прочитал ли отец предупреждение, посланное тем заморозком?

Север так и не отпустил его, сына врага народа. И разве это случайно, что его соседом по кладбищу до самого Страшного Суда, на котором только мы встретимся теперь, стал человек без имени, не похороненный, а вываленный в яму в полиэтиленовом мешке в тот же день?

Как-то раз я видел у того холмика с колышком женщину – пожилую, обычную. Она что-то говорила, толи мне, стоявшему рядом, толи самой себе, то ли просто в пространство. Я понял только, что она ему не мать, не жена, не родственница никакая, просто знала его. Просто ближняя. Может быть, соседка. Кем был он, я тоже не понял – она все что-то сокрушалась о нем, а пришла посыпать песочком, освященным на панихиде, этот его холм – трижды, крестообразно, повторяя при этом «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Значит, крещеный. И этот колышек с номером – разве

не крест? У каждого он свой, как известно. Свой у каждого человека, рода, народа. И вот этот, подумал я, стоя в последний перед отъездом вечер средитумбинаскоросбитыхкрестов, и есть крест русского человека в наш век.

В этом колышке с номерком тоже было что-то детское. Я вспомнил, как послушники зажигали в шестом часу утра лампы в Троицком храме и как я подумал тогда: вот ты где, мое детство, детство, которого у меня не было, потому что разве это детство: без лампы в спальне, без запаха дана и просфор по воскресеньям и праздникам, без Пасхи и Рождества?

Или все-таки было оно? Ведь был двор, и сирень у крыльца, и елочный шар на рождественской елке — да, именно рождественской, хоть и слова этого ты не знал, и о Том, Кто родился, если и слышал, то слышал лишь то, что Его нет и никогда не было.

И еще были церковь, где жили голуби и ждали своих автобусов пассажиры недалежного следования, громоотвод на месте креста, ржавое, с неровными краями железо в окнах и остатки извести. Какого цвета она была? Кажется, голубоватая, но, может, это было и не так. Она была цвета тронутого таянием снега в бессолнечный, но яс-

ный день, цвета халатиков, выдаваемых в заолустных родильных домах.

Беззвучный взрыв, и, чуть приподнявшись, церковь оседает, обваливается, окруженная народом, и вотуженетее, благословлявшей беззвучное детство, осевшее в прах вместе с ней или перенесенное туда, где, может быть, мой сын, которому не дали родиться, стоит перед деревянным распятием в удивительно прибранной белой комнатке, залитой полуденным солнцем.

На следующую после своей смерти весну отец приснился веселый, с огромным букетом первых тундровых цветов, нашей старинной знакомой – тоже всю жизнь преподававшей в культпросвете и окончательно потерявшей зрение nenke. В то время я оказался на несколько дней в Салехарде – оказался, может быть, именно для того, чтобы узнать об этом посещении. Она умерла месяцем через два. Как ни угоривала я ее тогда позвать священника, зная, что другой такой возможности у нее не будет и что никому из ближних ее ни когдане придет в голову сходить за бабтюшкой, как ни увещевал, все было тщетно.

– Куда уж мне, ладно уж и так...

Но зато ее сон, разве не говорит он, что у нее есть надежда?

«Наш негордый Бог» – сказал об Увиденном мной в пять лет Симеон Новый Богослов.

Цвет мерзлоты, печать зимы, оттаявшая и снова подернувшаяся льдом земля в седмицы Великого поста.

Салехард большую часть этого времени еще позимнему плотно спеленут в белый кокон. Солнце лишь начинает разграничивать небо и снег, уходящий в небо. Уходящий так же неуловимо, как проваливается в забытьё рассудок на недодуманной, распадающейся на полуслове мысли и даже не мысли – тени мысли, скользнувшей по поверхности сознания, отрешающегося от всего внешнего и от самого себя.

– Что с тобой? Приснилось что-то?

Раскосые глаза нагой хранительницы очага, на половину освещенной им, то есть приоткрытой печкой, у которой она сидит на корточках, подкармливая огонь.

– Да так... Ты там замерзла, наверно?

Сунув в печь бывшие у нее в руках ветхие рейки разломанных ящиков, собранных на задворках близлежащего магазина, она выпрямляется, приотворяет заслонку, ныряет под одеяло. На кухне – она же прихожая – вздувается, шурша, полиэтилен

на окне. Вдругое окно, справа от стоящего на чурбаках ложа, виден круто обрывающийся к Оби берег, и там, далеко внизу, у самой воды, невзрачно светятся несколько огоньков. Должно быть, это лодочная станция.

– А знаешь, у нас еще вино осталось.

– Да?

– На кухне. Я видела, когда выходила. Принести?

– Конечно! Оно же выдохнется до утра. Или замерзнет. Нет, подожди, у тебя и так вон какие ледышки.

– Да ладно, лежи уж.

Она выскальзывает из-под одеяла и, подхватив лежащую у ног шубу, устремляется туда, где трепещет полиэтилен, – всякая-то несурзная, угловатая. Принесенной ей «Старого замка» оказывается как раз на две чашки, заменяющих бокалы.

– И за что же мы выпьем?

Она смотрит в окно.

– За огоньки. Видишь? Вон там.

– Да. Вижу. За огоньки.

Михаил Бутков

ВЕЧНЫЕ ЛЬДЫ

« **Ж**изнь во льдах? Сомневаюсь, что люди когда-либо чувствовали себя столь одинокими и покинутыми, как мы. Я не способен описать пустоту нашего существования».

Это высказывание Фредерика Альберта Кука, путешественника, скорее всего первым достигшего Северного полюса, но впоследствии оболганного и раздавленного своим конкурентом Робертом Пири, австрийский писатель Кристоф Рансмайр мог бы взять эпиграфом к своей первой книге. Правда, эпиграф вышел бы так себе, предательский – рассекречивающий суть еще до того, как повествование началось.

Роман «Ужасы льда и мрака» впервые опубликован в Австрии в 1984 году. Но прошедшего времени сегодня не ощущается. Раньше очень остро рожен по отношению к модным на данный момент стилистическим мировоззренческим тенденциям, к «горячим» событиям и реалиям, а по сути его сочинения совершенно развязаны с какой бы то ни было сиюминутностью – и не стареют. Роман можно назвать документальным. Построен он по довольно-таки нехитрому плану. Две перемежающиеся линии: одна – историческая, изложение событий и обстоятельств австро-венгерской полярной экспедиции Вайпрехта-Пайера 1872-1874 годов. Экспедиция пережила на вмерзшем вольды корабле две полярные зимы, открыла и нанесла на карты Землю Франца-Иосифа и сумела выбраться на материк достаточно, по сравнению со многими другими, благополучно, почти в полном составе. Время приучило нас подозревать едва ли не в всяком тексте, претендующем на документальность, литературную мистификацию, но в этом случае, сердце подсказывает, выдержки из дневников и отчетов участников экспедиции, составляющие добрую половину текста исторической линии, – подлинные.

Как и практически все встречавшиеся мне дневники, письма и т.д. полярных путешественников второй половины девятнадцатого – первой четверти двадцатого века, они заставляют признать, что человек с тех пор обмельчал, в смысле силы духа, и обмелел, в смысле масштаба замыслов и воли к реализации своего «жизненного проекта». Почему так произошло – у каждого, наверное, своя версия. Другая линия – современная и тоже по форме документальная, то ли в действительности, то ли как бы воссоздается подневниковым записям молодого жившего в Вене итальянца, потомка одного из матросов экспедиции Вайпрехта-Пайера. Герой детства зачарован мыслями и фантазиями об Арктике, отправился по следам экспедиции на Шпицберген и далее – и в конце концов пропал во льдах.

Полярная тема была достаточно популярна в фантастической литературе девятнадцатого и самого начала двадцатого века. Сразу приходят на ум «Гиперборея» немецкого романтика Захарияса Вернера, «Приключения капитана Гаттераса» и «Сфинкс снегов» Жюль Верна, шагающее по льдам чудовище Франкенштейна, рассказы Эдга-

ра Пои Куприна, запоздалая «Земля Санникова». Но когда стало понятно, что собой по-настоящему представляют полярные области, когда все большему числу людей удавалось увидеть их воочию и многие описали свой опыт, она практически исчезает – хотя вроде бы трудно найти ему благодарнее: подвиги, преодоление, стальные характеры... Легко вспоминаются разве что «Два капитана», «Красная палатка» Нагибина (авихтени, как один общий образ, – и многие иные «полярные» романы советского периода, чьи названия и имена авторов история если и сохранила, то для узкоспециального литературоведческого поиска – что, впрочем, тоже факт со значением), да линия отца в «Рэгтайме» Доктору. Есть еще очень популярный роман датчанина Питера Хега «Смилла и ее чувство снега», но он увидел свет позже книги Рансмайра, да и речь там все же о терраферме – арктическая часть действия разворачивается в Гренландии, так до сих пор и не явившей миру своего «истинного» зеленого облика, мечтой о котором заразили европейских мистиков викинги-первооткрыватели, нетонаблюдавшие фата-моргану, нетоуспевшие застать отступление ледника. Причина образовав-

шейся лакуны, может быть, в чрезвычайной яркости и драматической силе издававшихся подлинных полярных документов. Автор этих строк, например, готов поставить в ряд лучших книг двадцатого века «Самое ужасное путешествие» Э. Черри-Гаррарда, участника британской антарктической экспедиции Скотта (русский перевод был выпущен в 1991 году издательством «Гидрометеиздат»), да с ними дневники Скотта, публиковавшиеся у нас неоднократно, но всегда неудовлетворительно. После этих подробнейших, со своей естественной драматургией, свидетельств сверхчеловеческих усилий, потребных полярникам для выживания, жесточайших лишений, спорных триумфов что сделать еще романисту? – тем паче, что дневники, отчеты и письма принадлежат, как правило, людям образованным, отлично управляющимся со слогом и стилем? Придумывать оставленную дома возлюбленную?

Так что выбор Рансмайром документального «формата» (или его имитации) совершенно точен, учитывает традицию и позволяет автору негородить лишнего ради романной формы. Выверенный ритм

подачи документов, сведений, иногда даже организованных в таблицы, экскурсии в общую историю полярных путешествий, а между ними – уже писательская реконструкция событий: то, что автор мог представить себе, читая дневники. Интонационно напряженная проза. В том же скупом ключе – эпизод за эпизодом, без особо пространных психологических и т. п. отступлений (хотя и не во все без них) – ведется и современная линия: неожиданный замысел героя, его встречи на Шпицбергене, плавание на научном корабле, несостоявшаяся высадка на Земле Франца-Иосифа, уроки управления собачьей упряжкой, исчезновение... Но понятно, что именно она и делает текст романом. И, как положено роману, задача здесь больше – и контуры ее расплывчаты, – чем просто беллетризованная хроника полузабытой экспедиции и рассказ о печальной и загадочной участи человека, которому что-то в истории этой экспедиции не давало покоя.

Рансмайр – писатель на современном фоне несколько обескураживающий. Современному роману положено иметь ясные обоснования своего существования, как бы порождающую причину, и

мы уже привыкли ее выискивать, тем более что нынешними авторами она и не скрывается, а, скорее, наоборот – выпячивается: вот тут постмодернистские ребусы, тут испытание на прогиб возможностей конструирования сюжета или лексических, культурных пластов, тут реализация необычной структуры, тут критика современной цивилизации, политическая, психоаналитическая, феминистская, гомосексуальная подоплека... Но у Рансмайра ничего подобного не читается. Интеллектуально подкованный потребитель литературы вправе развести руками: по большому счету – о чем это? Даже искренности, исповедальности никакой, куда там – крайнее, холодное остранение. Разве что переработанные Овидиевы «Метаморфозы» в следующем романе Рансмайра «Последний мир» можно пришить к постмодернизму. Но лучше, мне кажется, этого не делать – выйдет скучно. Лучше увидеть здесь «генетически чистый материал» трагедии. Которая, если она настоящая, в каких бы реалиях ни разворачивалась, будет не о манерных душевных страданиях и не о социальной несправедливости, а – прошу прощения за повторение общеизвестного – о пред-

стоянии человека року. Только вот рок понимается Рансмайром не по-античному, как властная, хоть и безличная сила, где-то еще до времени словно отштамповавшая формы людских судеб. А вполне в духе века: здесь это абсолютная, мертвенно-бездеятельная пустота, в присутствии которой человеку достается лишь иллюзия судьбы. Нет, персонажи Рансмайра отнюдь не вздыхают экзистенциально по поводу «пустоты бытия» – обстоятельства вынуждают их проживать наполненную событиями жизнь. Но любая жизненная траектория разворачивается у писателя в онтической пустыне, где все в конечном счете бесцельно и бесформенно, поскольку цели и формы невозможны как таковые – им не удержаться, не выстоять. Положения своего персонажи не осознают и действуют в состоянии своеобразного метафизического сомнамбулизма. Вроде бы все, что они делают, – осмысленно, но на действительно глубоком бытийном горизонте их поступки не принадлежат ни им, ни какому бы то ни было смыслу. Так вода растекается произвольно по гладкой горизонтальной поверхности. В холодной пустоте герои Рансмайра щетно, не понимая значения своих действий,

пытаются латать прореху между собой и ничем.
А из нее несет смертью.

Пройди Рансмайр, при таком подходе к делу,
мимо Арктики – было бы удивительно.

Архитектор, художник и писатель Андрей Бал-
диноднажды сказал в разговоре о полярных иссле-
дователях: они выбирают путешествие, в котором
можно двигаться в глубь каждого метра пути. По-
гружение в белое означает продвижение к своей
собственной цели, которую ты можешь нарисовать.
Бесконечное путешествие.

Немудрено, что история России, давным-давно
и безнадежно запутавшейся в собственных изме-
рениях времени и пространства, связана с Аркти-
кой так тесно – и так странно. Уже первейшие
русские научные экспедиции – арктические.
В недавнем прошлом Арктика откровенно поды-
грывала большевикам – ей явно под душе проекты
гигантские, дикие и неосуществимые. Например,
адмирал Колчак, до революции не просто глотнув-
ший Арктики, наравне с другими исследователями,

а совершивший беспрецедентный шлюпочный поход в поисках пропавшей части экспедиции Толля, был в этом свете обречен на провали и погружение в хаос – когда пытался вернуть Россию к прежним и достаточно еще внятным смыслам. Зато настоящая советская эпоха буквально переполнена полярниками: «седовцы», «челюскинцы», «Красин», дрейфующие станции, невиданные авиаперелеты... Обычные моряки северного флота, занятые будничной и понятной работой – перемещением грузов, – не относятся к разряду героев. О них пишут в ином ключе, они – «простые советские люди», то есть им положено выполнять героические действия, однако запрещено осознавать свой героизм и принимать почести. Истинная же советская полярная героика, обосновавшаяся на первых полосах газет, взмывает высоко над обыденностью труда и над любым житейским попечением. Это, во-первых, «чистое», довлеющее себе пребывание во мраке полугодичной ночи, среди льдов оковывающих либо трескающихся (выбор по критерию обеспечения наибольшей опасности). Все-му этому приписываются некие научные цели, но такое объяснение может обмануть только самых

наивных. Трудно и придумать, какие открытия должны были бы обеспечить осуществляемые наблюдения и промеры, чтобы оправдать подобную напряженность всеобщего внимания. Этих полярников, спустившихся со смерзших в лед кораблей, несущих вахту на дрейфующих станциях, называют «зимовщики». Они боролись со временем. Но особенным почетом пользовались те, что подчиняли пространство, имели больше степеней свободы, возможность движения относительно дрейфующего льда. В первую очередь – летчики. Или мощные ледоколы, сливавшиеся в одно с командой – как звали капитана, а тем более моряков рангом пониже, помнили не всегда, названиям кораблей вообще свойственно отодвигать в тень людские имена. Но если корабль попадал в ледовый плен моряки превращались в зимовщиков – они едва не становились известны поименно. Задачей таких вылетов, плаваний, экспедиций чаще всего был поиск других полярников, помощь, спасение. Многие из этих людей остались моими героями навсегда, хотя смысл в их образе идейный теперь для меня собирается уже иной, не тот – вернее, не только тот, – что в школьные годы. В оптимистические

времена «перестройки» чуткий к не слишком за-
таканным историческим символам рок-музыкант
Борис Гребенщиков сочинил ряд песен в духе про-
щания с эпохой: уходящие в небытие полярники
стали сильной метафорой для одной из них. Когда
полтора десятилетия спустя в России решили, что
опять слишком уж рьяно попрощались с прошлым,
была организована новая небывалая экспедиция
в Арктику: туманно мотивированное, не имеющее
ясных целей, если исключить символические (а то
и ритуальные), погружение надно океана прямо
на Северном полюсе с участием депутатов от пар-
тии власти.

Взгляд австрийца Рансмайра на полярную эпо-
пею человечества не содержит иллюзий. Это не
привычное нам восторженное удивление му-
жеством полярных исследователей, но, скорее,
растерянное недоумение перед мерой челове-
ческих страданий и числом погубленных жизней –
в стремлении к чему? История полагания целей
в области вечных льдов – вообще интересная шту-
ка. Прагматических, по сути, было среди них все-
го две – Северо-восточный и Северо-западный

проходы: предполагалось, что они станут удобными морскими путями в богатые и притягательные в торговом отношении страны Востока. В остальном искали на Севере все больше что-то мистическое и туманное: Гиперборею, зеленую алхимическую Гренландию, призрачную Землю Санникова, некие царства духа либо места, подходящие для пробуждения духа в себе. Последнее, пожалуй, удалось – через постоянное пребывание глаз в глаза со смертью. Антарктические исследования практически сразу, без преамбул, превратились в спортивную гонку ради национального или личного престижа. Ну, когда-то надеялись еще найти золото в новооткрытых землях, как надеялись на золото везде, потому что оно не только, а может быть, и не столько богатство, сколько символ земли обетованной, которую можно после соответствующих усилий обрести (простые участники австро-венгерской экспедиции – матросы, егеря – верят, что земля, которую им предстоит обнаружить, непременно окажется зеленой, обильной жизнью, благодатной, – и совпадают в этом со многими мистиками). Но в Арктике нет золота. А в Антарктиде если и есть (не знаю) – добыча его сегодня окажется невыгодной.

Труды и результаты в полярных областях всегда и так и иначе несоразмерны. Морской начальник экспедиции Карл Вайпрехт в дневнике твердит как заклинание, как будто старается уверить самого себя: смысл полярных экспедиций не в поиске новых земель, не в достижении любой ценою все более и более высоких широт, а в кропотливой исследовательской работе, методичном сборе научных данных. Но значимыми эти данные представляются только борту затертого вольдаха корабля. Занесенные в журналы в пятидесятиградусный холод обмороженными пальцами, на материке они ложатся на академические полки мертвым грузом. В упомянутой книге Черри-Гаррарда есть замечательный фрагмент о том, как по возвращении в Великобританию автор понес сдавать в музей пингвиныя яйца — вылазка за ними стала одним из самых драматичных моментов перенасыщенной драматизмом экспедиции Скотта. В музее просто никто не понимает, что он принес, откуда и чего ради они должны этим заниматься...

Реальные итоги многовековых полярных устремлений поразительно скудны и рутинны на фоне

порыва, гнавшего путешественников навстречу «ужасам льдов и мрака». Есть русская навигация Северо-восточным проходом, известному на скак Северный морской путь, но Европу с Индокитаем и Дальним Востоком связал в итоге прорытый безо всякого героизма Суэцкий канал. Открыт десяток островов и архипелагов, годных лишь на то, чтобы устроить там ядерные полигоны. Промерены глубины Ледовитого океана, и теперь под Северным полюсом может проплыть атомная подводная лодка, готовая обрушить ракеты на голову супостату. Впрочем, подводные лодки как оружие и фактор сдерживания уже устаревают. Оптимизма в отношении разработки полезных ископаемых на арктическом шельфе, да и вообще в океане, должно решительно поубавиться после недавней катастрофы в Мексиканском заливе. Действительно полезную задачу выполняет сеть циркумполярных метеорологических станций – и на севере, и на юге. Вокруг Антарктиды в целом заметно большее оживление – но особого рода. Ее опять активно делят державы. Последние полстолетия на фоне ее суровых ландшафтов констеллируются архетипы, ставшие уже респектабельными. Из-под ан-

тарктических вод стартуют НЛО, подееледниками скрыты тайные базы нацистов и погребен космический корабль пришельцев, до которого в полном метре все-таки добрались агенты Малдер и Скалли. Теперь мы знаем, что куда-то в сторону Антарктиды смотрел из пещеры на южноафриканском берегу океана тот древний прачеловек, что первым нанес на кусок мягкого камня ритмичные черты. Как будто из географии юнгианских снов и расположенное под четырьмя километрами льда озеро Восток (и оно, судя по всему, не одно такое на материке). Изучение обитающих в нем первозданных бактерий может многое дать для понимания того, что есть жизнь и откуда она появилась. Заглянув в эти воды, человек может встретиться с архиглубокой своей тенью. Однако до сих пор еще не придуманы методы взятия из озера проб – так, чтобы исключить воздействие на его замкнутый мир, не нарушить естественного состояния, равновесия, поддерживающегося миллионы лет.

Арктические холод и пустота все перемелют в ледяное крошево. Матросы Вайпрехта строят вокруг корабля дворцы изо льда, дома, целые улицы.

Подвижка льдин превращает их в ничто. Матросы строят опять. Пока хватает сил. Соревнуются с ветром и холодом, гордящимися торосы – собственную впечатляющую архитектуру хаоса. Но сухопутный начальник Пайер знает, что способно даже здесь остаться крепко, надолго, – если, конечно, они выживут или хотя бы их записи попадут в нужные руки. Сухопутный начальник мечтает отдаться номинативной стихии. Но тут потребна земля, ведь не станешь именовать льды. Его санные вылазки на Землю Франца-Иосифа, осуществленные буквально на последнем дыхании, превращаются в захлебывающееся нарекание имен. Проливам. Островам. Мысам, к которым никто никогда не пристанет. Горам, на которые никто никогда не взойдет.

Игорь Сид

ЮЖНЫЙ КРЕСТ ЭЙРИКА ТОРВАЛЬДССОНА

*Быть может, во мне заговорил идеализм молодости,
часто увлекающий на путь мученичества,
и он-то и заставлял меня видеть в самом себе
крестоносца в области полярных исследований...*

Руал Амундсен. «Моя жизнь»

Миф о том, что завоевания древних скандинавов ограничивались Северным полушарием, все чаще опровергается находками, сделанными в Южной Америке и в Антарктиде. И кажется невероятным, что толчком к открытию ледяного континента послужило фантастическое зрелище созвездия Южного креста, за гипнотизировавшее пришельцев с далекого севера.

Передомной лежит уникальное русское издание середины XIX века – единственный номер «Путевого журнала», фактически предшественника знаменитого журнала «Вокруг света». Мое внимание привлекло в нем большое исследование некоего М. И. Коновцева под интригующим названием «К истории двух поселений исландских норман-

нов, или же викингов, в субполярной Антарктике». Особенно удивило, насколько глубоко российский автор, первым написавший об антарктических норманнах, постиг психологию наших северных соседей и отчасти пращуров. А именно – парадоксально тяготение нордического характера к Югу.

...«ПЕЧЕНЬЕ «ВАРЯЖСКОЕ», С КОКОСОВОЙ СТРУЖКОЙ». Дивная этикетка в бакалейном отделе одного из первых перестроечных супермаркетов уже много лет буквально стоит у меня перед глазами. Стихийная фантазия неведомого кондитера протянула заблуждающую ниточку из русской истории в экзотический мир. «Из варяг в греки – и дальше!» Недаром, скажем, русское слово «князь» происходит от викингского конунг – предводитель, наемный князь, а слово «витязь» – собственно от викинг. И «подвижная» часть нордической натуры сохраняется в нас как возможность. То-то россиянам так дороги три викинга XX века – великие норвежцы Фритьоф Нансен (между прочим, потомок – через 30 поколений августейших фамилий Европы – русских князей Игоря Киевского, Владимира Красное Солнышко и Рюрика Новгородского), Руал Амундсен и Тур Хейердал. И «хождение

за три моря» нашего первого «Тура Хейердала» – Афанасия Никитина, открывшего соотечественникам прямое многообразие миров азиатского Юга, и африканские экспедиции поэта Николая Гумилева, и утопический проект «свободной русской колонии в Новой Гвинее» Николая Миклухо-Маклая.

Сверхдальние путешествия и древние контакты между удаленными цивилизациями – одна из самых волнующих тем в мировой истории. До сих пор помню, как в середине 1970-х меня сразила вскользь брошенная однокашником фраза: «Авикинги, наверное, уже долетели до Марса!» Я даже зажмурился, представив примитивный, деревянный космический корабль, столетиями мчущийся к соседней планете. Но мое воображение тут же погасили, уточнив, что речь о «Викингах» в кавычках, то есть исследовательских зондах, которые в скорейшем случае действительно успешно совершили посадку на Марс. Много парадоксальных ассоциаций возникало и на отечественной почве. Начиная с объяснения имени былинного коня – «вещая Каурка» – через инкрустацию упряжи тропическими раковинами каури.

Работая двадцать лет назад исследователем-

ихтиологом в антарктических прибрежных водах, я обратил внимание, что для обозначения изолированной скалы или горного останца, выступающего над ледниковым покровом Антарктиды, моряки и ученые используют эскимосское слово «нунатак». Полярные области нашей планеты естественно зеркалят друг друга. Но такой, почти метафорический перенос понятия породил волнующий вопрос: если в Антарктике есть свои морские слоны и котики, свои бакланы (т.е. пингвины), свои айсберги и нунатаки, то почему нет – и, скорее всего, не было – антарктических чукчей или эскимосов? И вообще иннуитов, как именуются в науке циркумполярные, то есть обитающие повсей окружности полярной зоны, народы Северного полушария.

Несколько лет назад аргентинские археологи обнаружили в Антарктиде (которая, как считалось, была открыта в 1819 или 1820 году) следы посещения ее человеком минимум за 200 лет до «официального открытия». На прибрежных охотничьих стоянках начала XVII века были найдены предметы утвари, обувь, фрагменты одежды и деревянных строений. Люди, прибывшие в Антарктиду из аргентинской провинции Патагония, занима-

лись промыслом морских львов и слонов. Но, по-видимому, они тоже не были первооткрывателями ледяного континента. Стоит вспомнить останки древнего – на деревянных гвоздях! – корабля, лежащие и спокон веков вблизи антарктической станции «Артигас» (Уругвай). По словам моей коллеги, физика Ирины Репиной, участницы 47-й и 48-й российских Антарктических экспедиций, именно из этих древних досок сооружен знаменитый указатель расстояний от данной точки Антарктиды до разных частей света.

Эпоха норманнов, их походы и последующая колонизация ими новых островов и архипелагов (Исландия, Шетландские, Оркнейские, Гебридские острова, Гренландия...) – яркий и тревожный период европейской истории – начинается еще с конца VIII века. Морские разбойники – выходцы из Скандинавии, называемые там викингими, – на быстроходных для того времени парусно-весельных килевых судах опустошали прибрежные районы Европы. Увлекательные подробности об этих походах отважных скандинавов содержит великолепный труд Г. И. Анохина «К этнической истории гренландских норманнов» в составе сборника «Ро-

мания и Барбария», выпущенного издательством «Наука» в 1989 году.

Итак, викинги. Через Северное и Ирландское моря, через пролив Минч между Шотландией и Гебридами, как пишет Анохин, на пиратских ладьях хищно устремлялись они к берегам Англии, Франции и Испании и далее – в Средиземноморье, где опасности от них оказывались на побережье поселения не только в западной части моря, но и в Адриатике, и в Эгейском море, и на Ближнем Востоке. Вполне вероятно, что некоторая часть этих нордических авантюристов делала пробные рейды и южнее Гибралтара, вдоль африканского побережья. Трудно даже теоретически назвать предельную дистанцию вылазки викингов на супер-скоростных для своей эпохи пиратских кораблях.

Но не только разбойничье поприще и необходимость освоения новых земель заставляли викингов покидать родной дом. Была еще одна причина – спасение от кровной мести. За убийство свободного человека из другой семейной общины тинг (местное вече) объявлял главу семьи – а значит, и всю семью – вне закона. Этот приговор «skogarmadr» – «вне закона навсегда» – давал право

каждому в любой момент убить осужденного. Вот и уходили «приговоренные» семейные общины вместе с их главой, домочадцами, зависимыми людьми и рабами-ненорманнами, неся с собой в новые края сложившиеся традиции и обычаи.

В начале 970-х годов среди таких «отщепенцев» оказался человек, которому суждено было в дальнейшем возглавить колонизацию антарктических земель. Его звали Эйрик Торвальдссон, по кличке Рыжий, «человек неумной энергии и ктому же своевольный», как пишут о нем современные исследователи. Он-то и стал хевдингом – лидером антарктических норманнов.

Спасаясь от кровной мести, Эйрик бежал из родной Норвегии. Затем в Исландии, в своем Эйрикстадуре («Усадьбе Эйрика»), наш герой устроил обвал склона на дом соседа Вальтьова. Друзья соседа вотместку убили рабов Эйрика. Эйрик приказал сначала одного из этих друзей соседа – Эйольва, а потом на поединке – прославленного драчуна Храфна. Родичи Эйольва возбудили тяжбу. И решением тинга Эйрик Рыжий был поставлен вне закона, практически обречен на изгнание. Но Эйрик не утихомирился, и вскоре, как утверж-

дает норвежский писатель Э. Булстад, получил приговор *skogarmadr*. Для амбициозного, харизматического персонажа, каким был Эйрик Торвальдссон, это означало не столько опасность или позор, сколько счастливый повод отправиться на поиск новых земель.

Из исландских устных преданий Эйрику и его современникам было известно, что лет за сто до этого корабль некоего Торбьерна в шторм пронесло далеко на юг от Гибралтара к неведомым торчащим из воды скалам (по современным предположениям – младшие острова Мадейры либо Канар), которые вошли в фольклор под названием *шхер* Торбьерна. Было решено двигаться на юг на их поиски. Весной 980 (по другим источникам, 982-го) года Эйрик со товарищи вышли из исландского Хвамсфьорда на шести больших кораблях. Но мореплаватели сбились с пути. Оставив слева от себя, на востоке, *шхеры* Торбьерна и всю Африку, флибустьерская дружина через два трудных месяца, полных опасных приключений, достигла бразильского и аргентинского побережья. Саги молчат о контактах в дороге с населением новооткрытых земель. Скорее всего, короткие высадки на берег

служили лишь для пополнения запасов пищи, и маленкая отчаянная флотилия продолжала неуверенно двигаться на юг.

Романтической гипотезой Коновцева, объяснявшего этот «южный вектор» замороженностью путешественников и их предводителя зрелищем созвездия Южного креста, которое открылось им во всем великолепии уже при пересечении Северного Тропика (около 25 градусов северной широты), можно было бы пренебречь. Но здесь нужно учесть, что незадолго до экспедиции имел место грандиозный «богословский» спор Эйрика с его сыном Лейвом. Последний прослужил зиму в норвежском Тронхейме дружинником при дворе знаменитого викинга Олава Трюгвасона, который не только сам стал христианином, но и активно насаждал христианство среди норманнов. Лейв получил задание Олава — крестить своих товарищей и родственников, чем его отец поначалу был очень недоволен. Можно представить себе шок, когда перед путешественниками вдруг засиял величественный небесный крест, никогда невидимый их соплеменниками дома, в их широтах! Конечно, крест был воспринят как открытие, как маяк, как путеводная звезда.

Он указывал почти точно на юг.

Впереди был полуостров Огненная Земля, пролив Дрейка... И – Антарктида. Даже сегодня в ее прибрежных свободных ото льда «оазисах» ютится кое-какая растительность: мхи, лишайники, грибы, несколько видов трав (о, как класкает слух натуралиста название: «злак щучка антарктическая»!); крупных морских млекопитающих речь ужешла. Тысячелетие же назад более богатые флора и фауна края вполне могли обеспечить существование суровым людям, привычным к условиям приполярья.

Подробности о том, как Эйрик Рыжий с соратниками и с четырьмя своими взрослыми детьми – сыновьями Лейвом, Торвальдом, Торстейном и внебрачной дочерью Фрейдис – достигли Антарктического полуострова и основали на его самом северном, то есть самом теплом побережье в начале новый Эйрикстадур, а затем поселения Эстрибюгдар и Вестрибюгдар, о том, как Торвальд погиб на берегу Антарктиды в стычке с местным явно монголоидным, по описанию, населением, называемым в сагах скрелингами, о том, как два столетия спустя Эстрибюгдар и Вестрибюгдар обезлюдели то ли из-за неизвестной эпидемии, то ли

**в результате биологического вырождения общины,
– можно прочитать в «Путевом журнале», вышедшем
13 апреля (по новому стилю) 1855 года.**

Мария Степанова

РЫБА

В тазу жестяном, в тазу жестяном сидела,
Налили туда воды и соль размешали,
Один захмелел, второй – чинить передатчик,
Четвертый бродил по берегу, причитая,
Что внукам рассказывать будет, а я продолжу:
Английского не понимает, есть не просила,
Но как-то придется – варить, предложить сырое,
Быть не может, просто не может быть.

Глаза завидущие, толстые губы, волосы,
Как мокрое сено, белесые, пахнет – водкой;
Чуть перевернется на брюхо, одною линией,
Как у тебя, прописаны позвонки.
Ни слова по-русски, скорей угро-финская группа,
Но специалистов, к несчастью, не нашлось,

Когда наудачу с утра забросили сети,
И тварь улыбалась и била навстречу хвостом.

Стемнело, открыли консервы, лампы внесли.
Явились карты и шахматы, безуспешно.
Заспорил с механиком, но разговор не шел.
Быстрый осмотр (присутствовал,
подпись, подпись) –
Не успеваю, только первые цифры,
Вес шестьдесят. Длина хвоста – девяносто.
Рваные раны в области живота
Нанесены предположительно острым предметом.
Не успеваю, только первые выводы,
Времени нет, – восстановление связи,
Утепление зимовья, добыча рыбы.
Ест ее вместе со всеми, очень опрятна,
Кофе не терпит, одежду носить отказывается;
Замерил диаметр соска; воду меняем
Утром и вечером; спит, обнимая хвост.
Лица не различает. Имен не помнит.

Не успеваю, только что от радиста,
Подозреваем, что кто-то испортил рацию
И запасной генератор, понять зачем,

Незачем понимать, но верю, что встретимся.
Лучше шифруй, лучше шифруй записи,
Вчера, ввосемнадцать, опять вертолетнаделками,
Пульс учащенный, легкая дурнота,
Плеск и хохот за ситцевой занавеской.

Вчера и сегодня выпускали поплавать.
Я караулил с багром, Петров с карабином,
Улизнуть не пыталась и только брызгалась;
Температура воды; температура тела;
Возможно использовать в целях рыбодобычи.
Бегал по берегу, изображал охоту.
Кротко нырнула-вынырнула – впустую,
Мокрая, белозубая и блестя.

Только теперь: происходит, не замечаю,
Два часа ненужного разговора
На ветру о рации и запчастях,
Бегом до зимовья и тишина за шторкой.
И никого за шторкой. Таз передвинут
В общую комнату, дым, наступаю в лужу.
И под успокоительный свист приемника
Рыбина и механик играют в пьяницу!

Не успеваю, не до того, больна,
Пахнет уже не водкой, а сивухой,
Зрачок расширен, испарина, перебои,
Вялость, сонливость, отсутствие аппетита,
Отсутствие связи, фотоаппаратуры,
Грязь, чешуя в ящике с инструментами,
Снова мерещился Бог, оборот пропеллера,
Наклонение елок и шум винтов.

Снова Петров, – доктор, говорит, доктор...
За занавеской тихо. В тазу пусто.
У механика фляга со спиртом, тайная.
Не возражаю, пускай поплавает. На полу
Мокрый шарфик, рыба любит закутывать
Горло, хотя какой ей с шарфика прок.
Из окна изумительно видно: на глянце залива
Голова навсегда удаляющегося пловца.

.....

Только самое важное: улетаем.
Как ни старательно я ломал передатчик,
Кем-то внимательным он бывал восстановлен,
Дальше откладывать некуда, вертолета
ждут вертолета ждут вертолета ждут...

Собраны вещи и уложены ящики,
Подведены итоги, закрыты записи,
Спущены шторы, спущены флаги, сплю.

Дорогая, я вышел из дому поздно вечером
Посмотреть на тебя на студенческой фотографии,
Я не видел ее так долго, не изменилась.
Дорогая, я не надеялся рассказать,
Дорогая, я так надеялся утаить,
Дорогая, я так надеялся не дожить
До мгновения встречи, как два и два,
С этим классическим сочетанием черт.

В президиум Академии, проф. Никитину,
Копия в Кремль, оригинал вдове.
Материалы исследований. Дневник наблюдений.
Рост, вес, предположительный возраст,
Характерные шрамы в области живота, -
Там, под водой, хирургия прошлого века,
Опирируют без наркоза, на глубине,
Перепады давления, спайки, рубцы,

Трудно рожать, трудно воспитывать,
Выйти замуж почти невозможно.

**И такая тоска, такая тоска, хоть на сушу.
...Только самое главное: люблю, твой.
Только самое главное: прости, не прощай.
Только самое последнее, самое первое,
Е-мое, САМОЕ: здравствуй.**

**...И если это место – край земли,
Оно не самый крайний край земли.**

Мария Галина

* * *

Север есть везде, даже на крайнем юге,
Над полярной шапкой – кольцо зеленого света,
Обозначающее края временной воронки,
Куда еще не ступил ни один отважный.
Лишь космонавты, свешиваясь с орбиты,
Различают нечеловечески острым зреньем
Все игрушки, маленькие предметы,
Все оловянные, деревянные самолеты,
В синей обложке книжку «Два капитана».

Улыбается бабушка,
Генриетта
Машет рукой (очки опять потеряла).

Ширится кольцо холодного света,
Постепенно поглощая все остальное –
Города с рассыпающимися огнями,
Культтовары, райздравы, потребсоюзы.

Север – место, где все сохраняется вечно,
Все консервы добросовестных экспедиций,
Все тетради Амундсена и Пири.

Все собаки, убитые для науки,
Как живые встали, машут хвостами,
Вот впряглись в постромки и по торосам
Тянут нарты, торопят к горизонту.
В синем море кит играет голубобокий,
Мамонтенок Дима трубит, задирая хобот
К светлому небу.

Если долго глядеть с орбиты в эту воронку,
Начинаешь видеть все в настоящем свете,
Видишь север везде, даже на крайнем юге,
Даже дома, по возвращении, окруженный
Теплыми, улыбающимися, живыми.

Север есть везде, даже на крайнем юге...

**Это место, куда ушли все грозные чукчи
с окровавленными ножами,
Пухлые иннуиты,
Печальные бармаглоты.**

Елена Сунцова

* * *

И ты не доживаешь
до Берингова дня,
его переплываешь,
и вот уже земля.

На это дно положишь –
бай-баюшки-баю –
шагреновую кожу,
чужую и свою.

Хрустят по льду подошвы
меж каменных корней.
Подольше, о, подольше.
Скорей, скорей, скорей.

Невидимому солнцу,
укрытому рукой,
бы дождику, морозцу,
хоть слякоти какой.

От банного огарка
извилисты, густы,
ложатся тени парка
на тени высоты.

Там будет сердце биться
затравленным зверком,
наклонит шею птица
над водяным цветком.

Печальнее и уже
нет горлышка, и свет,
слепой и неуклюжий,
карабкается вверх.

Как будто распустили
и занавесь, и бязь,
и он течет – вполсилы,
оглядываясь, длясь.

Юлия Тишковская

ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ

Полюс недоступности» – временная советская антарктическая станция в 2100 км от станции «Мирный». Станция получила свое название из-за расположения в точке, наиболее удаленной от берегов Антарктиды – так называемом полюсе недоступности. Основана участниками санно-гусеничного похода третьей Советской антарктической экспедиции 14 декабря 1958 года. В время торжественной церемонии открытия станции на ее крыше полярниками был установлен бюст Ленина. Средняя годовая температура воздуха составляет около 57, что ниже, чем на станции «Восток». Впрочем, из-за нерегулярности наблюдений на «Полюсе недоступности» полюсом холода считается именно «Восток». В январе 2007 года трое англичан впер-

**вые в истории достигли «Полюса недоступности»
пешком, используя тягу воздушных змеев. По их
сведениям, бюст Ленина по-прежнему находится
на крыше советской станции.**

А. С.

**как между станциями «Мирный» и «Восток»
застрял**

**санно-гусеничный поезд
с дизельной установкой, –**

так и ты говоришь:

пора.

отпираешь дверь,

подталкиваешь взглядом:

как там

наши полярники

без света?

пора проведать

ведь им не хватает тепла

больше, чем могут дать все девятые мая.

им не хватает тепла
так, что дверь
сама закрывается,
но не хлопает

почему так быстро, спросишь
да ведь это
вообще ненадолго

озеро подо льдом.
там кислорода хватит
на всех голодных детей Зимбабве.
«Восток» – «Восток» – прием.
мы продвигаемся к твоему магниту
с самыми лучшими,
самыми теплыми новостями:
полюс недоступности
вновь открыт
в этом сезоне.
всех воскресений не хватит,
чтоб дизельная установка
работала без перебоя

полярники улыбаются:

вы там

аккуратней в метро

на станциях «Восток» и «Мирный»

и даже «Полюс недоступности»

так тепло,

как будто мы туда

давно прибыли

трансantarктические полярники

по светло-зеленой ветке

и дров подбросят.

и подожгут часть рая,

если только

они

попросят

Ирина Машинская

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

На мотив 60-х

Арктика льды распаковывает
паковые, прикованные
к тундре,
весной искалеченные –
руки ли не воздеть:
да будет лето сие
писано по воде!

Талая-ла печаль!
Знаю лишь: даль, даль.

Даль моя, припорошенная
мелким снежком, к морошке
тянущаяся, как монастырь весной
– в летний лесной запой...

То, что было со мной

**То, что было со мной,
стало нынче не мной.
Скоро будет какой-то рассвет.
Вон, как снег, изумленно
блестит под луной
голубой, голубой антрацит.**

**Как ресницы, ночной
загибается ветер –
это неба глубокого фетр.
Вот последняя миля –
смелее, смелей,
вот последний сквозной километр.**

**Это кобальт тульи,
мятый купол ее,
и широкие, с ворсом, поля.
А по краю петит –
только чуть наклоны –
и полярная крупка летит.**

Алексей Цветков

ПИРИ

высоко и страшно в мире
время вертится с трудом
непреклонный роберт пири
ищет полюс подо льдом

подминают нарты мили
пири прется на рожон
век почти как спит в могиле
но маршрут не завершен

мнимый полюс только точка
компас в космос увело
от старанья сын и дочка
эскимосы у него

неподсудна гибель сглазу
быстрым псам она не крюк
сын и дочка вышли сразу
полюс выскользнул из рук

а при жизни было хуже
полыхало как в аду
синий газ в небесной луже
искры бритвами во льду

наги мы и в стужу босы
всей судьбы на полчаса
сослепу как эскимосы
упускаем полюса

все чьи ночи в мире пестром
так арктически черны
полюсам как прах погостам
насовсем обречены

Лев Оборин

РЕФЛЕКСИЯ

Русский народ выдвинул Ломоносова
в ответ на петровские преобразования». **Как местная ячейка, как партия.
Товарища Ломоносова.
Так пишет товарищ Гуковский.**

**Морской путь через Ледовитый океан,
намеченный Ломоносовым,
не был пройден в XVIII веке.
Но бесстрашные советские полярники
прошли его на великолепных кораблях
в первую Сталинскую пятилетку.
Так пишет товарищ Гуковский,**

**умерший от сердечного приступа
в 1950 году, в тюрьме,
вовремя преследования безродных космополитов.**

Владимир Березин

ДВА РАССКАЗА

*«Буква **ы**, е**ры** – 28-я, а в церковной азбуке 31-я, гласная, составлена из **ь** и **і**, почему и ни одно слово не может начинаться с этой буквы, как и с безгласного **ь**. Ерь да еры упали с горы. Букву **ы** следует противопоставлять буквам **и** и **і**. Все они ассоциируются с представлением гласных крайнего языко-небного сужения, но с приближением средней части языка во рту.*

*Толковый Словарь
Живого Великорусского языка Даля.
(1517 страница 4-го тома).*

*И, качаясь от ужаса, я кричу: «**Ы!** **Ы-ыы-ы!**».*

Ы

Этотাকে гозвали – Ы. Все вокруг было на «Ы». Твердый мир вокруг был Ырт, а небо над ним было Ын.

Но мальчика давно не звали по имени.

Человек со стеклянными глазами звал его «Эй», когда был далеко, и «Ты» – когда он стоял близко. «Ты» – было хорошее слово, и ему нравилось – толькок с равно это было не его имя. Стеклянноглазый говорил, что «Ы» – смешное имя, но мальчик жалел старика и не отвечал ему, что стеклянные глаза, которые тот надевает с утра, – еще смешнее.

Мальчикоткликалсяина «ты» ина «эй» – ведь больше звать его было некому – потому что умерли все.

Только Человек со стеклянными глазами жил с ним – вместо настоящей семьи. Человек со стеклянными глазами пришел в стойбище давным-

давно, и мальчик уже не помнил когда.

Тогда еще были живы родители мальчика, и еще несколько семей жили рядом. Потом пришла болезнь, и все родственники мальчика ушли из Твердого мира. Теперь они остались вдвоем.

Вовремя Большой Войны оттаял лед под землей. Он оттаял там, на юге – и Ырт оказался отрезан от прочей земли. Так говорил Человек со стеклянными глазами, но мальчик вежливо верил ему. Пока у него есть Ырт, есть белесое небо над ним, есть река – больше не надо ему ничего.

Нет, есть, конечно, еще Труба.

Все дело в том, говорил Стеклянноглазый, что кончился газ. Если бы газ не кончился, здесь по-прежнему было бы много людей, которые сновали бы между севером и югом. Но газ кончился еще до войны, и местность опустела. Остались странные сооружения, смысл которых был мальчику непонятен, и остался покинутый город.

Город давно уже разрушился – лед толчками, будто легкими ударами, выбивал из земли сваи, затем дома складывались, а потом под ними подтаивала лужа.

Снова надолгий северный день приходило солнце, и остатки дома утягивало на дно – и дальше, вглубь. А потом появлялась ряска, мох смыкался над озерцом – будто и не было здесь ничего.

Мальчик знал, что так происходило оттого, что Ырт живой и он тоже должен питаться. А может, земле было интересно, что там, на поверхности, и вот она тащила внутрь всякое – чтобы лучше рассмотреть.

Так Человек со стеклянными глазами делал, если забывал где-нибудь свои стеклянные глаза. Тогда он водил носом, ощупывая вещи, и моргал. Сначала мальчик думал, что Стеклянноглазый хорошо нюхает, но это оказалось не так.

Просто без своих стеклянных глаз он мог видеть только так.

Город исчезал, подергивался болотным мхом. Лес, который в детстве мальчика стоял на горизонте, придвинулся ближе и ужеросна улицах бывшего города.

Человек со стеклянными глазами нравился мальчику, хотя пользы от него не было никакой. Он был слаб, не умел управиться с оленем. Единствен-

но, что он научился делать, это собирать ягоду морошку. Но мешки с ягодой Стеклянноглазый волок в свой огромный дом, в комнату, уставленную стеклянными банками. Там пахло кислым, курился неприятный дымок.

Стеклянноглазый был колдуном, но колдуном неважным – он только и умел, что превращать ягоду морошку в воду, которую можно было зажечь.

Мальчик как-то попробовал эту воду, но ему стало так плохо, как бывает в момент перехода из Твердого мира в царство мертвых.

Человек со стеклянными глазами долго объяснял ему, что мальчик просто из другого племени – от того ему не идет в прок чужое питье. Например, ни у кого из племени мальчиканеросла борода, а вот у Стеклянноглазого борода была широкая, длинная, разноцветная: серая и желтая – и тоже пахла кислым.

Иногда, выпив превращенной воды, Человек со стеклянными глазами рассказывал ему про другие племена. Он говорил об огромных прозрачных домах, об больших птицах, что везли людей по воздуху. Он говорил ему о женщинах, что живут без детей, и о детях, что живут, не добывая себе корма.

В это как раз мальчик верил, потому что когда он был совсем маленький, то отец взял его в путешествие в южные болота. Это были очень неприятные места.

Во время войны на Север пошел поток беженцев – они шли с юга толпами, но все они исчезли в этих болотах.

Северный народ боялся подходить к тем местам близко, потому что, исчезая в трясине, люди кричали протяжно и печально – и не было потом спокойствия от этого звука. Это рассказывали все – и вот, спустя много лет, мальчик с отцом поехали на юг посмотреть – как там и что. Мальчик видел на кочках оставшиеся от беженцев странные вещи – круглые и блестящие, совсем непонятные и, на оборот, годные в хозяйстве.

Но больше его поразили тотемные звери исчезнувших людей. Они были сделаны из упругого материала – и не было среди них ни медведей, ни оленей – только страшные уродцы. Один полосатый, другой с тонкой длинной шеей, третий с круглыми огромными ушами.

Мальчик взял одного – зверя в полосатых штанах, с круглой головой, откуда торчал нос, похожий на лишнюю руку или ногу.

**Поэтому мальчик верил всему – отчего же нет?
Пускай.**

Даже хорошо, что где-то живут эти люди, но еще лучше, что они живут далеко. И еще он вспоминал о мудрых стариках, что велели завалить камнями огромное жерло Трубы сразу после того, как по Трубе к ним попал Человек со стеклянными глазами.

Стеклянноглазый приехал на тележке, что ехала внутри Трубы, и долго был похож на человека, лишённого души.

Только потом он пришел в себя и внешне стал похож на человека Севера, тем более, что его рассказ про южную жизнь никто не верил. Страшно было подумать, что вслед за ним придут эти звери – с длинными шеями, полосатые, и самый страшный – серый, толстый, с длинным носом посреди морды, похожим на пятую ногу.

И один мальчик слушал рассказы Человека со стеклянными глазами, будто сказки о существах Дальнего мира, то есть царства мертвых.

В эту весну мысли о юге особенно тревожили мальчика по имени Ы. Что-то происходило с ним – он смотрел, как олень покрывает самку, как бьют-

ся грудью друг о друга птицы, и ему было сладко и тревожно. Он будто знал, не проверяя силки, знал наверняка, что пойман большой зверь.

Стеклоглазый только улыбался, наблюдая за ним, – он говорил, что эта болезнь давно записана в книгах колдунов большого мира, что понимают и зверях, и людях. Стеклоглазый говорил это, хлопая себя по бокам, изображая медведя, стоящего на задних лапах.

Мальчик не обижался и все равно слушал его внимательно. Однако мальчика пугали огромные изображения женщин, что висели на стенах комнаты Стеклоглазого, – эти женщины были раздеты и манили мальчика пальцами. Правда, он видел, что эти женщины немощны, худы и не годны ни к родам, ни к работе.

Иногда ему хотелось посмотреть, есть ли они на самом деле – залезть в Трубу и уехать на тележке Стеклоглазого прочь – на юг. Но Твердый мир может пропасть, если не останется в нем никого. Он свернется, как листочек в огне, или съест его в один кус евражка.

Поэтому мальчик только слушал да запоминал рассказы колдуна.

Но теперь все кончалось.

Стеклоглазый заболел – он уже не выходил из комнаты со своими стеклянными банками, и мальчик начал носить ему еду.

Больной стал говорить все быстрее, мешая слова и употребляя те, что мальчик не мог понять. Стеклоглазый то убеждал мальчика, что жить в Ырте хорошо, что это счастье – прожить жизнь здесь, никуда не отлучаясь. И тут же начал проклипать Ырт, противореча самому себе.

Мальчик понял, что время Стеклоглазого истончается. Когда колдун говорит о том, что мир ему надоел, то боги помогают ему, каким бы дурным колдуном он ни был. Стеклоглазого стало немного жаль – и мальчик даже решил подарить ему одну душу.

У людей с юга, даже колдунов, была всего одна душа, и боги забирали ее после смерти.

А вот у людей Севера было семь душ – не много и не мало, а в самый раз.

И счет душам был такой:

Душа Ыс должна была спать с мальчиком в могиле, когда он умрет. Она должна была чистить его мертвое тело, оберегать его от порчи. И если чело-

века Севера похоронят неправильно, то душа Ыс придет к живым и возьмет с собой столько вечных работников из числа семьи, сколько ей нужно.

А душа Ыт – вторая его душа – унесет мальчика вниз по реке, к морю – она похожа на маленькую лодочку. Там, где кончается река, царство мертвых выходит своими ледяными боками из-под земли наружу.

Третья душа, душа Ым – похожа на комара, что живет в голове мальчика и улетает из нее во время сна. Именно поэтому иногда мальчику снятся причудливые сны – где сверкают на солнце прозрачные дома, и между ними ходят огромные звери – и среди них толстый зверь с длинным носом, похожим на пятую ногу.

Мальчик видит сны только потому, что маленький комар летит над землей, и ночью мальчик глядит его глазами.

А четвертая душа по имени Ык живет в волосах. Оттого, если у человека вылезли волосы, то, значит, жизнь его в Ырте закончилась.

И есть у мальчика еще три души, что предназначены для его нерожденных детей. Их можно назвать как хочешь – согласно тому, какие дети рождаются.

Но детей у него поканет, потому что некогда взять в жены, а Стеклянноглазый уже сказал давным-давно, что с ним завести детей нельзя.

Все равно мальчик хотел отдать ему одну душу, и вот теперь он начал шептать в умирающее морщинистое ухо об этом.

Но прежде мальчик хотел узнать, есть ли на юге большая река, что текла бы на север. Он знал, что душа-лодка не пройдет по болотам – и река на юге, по словам Стеклянноглазого, была. Потом он еще раз уточнил, правда ли, что многие люди на юге стригут волосы, некоторые даже бреются.

Мальчик запоминал все – и то, как двигается тележка внутри Трубы, и то, как устроена жизнь на юге. Человек со стеклянными глазами снова отговаривал его от странствий – на юге, говорил он, люди злы. Они живут в городах, как мыши в клетках. Он говорил, что они вовсе живут без души, а у всех на руке железная печать, по которой их отличают одного от другого.

Главное, говорил Человек со стеклянными глазами, там нет свободы – и снова начинал плакать.

Мальчик приходил к Стеклянноглазому еше два дня и поил его оленьим супом – а на третий день

Человек со стеклянными глазами открыл рот, да и не закрыл его больше. Суп вытек обратно по щеке, и все четыре глаза колдуна потеряли смысл. Тогда бог Стеклянноглазого пришел и забрал его единственную душу.

Подул покомнатеветер, сшорохом перебирая бумажные картинки, повешенные на стенах, упала, подпрыгнула и покатила куда-то пустая банка от превращенной воды.

Мальчик понял, что чужую душу куда-то увели.

Он закопал колдуна, как и положено – лицом вниз, чтобы он сразу увидел, что там, внутри земли.

Единственный оставшийся под белесым небом Твердого мира человек задумался.

Все, что он знал теперь о мире, позволяло сделать правильный выбор.

Пока человек жив, его душа движется, хотя это нам и не видно, – одна душа как тень облака, летящего над Ыртом, другая – как тень птицы, третья – как тень оленя. Пока движутся души, движется и человек.

Дети должны быть рождены, и человечьи души должны совершить свой привычный круг в природе. Мальчик снова вспомнил бессмысленных бу-

мажных женщин колдуна и пожалел его.

Но главное – он придумал, кто сбережет Твердый мир Ырта до его возвращения.

Несколько дней он разбираал каменный завал у жерла трубы.

В полуразрушенном зале, среди железных шкафов непонятных колес с рукоятками, передним открылась черная дыра, ведущая на юг. По низу Трубы шли рельсы для тележки ремонтного робота. Мальчик залил огромный бак всю превращенную из ягоды морошки воду, оставив колдуну только одну бутыль.

На утро он стал прощаться с привычным миром. Третья душа, похожая на комара, вернулась из леса – ее обязательно надо было дожидаться – иначе, забыв эту душу, он проведет всю жизнь без сна.

Первая душа проснулась и требовала еды – потому что смерть и еда рядом, а могильной душе нужно много сил. Вторая душа, душа-лодка, напрыглась в его теле, потому что она отвечала за всякое странствие – неважно, на север или на юг, по воде или посуху.

Души его нерожденных детей сидели смирно,

как настоящие испуганные дети.

Тогда он сделал последнее из этого, что нужно было сделать перед дорогой, – во-первых, он оставил волосяную душу Стеклянноглазому, потому что волос у Человека со стеклянными глазами было много, а заботиться о них и о его теле было некому.

Теперь душа волос будет бережно хранить Стеклянноглазого, а много из могильной бутылки все равно она не выпьет. Все-таки это душа северного человека, а не южного.

Во-вторых, он наконец, напрягшись, вырвал из себя одну из детских душ и велел ей жить в самом страшном тотемном звере – носатом и ушастом. Эта душа должна ждать его возвращения и хранить безлюдный Ырт его предков.

Зверь в полосатых штанах уставился на восход, поднял свой нос и замер. Теперь его, маленького и храброго, звали Ы.

Осталось пять из семи – это не так уж мало.

И вернувшись к Трубе, мальчик запустил мотор самоходной тележки.

Оживший инспекционный робот подмигнул ему лампочкой, и все они тронулись в путь. Пять душ сцепились в его тело, как дети в быстро бегущие нарты.

Заспиной плакали две оставшиеся души, потому что тот, кто остается, всегда берет большую печаль, а тот, кто уезжает – меньшую.

БЕЛАЯ КУРОПАТКА

Утром в поселке появилось чудо. Похрусткому снегу в стойбище приехал домик на лыжах. Позади домика был радужный круг – такой красивый, что погонщик Федор сразу захотел его коснуться.

Но на него крикнули, и оттого, что это было неслышно в треске двигателя, больно ударило в плечо.

– Без руки останешься, чудак, – склонилось над ним плоское стоптанное лицо. Таких лиц Федор никогда не видел раньше – оно было круглое и желтое как блин.

Сам Федор в начале своей жизни звался вовсене Федором, имя его было иным, куда более красивым и простым, но монахи из пустынной обители дали ему именно такое и брызгали в лицо водой, точь-в-точь как брызжут оленьей кровью в лицо ребенка. Он с любопытством смотрел на пришельцев, для которых такие диковинные имена привычны.

В поселок приехали четверо в кожаных пальто, и теперь эти четыре кожаных пальто висели на стене казенного дома, будто в строю. Оперуполномоченный Фетин пил разбавленный спирт в правлении колхоза, и его товарищи тоже пили спирт, оленьемясодымилось в железных мисках на столе. Разговоры были суровы и тихи.

Федор слышал, как они говорили о местных колдунах, которых свели к свету. И колдуны оказались бессильными против выписанных специальным приказом красных китайцев. Из них и был человек со стоптанным лицом, которого Федор увидел первым. Колдуны пропали, потому что их сила действует только на тех, кто в них чуть-чуть верит – а какая вера у красных китайцев? Неверят они ни в Белую Куропатку, ни в Двухголового Оленя.

Четверо чужаков сидели в правлении всю ночь, ели и пили, а затем спали беспокойным казенным сном. Наутро они стали искать дорогу к монастырю. И вот они выбрали Федора, чтобы найти эту дорогу. Федор не разгонял упряжку оленей к обители, отвозя туда припасы, – и сам вызвался ука-
зать место.

Скрючившись, он полез в домик на лыжном ходу, что дрожало, как олень перед бегом, и потом дивился пролетающей замутным окошком тундре – такой он ее не видел. Повозка с винтом остановилась в холмах, от чего-то не доехав до монашеских домиков.

Люди в кожаных пальто стояли посреди долины – прямо передними, внизу, в получасе ходьбы, расположилась обитель.

Федор пошел за пришельцами, потому что хотел услышать, о чем те будут говорить с монахами. Но никакого разговора не случилось – оперуполномоченный Фетин первым открыл крышку своего деревянного ларца на бедре, достал маузер, примерившись, стал стрелять.

Выстрелы хлестнули по черным фигурам, как хлещет веревка, хватая оленя за горло. Монахи, будто черные птицы, попадали в снег.

Побежал в сторону только один из них, самый молодой, взмахнул руками, словно пытаясь взлететь, но тоже ткнулся в землю.

Последним умер старик игумен, что посмотрел еще Федору прямо в глаза перед смертью. Он, казалось, загодя готовился к этому концу, и убийцы

были ему неинтересны, а вот Федор чем-то привлек внимание игумена.

Но все кончилось – и хоть лишней деталью ушедшихжизнейтопилсяочаг,булькалананемпустаяпохлебка,нолюдивкожаныхпальтоужеворошили какие-то бумаги.

– С колдунами было сложнее, – сказал китаец.
– Они не знали, что умрут, оттого так и метались, торгуясь со смертью. А этим умирать привычно.

Оперуполномоченныйскладывалвмешки вещи, последней он достал небольшую чашу.

– Золотая? – спросил китаец.

– Нет, оловянная. Нет у них золота, – ответил оперуполномоченныйФетин.–Еслибзолото,все было бы куда проще.

– Эй, парень, – подозвал он Федора, и швырнул находкуемувгрудь.–Воттебечашка.Будешьчай-водкапить.Изапомни:тынепредатель,ачеловек,чтосделалважноедлявсеготрудовогонародадело.

Федор поймал тяжелую чашу и, повертев в руках, спрятал за пазухой. Он не знал значение слова «предатель», но все это ему не нравилось, что-то оказалось неправильным в происходящем, смерть была непонятной и бессмысленной. Но монахи

умерли, и чаша все равно пропадала.

Люди в кожаных пальто довели его обратно к стойбищу, а чаша тем временем будто наливалась чем-то с каждым часом, тяжелела, жгла грудь.

Пошатываясь, он вылез из аэросаней исел на нарты.

Чаша обжигала кожу, но Федор не мог вытащить ее – обессилели, не поднимались руки. Олени пошли сами, чего не бывало никогда, они разгонялись, перешли на бег, и вот уже Федор неся поровному, как стол, пространству. Многодней несли олени Федора по гладкому снегу, налилось силой весеннее солнце, стала отступать зимняя темнота. Понемногу сбавили олени бег, и вывалился Федор вон, на землю.

А там весна, и пробивается трава сквозь тающий снег. В нос ударил запах пробуждающейся земли, запах рождения травы и мха.

Рядом оказался край большого болота, на котором урчали пузыри, и неизвестные Федору птицы сидели вдалеке – не то простые куропатки, не то священные птицы Верхнего мира.

Федор пополз к прогалине, чтобы напиться воды. Привычно, как литая, легла в руку чаша, что оказалась не такой тяжелой, как он думал. Зачерпнул Федор талой воды и запрокинул голову, прижав да-

ренок оловко зубам. Но только сразу поперхнулся.

Не вода у него в горле, а сладкая, горячая кровь.

Федор в ужасе осмотрелся – бьет фонтан перед ним, жидкость черна и туманит разум. И не оленья это кровь, которой пил Федор много и вволю, а человечья.

Закричал он страшно, швырнул чашу в красный омут и побежал прочь, забыв про нарты и оленей.

Он нес скоро устал, а когда опомнился, то вокруг была незнакомая местность – потому что только чужак не распознает в тундре своей дороги.

Федор упал, обессиленный, а когда поднял голову, то увидел, что лежит на нагретых заденьках камня. Солнце, только приподнявшись над горизонтом, снова рухнуло в Нижний мир.

Рядом с Федором стоял мертвый игумен.

– Что, плохо тебе? – Голос игумена был глух, как олово, а слова тяжелы. – Сделанного не воротишь, теперь ты напился человеческой крови, и жизнь твоя потечет иначе. Но я знаю, что ты должен сделать, – двенадцать мертвых поменяешь на двенадцать живых. Счет не велик, так и вина не велика – вина не велика, да наш воевода крут.

Федор долго сидел на холодеющем камне, пыта-

ясь понять, что говорил черный монах.

Мир в его голове ломался – он в первый раз видел такую смерть, когда один человеку убивает другого. Он видел, как уходят старики умирать в тундру, и их дети равнодушно смотрят в удаляющиеся спины. Он видел, как стремительно исчезает человек в море, когда рвется днище самодельной лодки.

Он слышал, как кричит человек, упавший с нарта и разбившийся о камни, – но ни разу не видел, как убивают людей специально. Теперь он сам это увидел и сам привел убийц к жертвам. Не важно, что и те, и другие – чужаки.

Что-то оказалось неправильным.

И эта мысль постепенно укоренялась в его голове, остывающей после безумия бегства.

Наследующую ночь игумен снова пришел к нему.
– Двенадцать на двенадцать, – повторил он. – Счет невелик, иди на север, найдешь первого.

Федор, подпрыгнув, кинул в него камнем, как нужно кинуть чем-нибудь в волшебного старика Йо, который наводит морок на оленей. Монах исчез и не пришел на следующую, не явился и на третью ночь. Тогда Федор отправился на север, по островкам твердого снега, мимо рек талой воды.

Через день, питаясь глупыми и тощими по весне мышами, он вышел к высоким скалам.

Что-то подсказывало ему, что дальше – опасность.

Он затаился, слившись с землей и травой, а потом пополз на странные звуки.

За обрывом ему открылся океан – черный в свете яркого солнца. Такого океана Федор не видел никогда – он бил в скалы с великой силой, и соленая вода летела повсюду.

А через день, когда океан успокоился, Федор увидел людей.

Это тоже были чужаки, но пришли они не с юга, не прилетели на фанерных птицах, не приехали в бензиновых санях с винтом. Эти люди говорили на незнакомом языке, и ветер рвал на части их лающую речь.

Они приплыли в огромной черной рыбе, и теперь, как муравьи, таскали из ее нутра что-то на берег.

Федор не пошел к ним – от чужаков в тундре добра не жди, это он понял давно. И то, что они строили на берегу, очень напоминало страшный знак звезды на стене правления, что как-то приколотили люди в кожаных пальто, – нет, тогда они не стреляли, а собирали деньги на прокорм неприят-

ного бога Осоавиахима.

А вот какой-то мальчик еще не знал этого. Мальчик в яркой кухлянке появился на гребне скал, тоже, видимо, привлеченный странными звуками. Федор услышал, как эти звуки вплетаются знакомые удары выстрелов. Чужаки, вскинув винтовки, метили в мальчика и сразу устроили за ним погоню.

Новечером погоня обнаружила только мертвых оленей и разбитые нарты, тонущие в огромном болоте. Успокоившись, чужаки вернулись к берегу, а Федор в это время шел по мхам, и раненый мальчик лежал у него на плечах, безвольно мотая головой.

Он пришел в чужое стойбище, где мальчика узнали родные. Тут все было другое – запах воды, трава, одежда людей, пахло оленьей похлебкой, от которой Федор уже давно отвык, пахло горьким табаком и дымом костров. Его накормили, и сон спутал ему ноги и руки. Федор не мог пошевелиться, когда к нему ночью пришел знакомый гость.

Мертвый монах, как приемщик фактории, считающий мех, потрогал свой нос и сказал:

– Дюжина – число невеликое, тем более, что от нее мы теперь отнимем одну судьбу. Одиннадцать

на одиннадцать, не слишком велик оброк.

Несколько дней Федор спал, а потому ушел от новых знакомых, несмотря на то что его уговаривали остаться.

Оказалось, что он забрел далеко на восток, и, чтобы вернуться в родные края, устроился на службу к геологам. Целое лето он таскал непонятные ему тяжелые металлические инструменты и помогал собирать временные дома.

Однажды уже готовый дом загорелся. Внутрь задыхалась отдыма бело волосая девушка. Такие худые женщины с белыми волосами казались Федору уродливыми, но геологи думали иначе. Однако, скованные демоном страха, геологи зачарованно смотрели на огонь, не двигаясь с места. Тогда Федор вошел в горящий дом, слыша, как потрескивают, вспыхивая, его волосы.

Он вынес наружу бесчувственное тело, взяв его на плечи точно так же, как когда нес того мальчика, и белые волосы мешались с его черными и горелыми. Рухнула крыша, и горячий воздух ударил ему в спину.

Геологи кричали что-то, на радостях крепко били его по спине, и от этих ударов он валился то в одну

сторону, то в другую. Потом они поили его спиртом, и Федор быстро потерял сознание.

В забытии он ждал гостя, и тот гость пришел – Десять – хорошее число, – сказал черный, как горе, гость. – Десять число, состоящее из единицы и нуля, а значит, из всего и ничего. Хороший счет, Федор.

Гость был доволен, но велел спирта не пить. И действительно, от этой проклятой воды Федор болел два дня, мучился и прижимал лоб к холодной земле.

Геологи отпустили его нескоро, и уже снова на этот край навалилась зимняя чернота. Федор стал жить в большом городе, что строился на берегу океана. Он стучал большим молотком по стержням железным гвоздям, вгоняя их в шпалы. Две стальных змеи уходили вдаль, и иногда Федор, приложив ухо к металлу, прислушивался к тому, что происходит далеко-далеко.

Здесь он, впервые с того давнего времени, увидел живых монахов. Они, впрочем, были лишены черной рясы и одеты в ватники, но Федор сразу узнал их племя среди прочих подневольных строителей. Они смотрели друг на друга через редкую

проволочную ограду – монахи равнодушно, а Федор с любопытством.

Монахи держались особняком, и Федор видел, как они молятся, несмотря на запрет охраны.

В один из черных зимних дней, цепляясь за стальные змеи, приехал поезд. Он привез редкие в этих краях бревна, и монахи, надрываясь, стали складывать их в штабель.

Но что-то стронулось в этом штабеле, и огромные бревна зашевелились, пошли вниз. Одно из них стало давить зазевавшегося, но Федор птицей прыгнул под мертвое мерзлое дерево и выдернул шуплого старика из капкана. В этот момент другое бревно ударило его в спину, и Белая Куропатка накрыла его крылом. Когда оно очнулось, монахи бормотали над ним свои молитвы.

Зубы стукнули о металл, потекла в горло вода, и Федор тут же поперхнулся. Жгла его губы страшная кровавая чаша. Он решил, что убитый игумен привел своих мертвых товарищей, но нет – эти монахи были вполне живые и благодарили его за спасение брата. И не чашу подали они ему, а обыкновенную алюминиевую кружку с талой водой.

Федор взял кружку обеими руками и стал пить –

жадно, но мелкими глотками.

В этом причудливом северном городе Федор переменял несколько работ, учился управлению механизмами, но это сказывалось на его сердце. Черная гнилая кровь, которой он напился когда-то, поднималась снизу к горлу.

И Федор снова ушел в тундру. Его приняли в колхоз, и еще год он гонял оленей, пока как-то не выехал к берегу океана в приметном давнем месте.

Между скал никого не было. В укромной расщелине стояло странное сооружение, похожее на то, что стояли в строящемся городе, но людей не было видно рядом, неколыхались на ветру колючие флаги и лозунги с белыми буквами. Железные колонны гудели и вибрировали. У Федора вдруг зашевелились волосы – он провел по ним рукой и понял, что они стали сухими и потрескивают под пальцами.

Ему не понравилась эта конструкция – она была чужая в этом мире моря, скал и тундры, будто таинственный знак на стене правления. И еще он вспомнил погоню за мальчиком, что устроили чужаки. Тогда он забрался на скалы и скинул вниз камень побольше. Камень упал криво, ударил в осно-

вание труб, и гудение прекратилось.

Федор не понимал, зачем он это сделал, но отчего-то решил, что так нужно. Тем более, что скоро к нему пришел его черный монах, и они говорили долго, и все о важных вещах. Проснувшись, Федор не помнил ничего, но знал, что пришло время собираться в родные края.

На следующее лето он добрался до родного поселка. Там все изменилось – он не нашел никого из знакомых. В его доме жили чужие люди, кто-то сказал, что помнит его, но сам Федор не помнил этих людей.

Он совсем недолго пробыл в поселке и снова решил идти к морю. Сначала он хотел вернуться на место своей беды, но понял, что не может его найти – дорога вводила его прочь. Федор несколько раз сворачивал туда, куда вроде следовало, промахивался и, наконец, понял, что на то место ему нельзя.

Ион покинул поселок, как ему показалось, навсегда.

Скоро Федор стал ходить по морю на небольшом кораблике. Он мало видел моря, потому что больше сидел внутри металлических стен и глядел на двигающиеся части машин. Машины ему не нравились, в них была чуждая ему жизнь, далекая от

белесогонება над тундрой, от танца куропаток на снегу и бега оленей.

Но понять машину оказалось несложно: нужно было только представить ее себе как зверя из Нижнего мира. Федор служил машине как божеству – справедливому, если с ним правильно обращаться, и безжалостному, если сделать ошибку.

Иногда по ночам к нему снова приходил мертвый монах, и они вели долгие беседы о богах, духах и истинной вере.

Но вдруг над северными видами потемнело небо, и в нем поселились черные самолеты.

Маленький кораблик еле вернулся домой, потому что один из самолетов гонялся за ним несколько часов. Часть матросов погибла сразу, и Федор ужени чего не мог сделать. Один стонал, умирая, и опять Федор был бессилен. Тогда Федор бросил вахту у механизмов Нижнего мира и повел кораблик в порт, перетащив раненых на капитанский мостик. Федор перетянул раненых и окровавленные руки и ноги и встал к штурвалу. Машина стучала исправно, а Федор молился Женщине с медными волосами Аоту, что врачует болезни, Белой куропатке, что смягчает боль, и Великому оленю с двумя голова-

ми, которые у него спереди и сзади. Этот Великий олень отмеряет человеку жизнь и смотрит одновременно в прошлое и будущее.

Внезапно он почувствовал рядом с собой черного монаха. Он тоже молился вместе с ним, но по своему и своим божествам – мертвому юноше, раскинувшему над миром руки, и его материс залитым слезами лицом.

Корабль криво подходил к пирсу, и к нему убежали солдаты с винтовками – только тогда монах исчез.

Федора перевели на другой корабль – большую самоходную баржу. Она шла к большому городу – Федор никогда не видел таких городов. Над серой водой сияли золотые шары куполов, гигантские мосты проплывали над баржей.

По сходням пошли внутрь люди – в основном дети и женщины с крохотными сумочками и большими чемоданами.

Федор дивился этим людям и их глупой одежде, но он видел пассажиров только мельком, лишь изредка вылезая из своего убежища, наполненного живым божеством машины.

Баржа довольно далеко отошла от города, когда над ней завис черный самолет.

Федор услышал через металлическую стенку, как вспухает на поверхности воды разрыв, как дождем стучат капли воды по палубе. Но мгновенно все заглушил детский визг. Этот визг был нестерпим, и в нем потонул скрежет рвущегося железа.

Ночь окружала Федора, холодная вода била по ногам, когда он выбрался на палубу.

Он поискал глазами своего непременного спутника, но его не было рядом. Были только дети, что плакали вокруг. Матери, обняв сыновей, прыгали в воду, которая кипела у бортов шлюпок.

Федор понял, что всех не спасти, но кого выбирать – он не знал. Черный монах не появлялся – и Федор стал вязать плот. Он медленно плыл в холодной воде, между чемоданом и панамом, модных шляпок и мертвых тел, выдергивая, как овощи с грядки, живых детей из воды.

Федор успел задать себе вопрос, сколько он сможет спасти людей, и как будет счет после этой ночи, но тут же забыл об этом, потому что время остановилось. Сним на плотуплыли Женщина с медными волосами и Двухголовый олень, а над ними висела в воздухе Белая куропатка. Дети молча смотрели на воду, и от этого Федору было страшнее всего.

На рассвете плот ткнулся в берег каменного острова. Там, среди редкого леса они прожили несколько дней в шалашах из веток и камней.

Дети были немые. Они молча бродили по берегу, вглядываясь в черную воду, а вечерами сидели вокруг костра.

Федор оказался здесь единственным взрослым человеком, и теперь, как сказки, рассказывал спасенным истории про Двухголового оленя и Белую куропатку. Он поведал им про траву и мхи, которые можно видеть в тундре весной, и чем они отличаются от мхов и трав осени. В его рассказах по тундре брел Двухголовый олень, на котором верхом путешествовали мать с сыном. Юноша, сидя на оленье, крестом раскидывал окровавленные руки, будто хотел обнять весь мир. А Белая куропатка несла благую весть и избавление от мук – всем-всем без разбора.

Дети молчали, и Федор не знал, понимают они его или нет. Их скоро нашли, но дети так и не произнесли ни единого слова. Когда их увозили на юг, они лишь по очереди молча заглянули Федору в лицо.

Мертвый игумен явился к Федору в ту же ночь, и Федор встретил его с обидой. Но обида прошла,

и они снова говорили долго – и о разном. Проснувшись, Федор понял, что он забыл спросить, сравнялся ли счет. И действительно, он никак не мог вспомнить, сколько детей спаслось с ним на острове. Спросить было некого – военная неразбериха раскидала людей. Федор снова ушел в море и несколько тяжелых голодных лет ловил рыбу.

Но вот война треснула, как ледяная глыба на солнце, и по деревянным тротуарам застучали костылями калеки. Зазвенели медалями нищие у магазинов, прыгая в своих седухах, и Федор с удивлением увидел, как яростно могут драться безногие. Потом всех нищих калек свезли на острова, а Федор нанялся туда рабочим.

Часто, когда он чинил что-то, безногие окружали его, чтобы рассказать про войну. Их рассказы были страшны, как история мертвых монахов, и крови в них булькало больше, чем в том озерце посреди тундры.

Новек инвалидов оказался короток – они умирали один за другим, и Федор легко копал им могилы, оттого что могилы эти были половинного размера.

Когда умер последний инвалид, Федор покинул острова и ушел к родным местам. Теперь он безтру-

да нашел то место, с которого началась его новая жизнь. За год он поправил обитель и поставил рядом сней большой деревянный крест. В порусильных ветров крест звенел и гудел, но под этот звук Федор только лучше спал.

Однажды к нему пришел соплеменник. Он, как и Федор, жил в больших городах и заразился там странной болезнью. Федор долго лечил его, навсякий случай призывая на помощь не только Белую куропатку, но и юношу с тонкими, дырявыми от гвоздей руками. К удивлению Федора, его соплеменник выздоровел.

Пришелец остался с ним, но скоро стали приходить другие люди, жалуясь на свои испорченные тела.

В иной день Федор увидел механическое чудовище-вездеход. Он решил, что снова приехали люди в кожаных пальто и история, как ей и положено, должна повториться. Нужно было умереть также, как когда-то умер игумен, и, встретившись с ним на обратной стороне мира, все-таки узнать, у кого больше силы – у матери с сыном или у Двух-голового оленя. Но вышло все иначе. Из вездехода действительно вылез человек в кожаном пальто, долго ругался, но так же стремительно залез об-

ратно и исчез из жизни Федора навсегда.

И Федор понял, что ничто и никогда не повторяется в точности, ничего не сделать заново, ошибки нельзя исправить, а можно только искупить.

Он бродил по пустынным местам, а сам все больше молился. Мертвый игумен приходил к нему часто и ругал Федора за то, что тот хочет поженить богов Верхнего мира с семьей убитого юноши, а богов Нижнего мира сочетает с козлоногими хвостатыми существами. Они спорили долго и часто, но каждый раз Федор наутро понимал, что забыл про давнюю арифметическую задачку, и не было ответа у того уравнения из двух дюжин, которое мертвый игумен задал ему на всю жизнь.

С удивлением он обнаружил, что в его обители остается все больше людей – и вот вдруг с юга пришли два самых настоящих монаха. Монахам не нужно было лечение, они поселились у него всерьез и надолго, и один стал обустройства церковь. Потом появился третий человек в черном облачении, что принес с собой целый мешок особых вещей. Из этого большого мешка он, вслед за иконами, вынул золоченую чашу, бережно завернутую в холстину, и Федор от ужаса схватился за грудь. Но ис-

пуг прошел, и он опасливо потрогал чашу пальцем.

Наконец, настал день, когда похрусткому снегу в обитель пришел высокий человек с клюкой. Он шел без поклажи, лишь что-то прятал под плащом на груди. Монахи первыми рухнули передним на колени. Опустился и Федор – последним.

Федор опустился на колени так, на всякий случай. Что ваяться на земле перед тем, с кем проговорил столько ночей. Он-то узнал его сразу.

Высокий человек взял его за плечо и повел на холм. Они шли, и Федор недовольно бурчал, что стал лишним среди этих людей веры, стал вредной, дополнительной единицей к дюжине.

– А счет? – вдруг вспомнил он. – Счет сошелся?

– Не было никакого счета. Нечего считать людей, это другая, противная нам, сила любит считать да пересчитывать.

– Но ты-то меня простил, – заглянул Федор в глаза хозяину места. – Простил теперь?

– Я тебя простил еще тогда, как увидел. Как увидел, так сразу и простил. А счет по головам – это ты придумал сам. Ты скажи о другом – останешься с нами?

Федор подумал, обведя взглядом пустынные холмы.

– Нет, не останусь. Ты тут хозяин, а моя вера спу-

тана, как старая рыбацкая сеть. Но потом, может, вернусь – если разберусь с Двухголовым оленем. Ведь в оленя верить можно?

– Смотри как – никто не мешает оленю жить под небом Господа, как всякой божьей твари, будь она с двумя головами или с одной. Да ладно, ты почувствуешь, когда надо вернуться, – досадливо сказал игумен. – Только не надо медлить.

Они попрощались, и вот Федор повернулся, не оглядываясь, пошел на юг.

Когда он отошел достаточно далеко, игумен распахнул плащ и освободил странную птицу, пригревшуюся у него на груди. Нет белый голубь, нет маленькая куропатка, хлопая крыльями, поднялась в воздух и полетела вслед за ушедшим.

Василий Голованов

Стол, подпирающий небо

Рассказать эту историю принуждают меня два чувства. Одно сродни раскаянию, и бо в свое время выказал слишком прямолинейное недоверие человеку, который открыто и чистосердечно был настроен в отношении меня. Теперь же оправдываться мне, должно быть, не перед кем: судьба ненцев Новой Земли несчастливо сложилась после того, как архипелаг оказался в ведении Минобороны. Всех их раскидали по разным поселкам нашего севера и, я полагаю, Архип не мог избежать общей участи, куда-то был увезен. Куда – я не знаю. На островли Колгуев, на Вайгач, или в один из поселков Большеземельской тундры – а все равно, везде эти несчастные переселенцы бедствовали, в особенности те, кто, как Архип, с детства не знал иного ремес-

ла, нежели ремесло охотника-промысловика, и не умел даже, подобно большинству ненцев, управляться как следует солениями. А потом, Архип был все-таки здоров старше меня. Не меньше сорока ему, а мне только двадцать четыре было, когда мы с ним вместе ходили. А стех пор минуло еще больше полувека. Так что он, верно, уже умер. Правда, случается, тундровые охотники очень долго живут, от суровости своей жизни только крепчая: обычные человеческие страхи холода, голода, физической усталости как бы совсем отлетают от них, и на сторонний взгляд они кажутся выносливыми свыше всякой человеческой меры. Архип как раз был таков, и я помню, что в ту давнюю пору он не ведал ни усталости, ни печали, а физически был так крепок, что только очень большая природная сила, вроде обвала камня или белого медведя, решившегося напасть на человека, казалось, могла бы принести ему вред. От прочих опасностей он казался мне заговоренным, и, будучи с ним рядом, я совершенно мог не думать о них. Может поэтому статья, что Архип и доживает где-то свой век. Но случись даже такое – что толку? Как прочитаю я написанное мной? Отродясь не читал Архип

ничего, кроме надписей на коробках – с едой ли, с патронами, или даже с приборами, назначение которых не могло бытъясно ему: такие все надписи он всегда прочитывал, но никогда ни строчки из газеты или из бесполезной книги (раз только я видел, как внимательнейшим образом он рассматривал «Определитель птиц»). Вот откуда и грусть невозможного раскаяния. И кабы я мог найти его, хоть дряхлого, парализованного старика, и просто сказать – «прости меня, добрый человек, было дело, я нехорошо о тебе подумал», – то, наверно, не стал бы и братья за перо.

Но от невозможности раскаяния взявшись, не могу тогда уж обойти, не сказав хотя бы двух слов, другое побудительное чувство, которое есть изумление. Полагаю, что каждый человек, доживший до лет, когда пора отдать долги и разобраться с кучей мелких недоделок, оставшихся от прожитой жизни, обязательно это чувство знает. Это чувство изумления – острейшее, и с каждым годом все более явственнее, все полнее охватывающее – есть, может быть, наиглавнейшее в жизни человека, подступившего к старости. И не могу его выразить иначе, как восклицанием: как же все чудно-то

в жизни! Как удивительно! И, с другой стороны, как же все ясно! Как же все до последней степени ясно теперь...

Как бывает на исходе зимы: по солнцу, вдруг хлынувшему из закомковатых туч, по провалинам на снегу, по крикам ворон на вершинах уже оттаявших к жизни берез и влажной тяге ветра вдруг совершенно неожиданно, но всегда верно понимаешь, что настала весна, – так вдруг вся прожитая жизнь озаряется каким-то внезапным светом, кажется, сейчас поймешь... Что поймешь? Не знаю. Будто бы все поймешь. И не только о своей жизни, но и вообще... Смысл гармонии. Смысл всего. Это даже не слова будут, а, как мне кажется, свет. Или аккорд какой-то торжественной музыки... Нелепо, должно быть, все это звучит, но присутствует в этом крайнем напряжении предчувствия так же и гора – та самая, на которую восходили мы с Архипом. И если кажется, что хлынет свет, – то из-за горы. А если разразится музыка – то над горою. Не странно ли, а? И не странно ли, что сколь бы близко ни подступала эта последняя ясность, так никогда не грянет окончательное слово! Так до конца ничего и не понимаешь! И больше того – чем

ближе свет, чем тоньше перегородка, чем острее это похоже на приступ головокружения чувство, что вот, вот! Сейчас все откроется! – тем непрогляднее потом глубина, тем темнее воды, смыкающиеся над пучиной, тем сильнее мое изумление. От чего жизнь не желает раскрываться? А продолжается в недосказанности, во тьме незнания? От чего только намеком звучит голос судьбы всегда человека больше возможностей сей намеки столкнуть превратно, а то и вовсе не услышать? Была же ведь и гора намеком, который разобрать только к старости...

Дело было в 1952 году, как я говорил уже, на Новой Земле. В тот год очень активные велись топографические и картографические работы повсюду Северу, и все современные карты в основном базируются на съемке тех лет, хоть в них и внесены позже разные небольшие уточнения. Сделаны тогда были очень подробные карты, которые все потом объявлены были секретными, и даже в картографической экспедиции, где я проработал всю свою жизнь, их выдавали с требованием строгой секретности через первый отдел под суровую от-

ветственность, вплоть до суда. Хотя, случись такая надобность, я бы большой кусок Южного острова Новой Земли вычертил во всех подробностях в любом масштабе по памяти. Эти карты, нами же вычерченные, мы обязаны были отправлять спецпочтой к месту полевых работ и потом в местном комитете партии получать под расписку, как оружие. Тако не доверием не всегда было не под душе, и если я был и остаюсь в претензии к бывшей в те годы власти, то единственно за то, что она не позволяла увидеть народу свою страну и всю Землю нашу во всем богатстве ее неповторимых линий, во всей неисчислимости ее реки и озер, и протоков, и гор, и островов, и обрывов, и осыпей, и отмелей, скал-останцов и болот, и ледников, и торчащих изморя одиноких камней и невероятно глубоких каньонов – всего, что заслуживает специально-го запечатления на карте, – а дозволяла только созерцать общие планы Родины нашей, то есть изображения пространства, намеренно сжатого до невероятной степени обобщенности и искажения. И лишь в прошлом году я мало-мальски приличную карту Новой Земли увидел в свободной продаже в картографическом магазине в Москве. Не мог

непорадоваться. Во-первых, потому, что хорошая новоземельская карта сама по себе есть настоящее произведение искусства, изысканность и узор. А во-вторых, поразглядеее, убедился, что, несмотря на новые даты и фамилии современных редакторов, карта эта – конечно, наша, старая еще работа. И было странно, вот, даже до некоторого ужаса, обнаружить на ней свой след: обозначение высоты 778 метров над уровнем моря в горах на севере Южного острова. Как появилась эта отметка, теперь знаю я один, потому как она, вроде, выбрана произвольно: есть рядом горы и повыше, метров до девяност – такие, с которых снег и лед уже не ставивают, и одна такая совсем недалеко, километров от моей, может, в пятнадцати. И значит эта отметка высоты на картах той поры, как я лет сорок назад ее выяснил и внес поправку. Может статься, эта цифирка – единственный след, который оставил я в вечности. Ибо все прочие дела были насущные. По нужде наставшего дня. Много их было переделано, да никакого следа не осталось.

Незнаю, было ли уже в 1952 году принято какое-либо предварительное решение о создании на Но-

вой Земле ядерного полигона. Сам-то указ впоследствии спустя два года, и тогда же оттуда мгновенно выселили всех местных жителей. Слышал, что решено это дело было еще по-сталински скоро, то есть дали двадцать четыре часа на сборы всем, кто был дома, без всякого предупреждения, а на следующий день согнали на военные тральщики и, не обращая внимания на вопли и стенания, отвели к устью Печоры, где уже принял этих лишенцев гражданский пароход. Новая Земля, по первости особенно, кажется очень сурова, а потому, наверно, тем, кто проводил эту операцию – а все они баловни южного климата, – горестные восклицания эти были поразительны. Ибо южанину неясно, как можно любить эту землю, а не ужасаться только ее холодному величию. Голая каменная тундра, где и мох-то приживается не везде, а цветочки прячутся у самых ручьев в ложбинкам; горы, встающие из безжизненности из каменных глин, желтоватые, серые, но в основном угольно-черные; прозрачные, как жидкое стекло, но безжизненные реки, питающиеся талой ледниковой водой и водой бесчисленных здесь дождей, да и собственно дожди, туманы и прочая сырость без

названия, когда сам небоволочится по земле, как белесая мгла, – все это сразу отпугивает пришельцев с юга. Южанином я называю всякого, кто привычен к виду деревьев и трав и к некоторой хотя бы ласковости природы, которая нет-нет да проявится даже на самой границе полярного круга: то ли наливной ягодкой, то ли крепким грибком, то ли погожим деньком, когда, бывает, сама Двина или Печора играют искрами, что твой Дунай.

Никогда не видавшие всего этого великолепия, отрываемые от своей суровой и жестокой даже родины, жители поселков новоземельских убивались так, будто их изгоняют из рая. Помню я рассказ одного из них, как на берегу моря солдаты пристреливали собак. Их много было, упряжных, здесь, и взять всю эту свору на тральщики невозможно оказалось никак, разрешили взять только вещи. Но вслед за хозяевами и привычным скарбом притянулись и собаки на морской берег, и били их бойцы из карабинов подобный вой, гавканье и плач, усамых сходни дальше по берегу. Человек, который мне это рассказывал, сам был новоземельский ненец. Упоминаю об этом для того, чтобы сразу стало понятно, что пьян он был даже сверх того, что

в обычае у русского человека, почему и трагизм всего этого повествования показался мне сначала чрезмерно преувеличенным. Но прошло время, и я понял, что неподдельна была жуть в глазах его и непомерно отчаяние, ибо стрельба по собакам была для него злодеянием, выходящим за пределы собственно человечности. Начавшись с такого злодеяния, как я понял из разговора, всякое последующее дело, затеваемое новыми хозяевами острова, должно было, по законам шаманской магии, приводить к все новым и все большим злодеяниям, до тех пор, пока все не обрушится, изъеденное злом, как ржавчиной. Такой порядок мыслей не каждому будет понятен, но правда: собак потом на Новой Земле полно опять развелось, и все по крови той же ездовой породы, – а ни одной путевой среди них нет, все сплошь грязные, ленивые, ни на что не годные и ничему необученные попрошайки, которые только могут служить людям постоянным укором. Ибо по ненецкому, опять же, пониманию, как кова собака – таков и человек рядом с ней...

Ненцев на Новой Земле совсем немного жило – человек, может, пятьсот, и с государственной точки зрения во всем их переселении не было ни сложно-

сти никакой, ни драмы. Но все же эта лютая и скудная земля им матерью была. И этих нескольких сотен любящих детей – мать же всякий любит, какая б она ни случилась, – вполне хватило бы, чтобы затеплить здесь огонек человечности и содержать землю эту в подобии заботы, и уж, во всяком случае, не уродовать зря, как потом получилось.

Так что, может, поторапливали нас и не случайно. Так, правда, было всегда на Севере с первых же послевоенных лет, когда начались здесь топографические работы. И все понятно: топография есть основа цивилизации, а топограф – первый ее посланец, производящий незримое размежевание местности, подлежащей освоению. Он же оставляет на местности приметы, которые были бы понятны людям: маяки или знаки на видных местах, всякому последующему человеку внушающие спокойствие и уверенность, что до него в этих местах уже прошли люди, и по этим знакам он рано или поздно – а все ж, не потеряв головы, дойдет, куда нужно. Знаки разбивают бесконечность пространства, как часы – время, не дают пространству превратиться в болезнь отчаяния. Поэтому, где бы ни

проводили мы топографическую съемку – всегда от местных властей получали подмогу: илюдей нам давали, и оленей, чтоб хватило и ездить, и таскать грузы, и провиант, если своего не доставало – короче, все, что нужно. Также было и на Новой Земле. Но только не заключал ли все-таки сезон 1952 года некой всебезлой иронии? Ведь если работали мы для будущего полигона, то выйдет, что в то лето многие старались себе на погибель, сами не зная того. Хотя для тех, кто понимает, не надо и объяснять, что если в те годы принималось решение, то воспрепятствовать его исполнению ничто не могло. И не только мы, рядовые исполнители грандиозного замысла покорения Севера, ни по отдельности, ни все вместе взятые, не могли бы ничего изменить, но также и любой начальник, от начальника экспедиционной партии и председателя Новой Земли до московского какого-нибудь министра, значил не больше нашего, и не боюсь сказать, что никакая вообще человеческая сила в мировом масштабе ничего не могла изменить.

Кстати, председателя Новой Земли, ставшего впоследствии довольно-таки известной фигурой, я видел своими глазами: принимал он нас в совете,

в избе, перестроенной, как видно, из старой церкви. Также и кресло под ним было старинное, огромное, как трон, уцелевшее с дореволюционной еще поры. Его самого я почему-то почти не запомнил, а врезались в память руки: темные, сильные, очень плотные в самой ладони. На правой пальцы, желтые от табаку: курил он, как и большинство ненцев, не переставая. И все время по ходу разговора этой рукой он схватывал перочинный ножичек и им постукивал по подлокотнику кресла, от чего в дереве была выдолблена, как птичьим клювом, довольно порядочная лунка. Благодаря ему я получил в проводники Архипа – за что вовек ему благодарен. Звали его Илья Константинович. Потом уже, когда его выселили с Новой Земли в Архангельск, вышло несколько книг, где его называли наненецкий манер Тыко Вылкой. Из них я узнал, что он был художник и в годы своей молодости участвовал в полярных экспедициях Русанова, чего я, ей-Богу, не мог тогда предположить в этом человеке, по внешности совершенно не напоминающемся.

Архип явился на пирс, когда мы грузили на борт корабля экспедиционное имущество. Невысоко-

гороста, крепкий, косилапый, как многие тундровики, ненец – в малице скапюшоном, откинутым с головы. Почти неподвижный внимательный взгляд в узком разрезе глаз. Некоторое время он, безучастно пережевывая что-то, смотрел, как идет погрузка. Потом подошел и спросил начальника. Тогда времени приглядываться к нему у меня не было, ибо в тот же день должны были мы отойти.

Дом старотряднаш забрасывали, как уже ясно, морем – никаких же вертолетов тогда не было. На тральщике – ибо тогда выбирали еще из Баренцева моря мины, оставшиеся от сплошных минных полей времен войны, – дошли мы до раствора Грибовой губы, внизывающейся, подобно всем новоземельским заливам, под прямым углом в берег. Став на корь и дождавшись спокойной приливной воды, шлюпками перетаскали все наше снаряжение за скалистый мысок: там в глубине губы, укрытые от прямых ударов моря, совсем близко к кромке воды стояли в то время две избы. На картах они до сих пор значатся, хотя их снесло взрывом еще во время испытаний водородной бомбы. Но и мы застали тесное это жилье оставленным, хотя повсеместно находили еще следы не-

давнего человеческого обитания: чайник, снаружи черный от копоти, а внутри от чая, множество ненабитых патронов, фарфоровую посуду, соль, лампы, одну даже скеросином, обрезанные для хождения в доме валенки, заплесневелые оленьи шкуры, обгрызенные собаками кости и среди всего этого – детские кожаные ботиночки фабричного производства. Почему-то решили их не выкидывать, а связав шнурками, повесили на гвоздик у печи. Что за ребенок бегал в них по гальке морского берега? Здесь тундра вокруг сырая, ходить можно только в сапогах, глина кругом, и чуть даже туман – все начинает сочиться водой, сбегаящей со огромной наклонной плоскости, вздымающейся полого от моря к подножию гор. И, однако, взялись откуда-то эти ботиночки. Зачем? И откуда? Бесконечность вопрошания остается нам в удел, и бо нет ответа. Может быть, именно потому, что невозможен ответ, столь остро на Севере чувство мгновенности человеческого существования. Был человек – и прошел, ничего по себе не оставив – ни записки, ни дневника, ни хоть бы фамилии на гробовом камне – ничего, кроме безгласых и смутных следов своего на земле пребывания. Каких-то многократно чиненных се-

тей или забытого в тундре капкана с захлопнутым в нем песцом, от которого тоже, почитай, ничего не осталось, кроме иссохших частей головы да грязного вонючего пуха.

Проводник наш, который на корабле только курил, или просто жевал табак, или спал, совершенно преобразился, высадившись на берег: быстрой ната скал сухого плавника, развел огонь в печи и, пока мы занимались распаковыванием вещей, вышел и через короткое время вернулся с парой гусей. Ощипали их, разделали, бросив варить, тут же разобрал бывшие в избе сети, чтоб сразу поставить. Как я потом заметил, он совсем не умел сидеть на месте без дела.

Тут уже пора бы начаться, а может, даже и закончиться рассказу моему, который, не начавшись, все падает в отступление, по писательскому неумению кажущиеся мне необходимыми. И вот еще одно, которое не обойдешь.

У самого входа в Грибовую губу на крошечном, лилового камня островке стоит старый поморский крест. Станные чувства вид его вызывает, когда, поднявшись на мыс, закрывающий наше жилье,

глядишь в бледную даль пустого моря, по которому иногда пробегает серебристый блеск солнца, выглянувшего в незримый издали проем между туч. Волны, одна за другой накатывая на берег, отсчитывают время вечности. И кабы не необратимость, с которой набегают они, никогда не отражаясь вспять, – то, кажется, вот: из далекого серебристого сверкания моря, из бледности вод, как бы из глубины, сейчас проступит невидимый флот, белая парусами. Староманерные, крутобокие лодьи и кочи, правя сначала на окутанную шапку облаков вершину Первоусмотренной, а затем на крест, приблизятся к берегу, послышатся глухие, застывшие в море голоса, и вот уже вага промышленников, хрустя галькой, соскочит на берег, озирая знакомое место... Глядя на крест и в даль моря, не можешь отделаться от впечатления, что они уже здесь, отошли на промысел в соседний залив, Кут Захара, а заодно их хозяин нашей избы прихватили с собой пособирать пуха на островках, где гнездится вага... И этот странный эффект, возникающий в нетронутой природе, где время ничего не меняет за десятки и сотни лет, удесятеряется по силе крестом и именем горы, осеняющей это место. «Первоусмотрен-

ная» – сколько надежды, сколько радости в этом имени! Усмотрел! Усмотрел! Вот она, земля, вот Матка, дошли! Конец странствию позеленым волнам пустынного моря...

Поморских топонимов на Новой Земле много, но характерно, что все они тянутся вдоль линии морского берега, очень недалеко распространяясь в глубь острова.

Заливы, мелкие в них острова, реки, близлежащие озера, издали заметные горы, могущие служить маяками, – все это было поморам известно, но дальше простиралась для них земля чуждая и немая, ненареченная, безымянная. Когда же в конце девятнадцатого столетия стали на Новую Землю переходить ненцы – в первоначальной надежде водить здесь, как и везде, оленей – они дали свои имена некоторым пространствам плоской тундры, пригодным для кочевья оленей, которые до тех пор не имели названия. И так появились рядом с русскими названия еще ненецкие, которые достались речкам, холмам, разным мелким озерам, которых несчетно на болотистой Гусиной земле, а также некоторым второстепенным выступам морского берега, незначительным для морехода, но важным

для всякого человека, держащего свой путь тундрой и ищущего, к чему бы привязать свой взгляд. Никак, плывя морем, не объедешь Савину Ковригу на входе в Костин Шар, поспешая на промыселили на отдых в глубокие, узкие, безопасные во всякие шторма фьорды Южного острова. И оттого здесь каждый камень, каждый островок, каждый мысок не обойден, поименован – не Гусиный нос, так Гагаркин, не нос, так Клюв – какое-нибудь название да подыщется же. А Людсаля (в переводе с ненецкого «мокрый мыс»), он для морехода не значит ничего, не суля ни укрытия, ни опасности, к нему судоводитель и приближаться-то не станет. Поэтому русского названия у него нет, только ненецкое. Тут разница. Но что интересно? Все названия эти, родившиеся из естественного хода жизни, прирастают к земле так крепко, что их от нее не отдерешь, будто корни пустили. И сразу можно отличить от них названия, присвоенные земле экспедициями понеобходимости наименования того, что открывается глазу. Только так вот, понеобходимости, от истощения сил сердца, можно какой-нибудь прекрасной горе, которая, может, несколько миллионов лет созревала, дожидаясь своего имени, при-

печатать название «Безымянная», то есть именованная, и успокоиться. К чему это рассуждение, скоро станет ясно.

Работы у нас с первого дня были не в проворот, но величественная, грозная красота этих мест глубоко отпечаталась у меня в мозгу. Я любил ходить и задумчиво курить на вершину скалы над заливом. И помню утро, когда игра преломляющегося в облаках в морской воде солнечного света совершенно завожила меня. В Заполярье чарующие оптические обманы вообще не редкость, но тут не о том шла речь, не об обмане, а только об особой пронизанности всего вокруг каким-то странным светом, в результате чего знакомый в деталях пейзаж предстал совершенно сказочной картиной. Над горами по ту сторону залива собирались удивительные облака. Казалось, светится только нижний, ослепительно-белый край облаков, в то время как выше царит мрак, и в этот мрак погружены горные вершины. И если бы я не знал, что Первоусмотренная горушка-то, по

сути, небольшая, можно было бы вообразить, что за облаками скрываются немыслимой высоты пики.

Светящаяся же снизу облачная бахрома в то же время ровными ярким светом озаряла ущелье на против, превращая его в сверкающий коридор, в глубине которого ослепительно блестел снежник, сползающий вниз из заоблачной выси. Белизнуснежника оттеняли влажные черные осыпи, а из глубокой расщелины вниз, в море, беззвучно низвергался сбегаящий по ущелью поток. В первый раз пришло мне в голову мысль, что ежели есть на свете обиталища духов, то предомною, конечно, одно из них. И как было не шевельнуться подобной мысли, если сам цвет морских вод изменился! Ледяной прозрачной голубизной светились воды залива, словно тончайший фарфор. В этой ледяной купели, как лодка с двумя гребцами, застыл черный камень: раньше я никогда не замечал его. Другой, столь же контрастно воспринимаемый глазом среди внутреннего холодного сияния вод, напоминал какую-то злую силу, стремящуюся вырваться, высвободиться из бесформенности камня и даже почти обретшую уже почти завершенные химические черты – но именно в этот момент, в момент окончательного преображения, внезапно скованную неподвижностью и навеки омертвелозастыв-

шую над морем. Ничего подобного я прежде тут не видел, только крест...

Вскрикивали чайки. Сквозя вдоль берега мимо меня, налетал ветер, но я все не приходил в себя, зачарованный красотою ледяной купели. Наконец я почувствовал смутную угрозу: ибо в это самое время, как над горой Первоусмотренной, словно немая фуга, вздымался заоблачный свет и на западе открытое море вспыхивало чистейшей лазурью, все пространство с востока затянуло мраком. Прямо от подножия утеса, на котором я сидел, простиралась под мрачным небом огромная бурая равнина, не оживленная ни единым проблеском света. Я еще сидел на свету, но избы наши внизу, в полукилометре от меня, тонули в сумерках. Речка, из которой мы брали воду, тускло поблескивала, вырываясь из угрюмых теснин в подножье гор, до половины закрытых тучами. И надо же было случиться, что именно туда, под самый полог тьмы, предстояло нам с Архипом немедленно отправляться! Ибо мы закончили измерение окружающих лагеря вершин и должны были двигаться теперь на север сторону Маточкина Шара, где горы несколько отступают от береговой линии и образуют два крупных массива,

являющихся на всей местности главными ориентирами. Выход был намечен у нас на утро, после перекура, и отступить от этого из-за ухудшения погоды мы не собирались. Ибо если на Новой Земле скверной погодой оправдывать свое безделье, то на работу времени может не набраться вовсе.

Уходя из лагеря, я обернулся: горы вокруг Первоусмотренной высились среди светящихся облаков, как бастион света, окутанный орудийными дымами, и блики солнца, пробегающие в облаках или по заснеженным склонам, казались вспышками выстрелов, будто вокруг этой твердыни шла небесная битва. Понимая, конечно, что образы подобного рода, как демонические видения у ледяной купели, вызваны, без сомнения, особенной восприимчивостью нервов при столкновении атмосферных фронтов, скажу, однако, что здесь, на Севере, природа не утратила еще первоначальной силы своего воздействия, и красота открывающихся взору картин воспринимается остро, событийно, как драма, разыгрывающаяся на гигантской сцене.

Едва мы вышли, ударил нам прямо в лица заряд снега. И хотя снегопад в летнее время не мог про-

должаться долго, как-то само собой решилось, раз уж погода неблагоприятствует нам, что сначала мы дойдем до крайней точки нашего маршрута, а на возвратном пути, когда ненастье уляжется, сделаем свою работу. Так мы тронулись потихоньку, принимая в лицо все изобретения непогоды, и целый час карабкались только к подножию Снежных гор, где не было раскисшей глины и можно было идти по каменистым осыпям и гребням, не приликая при каждом шаге к земле. При такой прыти до северной оконечности горного массива, от которой до самого Маточкина Шара тянется низкая заболоченная тундра, на которой нету же никаких возвышенностей, дойти вряд ли можно было бы быстрее, чем за двадцать четыре часа. А так как без отдыха при такой погоде одолеть пятидесятикилометровый маршрут нельзя, я решил, что, идя не спеша, доберемся к вечеру второго дня.

И поначалу все складывалось: шли мы себе за шагом шаг, имея о правую руку почти отвесные склоны Снежных гор, ни о чем особенно не думая. Кто испытал, что такое ходьба по тундре, живо представит, что это было за путешествие. Несведущему же скажу, что в ходьбе по тундре, несомненно, откры-

ваается одна из сторон бесконечности: ибо нет конца шагам, упорно отстригающим у пространства метр за метром, – пространства больше, чем возможных шагов, чем сил у человека, и человек должен со смирением это понять, иначе пространство обманет его, заманит к себе и убьет. Немота. Ни вскрика, ни голоса, только, бывает, хрустнет камень под ногой или особенно звонко застучит по капюшону дождь, или ветер как бы рванет и сомнет над головою большое полотнище, или ноги разбрызгают воду бегущего с гор ручья, – и все, ни звука, кроме та или иначе связанного сочетанием воды, ни одного голоса жизни, кроме собственного соплогодыхания. Белая полярная сова сорвется с бугра, беззвучно взмахнув крыльями, – и тут же исчезнет, свалившись в невидимую глазом ложбинку, по которой протянет, прижавшись к самой земле, метров триста, чтобы вынырнуть в пелене дождя в безопасном уже отдалении. И от этой немоты делается порой не по себе и хочется заговорить с самим собою.

Архип всегда шагал впереди меня. В тундре каждый идет как может, в своем ритме, и всякое приноравливание друг к другу, всякое подхлестывание

себя или нарочитое сдерживание шага только во вред, ибо одного отбирает силы в ущерб другому, а это пред лицом бесконечности ничем не оправдано. Поэтому я шагал, не стараясь успеть за охотником, а он не оглядывался на меня, покуда не решался отдохнуть или перекурить. Так он дожидался, какя подойду, минут десять мы молча сидели вместе, потом он вставал и трогался в путь, а я, перекурив, отправлялся следом, так, бывало, и не перекинувшись с ним за весь день и дюжиной слов.

С самого начала Архип меня поражал какой-то своеобразной дикостью, которая вообщесвоей ответственна охотникам. Все ненцы, с которымиidotой поры приходилось мне иметь дело, хоть и жилиеще в то время по-старому, кочуя с оленями в тундре, такими не были. Оленные люди – они люди, как олени же, стадные. А там, где людей много, где собралось хотя бы несколько человек для поддержания огня в очаге и продолжения рода, там и начинается, собственно, жизнь человечества. И как бы ни рознились быт и обычаи народов, все одно: не могут не звучать среди людей смех, шутки, не теплиться песня женщины, не раздаваться повизгивание детей и глухое бормотание старости, не мо-

жетничего и избегнуть ся из того, что сопровождает человеческую жизнь от начала ее до самого конца. А в этом смысле охотник-одиночка, он больше похож на зверя, чем на человека: на нем печать бесконечного пути наедине с самим собою, тщетной, неразделенной мысли или даже бездумья, свойственного ведь и хищнику, выслеживающему добычу. Печать бессловесности замыкает его уста, и потому не погрешу против истины, сказав, что по первому впечатлению Архипа отличалась необыкновенная только тупость и неспособность поддерживать никакой разговор, какое-то равнодушие к разговору, словно он не понимал, зачем он ведется. За минувшую неделю вдоволь найдя с ним по горам, я убедился, что спутник он надежный и верный, и понимали мы с ним друг друга не то что с полуслова – а вообще, можно сказать, без слов, потому что, вполне освоившись в своей роли проводника и отлично ее исполняя, разговорчивее он так и не стал.

Больше семи часов прошло уже с начала нашего похода, и я стал подумывать о привале, потому что вдруг начал уставать и отстал от Архипа больше обычного. Но он все тянул и тянул меня за со-

бою. Наступал вечер. Стало совсем сумрачно под пологом туч, которые ползли так низко, что цеплялись за последние холмистые отроги Снежных гор, оставшихся, наконец, позади. Судя по карте, здесь должна была открываться речная долина, но впереди различал только скальный массив и, как будто, новый подъем. Поглядев в спину Архипа, уверенно шагавшего впереди, я впервые испытал желание окликнуть его, чтоб подождал. Но едва эта мысль явилась, он сам остановился. Тяжело поднимаясь вслед по каменистой гриве, я слышал все нарастающий странный шум. Оказалось, он стоит на краю обрыва: скалу рассекал глубокий каньон, по дну которого мчалась река, вспучиваясь, будто играя тугими мышцами, разбиваясь о встречные глыбы и оглашая ущелье эхом разноголосых звуков. Странное меня охватило чувство: что я не знаю, что делать дальше. Захотелось сесть. Очевидно было, что здесь не переправиться: в воде еще можно было спуститься по уступам, но течение, взбешенное приливом дождевой воды, было тяжело и грозно, как в настоящей горной реке. Выше по каньону скалы обрывались к воде совсем отвесно и вода точно кипела, вырываясь из узких каменных

щек. В глубине ущелья курились облака, но что там темнеет, за этим изавесам тумана, разглядеть было нельзя. Над головой резко вскрикнула птица. Я взглянул вверх, но ничего не увидел, ключья тумана неслись прямо над нами. Опять вскрик: пронзительный, неприятный, как будто, оказавшись здесь, мы испугнули какую-то нечисть и она силится прогнать нас своими воплями. Приглядевшись, я заметил, что скалы по обе стороны ущелья кое-где, словно кровью, обгарены красным лишайником, как известью, заляпаны птичьим пометом. Где-то на уступе должно было быть гнездо канюка, и это он, конечно, тревожился нашей близостью. Но в тот момент – уже второй раз за один день – в голове моей опять промелькнула сказочная аллегория, и я подумал, что если у ада есть вход с севера, то, верно, так и должны выглядеть адские врата, битвой мертвого камня и ледяной воды олицетворяя ярость, не знающую исхода, стиснутую в ущелье, как крик ненависти, раздающийся в небе без единого просвета, без единого прорыва наверх.

Сырой ветер пронизывал меня насквозь. Я чувствовал непомерную усталость и ломоту во всем теле. Я заболел, но еще не понимал этого... Мы

тронулись вверх по краю каньона: каждый шаг отдавался острой болью в плече, которое я потянул годом раньше, работая на острове Колгуеве, шум крови стоял в ушах. Почти уже не помню, как кончился подъем и начался спуск. Под пологом мрачных туч открылась, действительно, речная долина, уходящая далеко в глубь острова. Напротив нас под облаками темнела подошва горы. Теперь все сходилось с картой – сначала долина, за ней гора. Но откуда взялись эти адские ворота? Почему река прорубила себе дорогу в скале, а не обошла ее? Плотность пород... Какими тонкими пластинками расслаивается камень – они похожи на черную чешую. Дракона, наверное? А шаги звенят, как будто идешь по россыпям медных монет. Нет, глуше: золотых. Золотая лихорадка. Всего так и трясет... Спина впереди: Архип. Мне ни разу не удалось догнать его, ведь он – ведущий, он – ведающий, он – ведун. Но если упаду, а он не обернется – заметит ли он мое исчезновение?

Мысли мешались, в плотную уже подступал бред. Возможно, это мне помогло – по крайней мере, некоторое время еще шагал, ничего не соображая. Позже я много думал над загадкой бреда: содной

стороны, увеличение температуры тела уже на два – два с небольшим градуса дает такие изменения в восприятии окружающего, что смысла его полностью меняется. Но, с другой стороны, мир от этого не распадается, мир остается связанным, хотя и иными связями, чем мир нормальный, в котором главным узлом, универсальной константой является температура тела в 36,6 градуса. Объективность, таким образом, задается специфическими для человека формулами белкового обмена, при которых клетки сгорают от повышения температуры и угасают с ее понижением. Что там, за верхним и нижним температурным порогом? Если бы мозг мог мыслить, не отключаясь, мы, конечно, увидели бы совсем иные миры, нежели тот, к которому привычны... И ведь бред раньше сознания открыл мне, что я болен, и подсказал слово, в котором заключался мой страх: я боялся упасть.

Я упал, когда мы переходили реку, далеко поднявшись вверх по течению: берег там пологий, и река, разделившись на несколько рукавов, бежит между галечными отмелями, ничем не напоминая тот беснующийся поток, который зажат в ущелье. Переходя главное русло, я оступился: глубина ока-

залась больше, чем я ожидал. Ногами почувствовал угрожающую силу течения. Дна не было видно из-за мути, нанесенной в реку дождем. Только что впереди меня прошел Архип, но я боялся сделать следующий шаг, не в силах оторвать взгляд от несущейся вокруг меня тугой воды, хотя чувствовал, что течение уже выворачивает гальку у меня из-под ног.

– Ходи! Скорей ходи! Там твердо! – звонко крикнул Архип, заметив, что река сковала меня.

Словно очнувшись, я рванулся, но тут течением меня подсекло: сделав еще шаг, я повалился вперед, выставив перед собой руки. Смешно, должно быть, я смотрелся, стоя на четвереньках в мелкой воде, придавленный тяжелым рюкзаком, не в силах подняться.

– Больной, больной совсем, – через секунду взволнованно говорил Архип, поднимая меня на ноги и заглядывая в лицо.

К счастью палатка, которую я нес в рюкзаке, осталась сухой. Я очнулся уже под брезентовым пологом, в теплом спальном мешке Архипа, сшитом из двух оленьих шкур мехом вовнутрь. Мутный свет ночи сочился сквозь линялые покровы нашего убе-

жища, сотрясаемого порывами ветра. Когда я проснулся снова, было двенадцать часов следующего дня. Напоминанием о том, что вчера со мною случилась какая-то неприятность, была боль в колене. Первая мысль была о еде, вторая – что мы выбрали из графика и надо немедленно отправляться в дальнейший путь. Я велел Архипу собираться, но против своего обычновения, он вдруг решительно воспротивился:

– Нет, сегодня идти не будем.

«Вот тебе на, сапог-то один совсем мокрый еще»,

– подумал я, ощупывая свою одежду.

– Почему не будем?

– У тебя болезнь не простуда, у тебя болит спина.

Я взглянул на проводника с недоумением.

– У меня не болит спина.

– У тебя вот здесь болит, – сказал Архип и похлопал себя по пояснице.

– Да ничего у меня не болит!

Мы оба смотрели друг на друга с досадой.

Ладно, – так ли, иначе, а мы остались. Странен вышел этот день: я его запомнил на всю жизнь. Наблюдая за ловкими движениями Архипа, который

наловил в реке крупных гольцов и сейчас их разделявал, распластывая рыбу вдоль, ломтями нежного розового мяса, я вдруг вспомнил прошлогоднего своего помощника и тут только сообразил, что фамилия-то у них одна и та же. На острове Колгуеве помощниках у меня был ненец Ардеев Никита, замечательный из всего этого народа человек, вот только почти не говорил по-русски, да и не стремился. Мы с ним нелегкую делали работу, ставили знаки, таскали бревна для них оленьими упряжками, на определенных местах связывали и воздвигали. Сколько тонн бревен и камня переворочали вдвоем за лето – даже не знаю. В помощь ко мне был потрясен Никита председателем как бы трудовой повинности за какую-то, как я понимаю, внутреннюю гордость, которую председателю хотелось сломить. Никита был из богатого рода, и дед его владел чуть не половиной пастбищ на Колгуеве, а дядя был большой шаман. Никита это прочно держал в голове, но не роптал, смеялся над председателем и был мне помощником, лучше которого трудно себе вообразить.

Очень внимательно выслушал меня Архип. После того, как я сообразил, что фамилия у них одина-

кова, уже не было удивительно узнать, что с Никитой они родня и тот приходится ему двоюродным, кажется, братом, о котором он ничего не знал. Ибо ихотцы, родные братья, расстались еще до революции, прежде, чем он появился на свет. В благодарность, что ли, что я передал ему такие ценные сведения, Архип мне рассказал историю своего рода. Тут бы можно сделать пропуск, да как быть, если все, что я знаю об Архипе, известно мне из этого внезапного откровения? Может быть, в памяти своей и не считал он нужным удерживать ничего, кроме этой истории.

В 1907 году, когда отцу его, Любомиру, исполнилось семнадцать лет, он взял своих оленей и, чтоб с братьями не делить пастбища на Колгуеве, на каком-то корабле перевез на Новую Землю, где, прослышал, много свободного места. Дальше вышла обычная история: Новая Земля не Колгуев же, тут горы, пространства огромные. Оленей все от него ушли и помешались с дикими, и он в первое же лето остался ни с чем. Делать нечего, стал Любомир поневоле охотником, стал промышлять морского зверя. Взял его себе в помощники старый морской промышленник, который жил один

со своею дочерью. Богач, дому у него был из настоящего леса, норвежские ружья, золото. Но не ружья и не золото околдовали молодого зверобоя, а красавица Маремьяна, дочь старика. Была она помолвлена с кем-то из рода Вылок, местных уроженцев, но так понравился ей и старику новый помощник, такая удача пришла с ним в первый же промысловый сезон, что он с радостью отдал свою дочь за Любомира. И жили молодые счастливо целых шесть лет.

– А на седьмой год, весной, стал отец собираться в Белушку, хоть немного патронов или чего временять на песцовые шкурки, – Архип печально закурил бумажную трубочку. – Решил ехать через ледник, через перевал, как короче. Не понравилось это деду, но он дал ему лучшего пса передового – здоровый был рыжий пес по кличке Чурбан. Он, – говорит, – тебя в всяком случае выручит. Отец уехал – только снежная пыль поднялась. Сказал – вернется десятого марта. Десятого нет его. Одиннадцатого, двенадцатого – все нет. Тринадцатого сильное беспокойство охватило мать. Вышла она за порог – а на дорожке камень стоит. Она испугалась. А на другой день птичка ударилась в окно: недобрая приме-

та. Ударилась – и села рядом с домом. Мать взяла мелкашку, говорит: «вот, сейчас тебя подстрелю». Стрелять умела хорошо. Поднимает ружье, целится. Выстрел: мимо. Еще один: мимо. А птичка – раз! – в порхнула в пристройку, где оставшиеся были ездовые собаки, и оттуда раздался вдруг жуткий вой. И вот, стоим мы с матерью на дворе, не знаем, что думать. Вдруг бежит издалека огромный рыжий пес, подбегает к матери, хватается за низ малицы. Тянет куда-то. Мать обрадовалась: раз Чурбан прибежал, значит, отец будет скоро. Пошла в избу ставить самовар. Дед пришел, увидел Чурбана. – Что, – спрашивает, – Любомир приехал? – Пока не приехал. – А почему постромки оборваны?

Тут только мы заметили на собаке остатки упряжи.

Еще день прождали, дед сказал: ну, надо искать. Стал налаживаться на поиск сам. И тут открылась дверь. Вошел Пашка, который с матерью когда-то помолвлен был:

– Что, Любомир не приехал еще?

– Нет, не приезжал...

Он посмотрел на мать, но тут из собачьего закута вылетел Чурбан, да как зарычит на него...

Пашка побледнел и матери говорит:

– Привяжи собаку, а то я ее пристрелю.

– Зачем ты собаку стрелять будешь? – мать говорит. – Она тебе ничего худого не сделала...

Тогда Пашка стал беспокоиться, где отец. Надо, сказал, искать его. А сам меня по голове гладит:

– Сирота ты, сирота...

Пошли искать: дед, Пашка, наш сосед и еще один русский, который много лет тогда на участке прожил, пока революция вся не кончилась и не стали опять приходиться на Новую Землю русские корабли.

Нашли отца на перевале: пулей прострелен висок.

Отец всегда ружье возил с собой. Дед говорил: «Любомир, ты смерть с собой возишь». А вот что получилось. Отец приехал в Белушку, встретил Пашку. Наменяли что-то, отец даже сушек достал. Пашка ему говорит: «Любомир, я с тобой обратно через ледник поеду на упряжке». – «Ладно». Не замечал, что Пашка не может побороть свою ревность, ненавидит его. Поехали. Тут снег пошел. А во льду трещины, под снегом совсем не видно. Отец Пашке сказал: «Я пойду путь посмотрю, а то спуски уже начинаются». Ушел вперед, ружье оста-

вил. Пашка взял ружье. Когда отец подошел – выстрелил прямо в голову. Упал отец. Пашка новый патрон вставляет – начал расстреливать собак. Но он щетолько отца убил, как Чурбан начал упряжь грызть. Пашка пять собак застрелил, а почему Чурбана не смог – непонятно. Видно, нервничал. Чурбан упряжь перегрыз и убежал.

И когда снова пришли на ледник, Чурбан завидел мертвого отца, подошел к Пашке и зарычал, будто сейчас загрызет.

Дед спросил:

– Ты Любомира убил?

– Я.

– Напрасно ты старался. Не выйдет Маремьяна за тебя.

И так и случилось. Моя мать отказала ему. Судить ведь его было некому, никакой власти не было на острове, и никакой корабль не заходил, и люди забыли вкус хлеба. И вот, он ушел на охоту – и налетела бора – весенний ветер, холодный и острый, как лед. Десять дней дул. И Пашки не стало. Исчез. Обычно хоть что-нибудь отыскивают: песцы тело растащат – малица остается, ремни, нож, ружье. Ружье в тундре никогда не пропадает, а тут – ничего...

Слюбопытством слушая этот рассказ, я поражался более всего, как мальчик, в пять лет оставшийся без отца, все же выращен был матерью охотником. Здесь – безрассудная храбрость ненцев в воспитании детей. Рассказ же мне показался настолько художественным, что я его в тот же день записал, несмотря на некоторые детали, вообще свойственные сказочному мировосприятию ненцев. Которому, кстати, скоро нашлось подтверждение. Разглядывая карты – а их у меня было две, военного времени и более старая, на которой уцелели многие исчезнувшие на современных картах детали и названия, – я вдруг заметил, что на одной, военной, ближайшая к нам гора обозначена как Безымянная, а на другой сохранилось еще прежнее ее название – Нумд-Хэня. Загвоздка сразу мне увиделась в том, что так далеко на севере Новой Земли ненецкие названия редковстречаются. От оленьих пастбищ эти места отделяет полторы сотни верст, четыре залива и, по числу их, четыре речных долины, каждая из которых отделена от соседней горной цепью. Никакому оленеводу в такие лабиринты соваться незачем, да и охотнику в старое время тоже не было смысла: премного дичи водилось и в местах более

доступных. И, однако, на карте обозначено было название, опровергающее всю эту логику.

Я подозвал Архипа.

– Смотри: на карте здесь обозначена эта гора. Ты знаешь, как она называется?

– Нумд-Хэня.

– А что значит – Нумд-Хэня?

– Значит: дерево вышиною до неба.

Не надо объяснять, как я был озадачен. Однаковиду неподалинекотороевремянаблюдал, как Архипразглядывает карту, товедяпонеё пальцем, тооглядываясьпосторонамвпоискахориентира. Онполучалбольшоеудовольствиеоттого, чтонакартевсеоказывалосьтакже, какнаместности, ниоднадетальнеупущенаизаписанаособыми знаками. Ядавнозаметил, чтокарта, какособая записьпространства, ненцевнеобычайноприманиваетксебе, ивихлицекартографимеетпреданных иглубокихценителейсвоегомастерства. Самииони докартыдодуматьсянесмогли, новМалоземельскойтундревиделяненца, которыйвесьогромный путьсвоегокочевья – чутьлинеотКанинаНоса доТиманскогокряжа – вырезалособыми значкамнатонкихпалочкахвродекарандашей. Палочки

эти он складывал одну к одной и мог бы, видимо, сложив все девяносто, рассказать, какие приметы встречаются ему в каждый из дней его трехмесячного путешествия: здесь вот по правую руку остается озеро с лебедями, здесь ручей – узкий, но очень глубокий, перейти нельзя, обходить надо до самого истока... А при этом на палочках острым ножом вырезаны были, по видимости, совершенные пустяки: какие-то птички, засечки, квадратики, всякие другие значки, по которым читал он, как по буквам, которые кроме него, конечно, прочитать никто не мог.

Но я опять отвлекся, по несчастной способности своей отступать от темы и разветвлять повествование на бесчисленные отростки. Изумление же мое тем легко объяснимо, что если задуматься, то совершенно непонятно, откуда такое название, как Нумд-Хэня, может взяться здесь, где полно-рослых деревьев нет совсем, и, если не береговой плавник, не обкатанные морем стволы, что несут вледовитое море таежные реки, то человеку, родившемуся на Новой Земле, невозможно было бы себе представить, что такое простое бревно. Откуда ж тогда название? Ведь если дерево достигает неба, то

это должно быть большое дерево? А таких нет и не может быть на полторы тысячи километров вокруге. Так что неясно даже, как могло родиться представление о таком. Полярные деревца вроде ивы представляют собой совершенно стелющийся по земле веер веточек, переплетенных с мхом и между собою, которые обычно произрастают из чуть видимого над поверхностью земли крепкого деревянного пупка, которым дерево, как пробкой, запечатывает вход свой в землю, где оно прячет толстый корень, или ствол, ставший корнем, длиной сантиметров до сорока. Сосчитать годовые кольца надо по срезу этого корня-ствола, но решительно нельзя представить себе, чтобы, глядя на этот упрятанный в землю ствол, у кого-то могло родиться дерзкая мысль возвысить его в поднебесье.

Архип все еще занят был разглядыванием карты, и я, как будто невзначай, спросил его, откуда у горы такое название. Он заметил скрытого подвоха и отвечал, что гора очень высока и потому так названа.

– А кто-нибудь поднимался наверх? – спросил я, будто бы и не удивленный нелепостью его объяснения.

– Отец, должно быть, поднялся, – последовал ответ.

Впервые я слышал от него столь нелепые речи. Местность он знал превосходной, значит, знал, что высокой эта гора никак не может быть.

Тому, что Архип стал рассказывать сущую несуразицу, я должен был найти объяснение. К счастью, его подсказал мне простой взгляд нагору: ведь, хоть ни дождя, ни снега не было, погода по-прежнему была ненастная, и гора сосрезанной облаками вершиной действительно отчасти напоминала гигантский пень или нижнюю комлеву часть скрытого за облаками гигантского ствола, вонзившего свои каменные корни в тундру. Такие виды на Новой Земле нередкость, и если уж воображение выстроит образ такого дерева, ствол и крона которого пропадают в заоблачной вышине, то ничто не помешает ему и дальше фантазировать на эту тему, пока ветер не раздует облака и все заоблачные кущи не откроются во всех подробностях своего естественного геологического строения. Я бы нисколько не досадовал против фантазий, порождающих экзотические топонимы, если бы сам в предшествующий день не подпал под власть иллюзий, от которых мир, запечатленный на карте свосхитительной

и ясной точностью, обращается в зыбкую, изменчивую и полную скрытой угрозы картину, свяжемую лишь болезненной логикой бреда.

Дельная мысль пришла мне в голову.

– Архип, – позвал я. – Тебе понравилась карта? На ней все верно изображено?

Он признал, что все изображено точно: река, каньон, и выше по течению, в горах, правда, будет озеро.

– Но вот эта гора, про которую ты говоришь, будто она так высока, здесь невысокая совсем, не выше других...

По быстрому сердитому взгляду, который он метнул в мою сторону, я понял, что попал в цель, и он не знает, что ответить...

– Завтра мы поднимемся на эту гору и точно измерим ее высоту.

Архип молчал.

– Под облаками гор вправду похожа на нижнюю часть огромного дерева, и я думаю, название появилось из-за этой похожести, вот в чем дело, – заключил я примирительно.

– Нет, не в чем дело! – с неожиданным упрямством сказал Архип. – Не в этом дело...

Что заставляло его упрямыться, я не в силах был понять. Он замкнулся и казался даже обиженным, хотя в моих словах не было совершенно ничего обидного. Не желая портить отношения со своим верным попутчиком, я решил больше не заговаривать на эту тему. Архип промолчал до самой ночи. Когда мы залезли в палатку на ночлег, плотные тучи по-прежнему стояли над Нумд-Хэня.

Глубоко ночью я пробудился от странных звуков: казалось, над нами носятся тысячи птиц, крича пронзительно. Часы на руке показывали три. Я откинул полог палатки. Картина, которая открылась моим глазам, была столь ужасна, что я чуть не закричал. Небо над нашими головами было безупречно чисто. В его голубоватом сиянии еще ярче сверкали звезды и месяц, но главное – прямо на месте горы, впиваясь в землю узловатыми корневищами ее отрогов, вздымался в небо гигантский каменный ствол, вершина которого пропадала ввышине. Вокруг этой исполинской колонны, этого черного, как турмалин, столпа, способного, вероятно, вознести на себе целый город, парили чайки, подобно тому, как несутся они вдоль скалистых берегов

океана, оглашая воздух криками, в которых для человеческого уха необъяснимо слышится тоска покинутости и одиночества. Ввышинемириадыптиц блистали своими белыми крылами, и в воздухе стоял неумолчный их жалобный гомон, словно колонна представляла собою огромный птичий базар.

Я почувствовал дурноту, холодный пот, холод, сжимающий сердце. Нев силах больше смотреть на ужасающее видение, я запахнул палатку и с головой забрался в мешок, чтобы спрятаться от наваждения. Некоторое время мне еще слышались крики птиц, но потом они смолкли. Высунуться из мешка я все же не мог себя заставить. Нащупал пульс, потрогал лоб. Нет, жара у меня не было. Осмелился произнести несколько слов шепотом. Они прозвучали без искажений:

– Господи, спаси меня...

Впервые в жизни зывала я к Господу. Я, как и все в моем поколении, был атеистом, но в ту ночь боялся сойти с ума. Я знал, что в Арктике нередко у людей случаются галлюцинации, слышал рассказы товарищей о самых необыкновенных звуковых изрительных обманах, которыми они поддавались, но почему-то недопускал, что подобное может слу-

читься со мной. В том, что привидевшееся мне – иллюзия, я несомневался. Прежде всего, полярной ночью на небе не бывает видно звезд. Небо светлое, поэтому звезд не видно, – эта мысль оказалась спасительной, и я цепился за нее, как утопающий за спасательный круг. Звезд не может быть видно – это, по крайней мере, я знал наверняка. Чтобы там мне ни привиделось, звезд не может быть видно – и если я понимаю это, значит, способен еще мыслить здраво, способен отличить действительность от бреда...

Наутро гора была, как всегда, до половины закрыта тучами. С севера ветер нес бус – холодную водяную пыль, пронизывающую все вокруг влагой хуже дождя. О приключившемся со мною ночью я не сказал Архипу ни слова. Погода была, конечно, и по-человечески отвратительная, и неблагоприятная для измерений: давление не стояло на месте, и высотомер, работающий, как известно, по принципу барометра, как раз в такой день мог выдать показания с наибольшей погрешностью. Но после минувшей ночи ни одного лишнего часа оставаться на этом месте я не желал. Подкрепившись,

мы собрали лагерь и тронулись вверх на перевал. Часа четыре длился подъем наш поднущелья, откуда навстречу бежал ручей мутной воды. Нелегко это восхождение нам далось, и, прямо скажем, ничто не радовало в этот день взор: мертвый колотый камень под ногами, черный глинистый сланец, кое-где покрытый осклизлым бурым лишайником, грязные массы слежавшегося прошлого года снега внизу у ручья да туман наверху – вот и все, что мы видели. Новсякому подъему бывает конец. Мы вошли в туман и, ломая ноги на осыпях крупных камней, вышли наконец к седловине, откуда прямой путь был к вершине Нумд-Хэня.

Чего бы только не отдала минувшей ночью, чтобы оказаться здесь! Здесь все было реальным – ветер, камни под ногами. Проклятые камни, острые и угрюмые, как зубья затаившегося капкана, сланцы – сдавленные колоссальным давлением глины древнего моря, не заключающие в себе ровным счетом никакой, даже геологической поэтики, несколько напоминающие ночной колонны, мерцающей драгоценными искрами внутреннего света, – но зато реальные. Реальные, как тяжесть рюкзака. Как пот, заливающий глаза...

Через час мы достигли вершины, выйдя на открытое, ничем незащищенное от ледяного ветра плато, и целиком оказались во власти окружающего нас со всех сторон тумана. Внизу был туман, наверху – туман, под ногами – блестящая от воды каменистая пустыня, совершенно безжизненная. Без клочочка мха даже, только покрытая удивительным узором, гигантскими каменными кольцами из глыб белого кварца, выломанных мерзлотой из мрачных недргоры. Я походил взад и вперед по этому неприветливому нагорью и убедился, что мы действительно достигли высшей точки.

– Вот мы и дошли до вершины, Архип, – сказал я.

Возможно, в словах моих прозвучало невольное торжество из-за того, что я полагал, что ставлю точку в нашем вчерашнем нелепом споре. Я ликовавал победу над своим вчерашним ночным ужасом. Но я никак не ожидал услышать от Архипа ответ:

– Никто из живых людей еще не видел вершины...

Я подумал, что спорить бесполезно: с какого-то момента мы, к несчастью, совершенно перестали понимать друг друга. Высотомер был в порядке, и я произвел измерения, которые при пересчете и дали уже упоминавшуюся мною цифру – высоту

778 метров над уровнем моря, которая на крупномасштабных картах значится как гора Безымянная.

Вся жизнь моя прошла в работах на Севере. К тому, что рассказано мудальнейшее прямого касательства не имеет, хотя я не позабыл о случившемся сомноу на Новой Земле. Я много перечитал, интересуясь природой арктических галлюцинаций, – но эта тема слишком обширна, чтобы походя касаться ее. Я выяснил, что Архип говорил правду, и ненцы, жившие в районе Маточкина Шара, действительно называли безымянную для нас вершину Нумд-Хэня, что в буквальном переводе означает «ствол, подпирающий небо».

Прошло сорок лет. Теперь мне легко опускать детали, ибо значение имеют лишь немногие из них. Однажды, прогуливаясь по балкону клиники, что, подобно грандиозной архитектурной метафоре *temenora*, выстроена на берегу Москва-реки, я услышал крик чайки, залетевшей сюда от воды. Птица неслась вдоль стен одиноко стоящего гигантского строения, словно мимо утеса, вздымающегося над морем, оглашая воздух криками, в которых столь явны для человеческого уха боль

и тоска. Я схватился за край балконного ограждения, ибо узнал вдруг слишком знакомую картину. Я, наконец, понял, что я видел в ту ночь, сороклетназад. Растолковать это понимание другим, воспринимающим мир, возможно, еще также, как я воспринимал в свои молодые годы, я не хочу, да и не должен. Рассказав эту историю, перед Архипом я теперь совершенно чист. Для жалоб на судьбу у меня нет ровным счетом никаких оснований: лет мне не так уж мало, и болезнь, которая в конце концов заставила меня переступить порог сего печального чертога, развивалась ведь так давно, что я, по совести, должен быть ей только благодарным за то, что она не прикончила меня раньше. Ибо для больных почек Север, конечно, не самое лучшее место. К тому же у меня не меньше, хоть и не больше, шансов отыграть у курносой еще несколько лет жизни, чем у прочих невольных обитателей этой гостиницы. Но стех пор, как чайка прокричала мне, на душе у меня воцарилось замечательное, сродное счастью спокойствие. Нумд-Хэня встает в прекрасном голубом свечении ночного обрамлении крупных звезд: часто мне снится, что я, как птица с белым сверкающим опереньем, круг за кругом

скольжу по спирали к вершине величественного каменного ствола, встречая грудью нарастающий чистый холод неба. Иногда, проснувшись, я ловлю себя на чувстве, что, достигнув вершины, я сольюсь, наконец, стой догадкой обо всем, которую я так и не догадал за всю свою жизнь. Иногда к этому примешивается какая-то необъяснимая теплота: как будто я знаю, кого встречу там, наверху.

Дмитрий Данилов

ВОЗМОЖНО ОБРУШЕНИЕ ФАСАДА

Норильск: промышленный рай с ощутимым запахом серы

Вот, говорят, Москва бьет с носка. Приезжий человек приедет в Москву с целью ее, Москвы, завоевания, с целью реализации своих амбициозных планов, в поисках лучшей доли, чуть зазевается, растеряется, и Москва – раз! – и ударит приезжего человека носком ноги. Приезжий человек пригложится, сделает неутешительные выводы, а потом расскажет другому приезжему человеку, менее опытному, что Москва – она такая. С носка бьет.

То же самое можно сказать и о Норильске. Только в другом смысле, не в московском. В том смысле, что Норильск с первых минут знакомства ощутимо ошарашивает нетривиальными впечатлениями.

Аэробус Ил-86 совершил посадку в норильском аэропорту «Алыкель», покатился по взлетно-посадочной полосе, снизил скорость почти до нуля, но не остановился, а стал отклоняться куда-то вбок, к краю полосы. Возникли нехорошие мысли о так называемом выкатывании. Вдруг возьмет да и выкатится. Такое иногда случается. Ничего хорошего в таких случаях с самолетом и пассажирами не происходит. Но нет, не выкатился. Вместо выкатывания гигантский «Ил» лихоразвернулся прямо на полосе, как какие-нибудь «жигули» на перекрестке, и бодренько порулил к аэровокзалу.

Выход в город – просто щель в сером заборе. Рядом со щелью надпись – выход в город. Аэровокзал переживает реконструкцию, его уже частично облепили ярко-сиреневыми пластиковыми панелями, и скоро он, судя повсему, заработает на полную катушку и выход в город примет более цивилизованные формы, а пока – просто щель в заборе. Да какая, в сущности, разница.

За забором – толпа людей. Встречающие и таксисты. Таксисты произносят слово «такси» с равными временными интервалами. Встречающие ничего не говорят, просто встречают. Бросается в глаза

относительная молодость толпы (бывалые сорокалетние таксисты выглядят в этой толпе почти как скалами) и обилие лиц, явно указывающих на криминальные наклонности их носителей. Бросился в глаза персонаж словно бы из сороковых или пятидесятих годов – кепка (не бейсболка), золотые фиксы, неброский пролетарский прикид с преобладанием черно-серых тонов. Про такого не скажешь «бандит» или даже «гопник», тут самое подходящее слово – «хулиган», да, именно хулиган, в Москве этот типаж уже давно вытеснен бандитами и гопниками, а тут вот сохранился, правда, в этой толпе он был один такой, а в остальном преобладали бандиты, гопники, бывалые таксисты и просто обычные люди.

Таксист выруливал со стоянки минут двадцать, совершая маневры потрясающей филигранности. Он то и дело высовывался из окна, и тогда происходили примерно такие диалоги: ты, сволочь, куда прешь, не видишь, люди стоят, а ты, сволочь, куда прешь, не видишь, люди едут, ты, козел, где встал, не видишь, люди едут, а ты, козел, куда едешь, не видишь, люди стоят и так далее, с незначительными вариациями. Все эти слова произносились сто-

ронами без какого бы то ни было выражения, в них не было агрессии, злобы и даже досады, это были просто дежурные слова, примерно как в офисе утром сотрудники, встречаясь в коридоре, бросают друг другу на ходу привет, как дела, и, не останавливаясь, идут дальше по своим офисным делам, так издесь, водители просто приветствовали друг друга словами «козел», «сволочь» и некоторыми другими, это был просто ритуал, и если не сказать в нужный момент «козел» или «сволочь», то это будет, пожалуй, даже как-то невежливо, все равно, что не подать руки или нарочито отвернуться при встрече.

В конце концов как-то вырулили, проехали мимо скопления небольших аэропортовых домиков и выехали на трассу. Кругом тундра, в это время года представляющая собой относительно ровную буровато-зеленую поверхность с намеком на травянистость. Слева параллельно трассе – одноколейная железнодорожная линия. Вдоль железной дороги тянулась череда столбов, такие столбы предназначены для подвески контактной сети, но никаких проводов не было, вернее, раньше были, раньше здесь ходили электрички, а потом электрички упразднили и провода сняли за ненадобно-

стью, и столбы теперь стоят просто так, без проводов, бесконечный ряд проводов, уходящий вдаль, посреди буро-зеленой тундры, под облачным серым северным небом.

На горизонте показалось небольшое скопище современных высоких разноцветных домов. Дома выглядели довольно бодро и оживляли пейзаж. Но по мере приближения дома все меньше оживляли пейзажи и выглядели все менее бодро. Когда подъехали совсем близко, выяснилось, что дома – мертвые. В них никто не живет. В окнах нет не только стекол, но и рам. Брошенные дома. Построили (по виду домов – давно) и бросили. Таксист сказал, что это мертвый поселок Алыкель. Дома построили на рубеже 80-х и 90-х, здесь должен был быть расквартирован полк толи истребительной, толи бомбардировочной авиации, в домах должны были жить летчики, но перестройка и развал Союза смешали все карты, полк перевели куда-то в другое место или даже вообще расформировали, и дома так и остались пустыми и брошенными.

Выехали на трассу Дудинка – Норильск. Опять тундра, серое небо и железная дорога со своими мертвыми столбами.

Мост через речку Амбарная. Вернее, три моста рядом, параллельно друг другу, но на разной высоте, как бы карабкаясь друг за другом по склону небольшого холма. Внизу – мост, по которому мы едем. Вверху – железный железнодорожный мост. Между ними – деревянный мост, ветхий и перекошенный, по которому проложено примерно сто метров узкоколейного железнодорожного полотна. На этом обрубке узкоколейки стоит небольшой черный паровоз. Здесь раньше (до начала 50-х годов) проходила узкоколейка Дудинка – Норильск, и по ней ходили вот такие паровозы, потом построили нормальную железную дорогу, а узкоколейку за ненадобностью разобрали, оставили только этот стометровый кусок и ветхий деревянный мост, и паровоз в качестве памятника.

Паровоз аккуратно выкрашен черной краской, с вкраплениями белого и красного, и выглядит, как новый.

В пролете железнодорожного моста, того, который сверху, висит белый транспарант с надписью: «Добро пожаловать в Норильский промышленный рай». Правый край транспаранта подогнут, он не уместился в рамку, с самого края видно начало бук-

вы «о», наверное, создатели транспаранта имели в виду «район», но получился рай, Норильский промышленный рай, и сразу стало понятно – сейчас что-то начнется.

Началось, собственно, вот что: местность справа от дороги, до этого представлявшая собой плоскую равнину, вздыбилась горами, пусть невысокими, и по мере нашего приближения к Норильску лавинообразно нарастала индустриальность.

Кайеркан, небольшой шахтерский город. Здесь добывают каменный уголь. Грузовая станция, несколько кварталов относительно современных домов. Рядом со станцией – довольно-таки циклопическое промышленное здание из кирпича, покрашенное в страшный темно-зеленый цвет, прямо поверх кирпичной кладки. От циклопического кирпичного здания в сторону дороги отходит наклонная галерея, тоже кирпичная и огромная, покрашенная в страшный светло-зеленый цвет. По галерее раньше, видимо, транспортировалось нечто вроде угля. В стенах галереи имеются редкие слепые окна. При попытках представить, что там, внутри этой галереи, становится очень страшно. Не доходя до дороги, галерея заканчи-

ваются гигантской грудой битого кирпича, рядом – экскаватор и бульдозер. Галерею, судя по всему, целенаправленно разрушают при помощи экскаватора и бульдозера, эти мощные железные машины своими железными орудиями разрушают галерею, просто тупо фигачат по ней, разбивая на куски кирпичную кладку, видно, галерея утратила свое народно-хозяйственное значение, и ее теперь медленно приканчивают, как будто два хищных зверя отгрызают конечность у огромного, но беспомощного существа.

Что это, спрашиваю, такое. Галерея, после некоторой паузы отвечает таксист. Ломают галерею.

Нуда. Ломают галерею. Можно было и не спрашивать.

А это вот – надежда, говорит таксист, показывая на огромное скопление заводских корпусов, высоченных дымящих труби бесконечно змеящихся трубопроводов. В смысле – надежда? Ну, завод так называется – Надежда. Что, прямо вот такое официальное название? Нуда, Надежда. Из завод, и место это так называется.

Надежда. Рай и надежда. Какой рай, такая и надежда.

Подъезжаем ближе к заводу. Над дорожному указателе написано «Надежда».

Проехали Надежду, и Норильский промышленный рай предстал во всей своей красе. Справа – горы, темные, угрюмые. Тут там – заводы, множество заводов, кажется, они везде, и прямо по курсу, и справа, у подножья гор, и где-то вдали, из труб интенсивно валит дым различных оттенков серого, переходящих в черный, дым сливается соборывками низколетящих облаков, серое небо, вдали светлосерой массой маячит Норильск, кругом ветвятся железные дороги... Это даже трудно назвать «индустриальным пейзажем». Индустриальный пейзаж – неотъемлемая часть современной урбанистической среды, дело, в общем-то, обычное, даже если речь идет о огромных заводах-монстрах. А тут – нечто другое. Какая-то совсем другая индустриальность, невероятная, запредельная, марсианская. Марс, на котором так и не зацвели яблони, зато дымят заводы и выплавляются цветные металлы.

Когда проезжали Медный завод, ощутил мозапахло серой. И долго еще пахло, как будто где-то неподалеку зажгли миллион спичек одновременно потушили. Чувствуете, серой пахнет, сказал так-

сист и, хохотнув, широко улыбнулся.

Эта улыбка, которую вряд ли когда-нибудь удастся забыть, стала последним поворотом кубика-рубика, последним элементом паззла, придавшим окружающей картине завершенность. Оставшийся путь до гостиницы промелькнул, как в каком-то тумане. Оперативная память переполнилась и уже не могла воспринимать городские виды Норильска. Какие-то улицы, дома. Гостиница. Ну вот, приехали. Спасибо, всего вам доброго. И вам тоже удачи.

Войдя в гостиничный номер, поймал себя на мысли, что лучшим решением, пожалуй, было бы просто пересидеть весь срок командировки здесь, в этом относительно уютном одноместном номере, просто сидеть или лучше лежать, читать книжку, переключать телевизор первого канала на авторой, а потом тихо смотаться в аэропорт и улететь в Москву, туда, где индустриальные пейзажи трогательны и патриархальны и где не пахнет серой.

Надо же, придет же такое в голову. Глупость какая. Нет, надо просто немного отдохнуть, оклемаются или, как некоторые говорят, очухаться, и продолжить ознакомление с местностью.

Пока отдыхали очухивался, пошел дождь, изнакомиться с Норильском пришлось под довольно сильным дождем. Ну а что делать.

От гостиницы по Советской улице вышел на Ленинский проспект, главную магистраль города. Первое впечатление – город по-северному, по-заполярному суровый и настороженный. Похожее ощущение возникает в Мурманске и Воркуте. Проспекти прилегающие улицы уставлены довольно таки монументальными домами 40-х – 50-х годов постройки. Некоторые подчеркнута аскетичны, ничего лишнего. Другие, наоборот, украшены колоннами, карнизами и прочим декором. Почти все дома заметно обшарпаны – где-то отвалилась штукатурка, где-то неприятно темнеют подтеки воды. Заметил на стене одного из домов табличку: «Осторожно! Возможно обрушение фасада». Поначалу воспринял это как некий курьез. На следующем доме – такая же табличка. И на других – то же самое. Практически на всех старых домах в центре города написано про обрушение фасадов. Ну, понятно. Климат. Снег, пурга, дикие морозы. Перепады температур. Влажность. Фасады не выдерживают, от них отваливаются огромные куски штукатурки,

элементы декора. Могут зашибить.

Обнаружил чудесную табличку на одном доме: «Осторожно, сосули!». И потом на некоторых других домах такие же видел, но гораздо реже, чем про обрушение фасадов. Наверное, фасады обрушаются повсеместно, а сосули свисают не везде, выборочно.

Народу на улице мало – дождь, да еще и выходной. Среди тех, кто все же изредка попадает на встречу, категорически преобладает молодежь.

Гвардейская площадь – большая и круглая, образована двумя полукруглыми зданиями и одним обычным, прямоугольным. Отдаленно напоминает площадь Гагарина в Москве и питерскую Светлановскую площадь, только поменьше.

Постоял на Гвардейской площади, огляделся. Вообще-то, красивый город. Какой-то статный. Прямо стоящий. Нехилый. Вызывающий уважение, несмотря на бросающуюся в глаза обшарпанность зданий.

Еще одна парадная площадь – Октябрьская. В отличие от Гвардейской, она квадратная, ее обрамляют два огромных помпезных здания, образующих как бы торжественные ворота города. Фасады обоих помпезных зданий находятся в ка-

тастрофическом состоянии. Площади открывается вид на озеро Долгое. На берегу озера – мрачный остров брошенной недостроенной девятиэтажки, рядом – аккуратенькая веселенькая мечеть столбеньким невысоким минаретом. Дальше вдоль берега – кварталы многоэтажных домов брежневской эпохи, так же, как и сталинские дома в центре, не отличающихся ухоженностью.

Раньше вдоль берега шла железнодорожная ветка, а на Октябрьской площади располагалась железнодорожная станция Октябрьская. Отсюда отправлялись электрички до аэропорта, Кайеркана и Дудинки. Потом электрички упразднили, станцию разрушили, железнодорожное полотно вдоль озера разобрали. На этом месте ничего не построили, осталась просто пустая полоса земли вдоль берега, кое-где еще виднеются шпалы и выстроились в ряд столбы без проводов – опоры бывшей контактной сети.

Долго стоял на берегу озера, смотрел на гору Шмидтиху, на Никелевый завод и окружающие его другие предприятия, сросшиеся в огромную заводскую массу, состоящую из корпусов, трубы миллион трудноопределяемых крупных и мелких пред-

метов. Несмотря на всю монструозность этого пейзажа, ощущение марсианскости как-то незаметно сошло на нет. Да, неуютно, да, дождь, ветер и холодно, да, трубы дымяти, несмотря на дождь, пахнет какой-то гарью. Но все окружающее перестало восприниматься как нечто чуждое и чужое. Нет, просто такой город. Очень промышленный. Здесь располагается компания «Норильский никель», крупнейший в мире производитель никеля и один из крупнейших в мире производителей меди. На «Норильском» никеле работает дикое количество людей, и все они живут в этом городе. Так что – ничего марсианского.

Не хотелось уходить – пейзаж был странно привлекателен, он состоял из огромного количества разнообразных объектов, как природных, так и антропогенных, их было захватывающе интересно рассматривать, от горы Шмидтихи веляломрачным величием, все это было, можно сказать, даже прекрасно, но дождь все усиливался, и пришлось уйти. Прошел мимо спорткомплекса «Арктика». Надо ли говорить, что фасад спорткомплекса... да, довольно обшарпанный. Здесь выступает мини-футбольная команда «Норильский никель», довольно сильная.

В ее составе играет один бразилец. Интересно, как ему местный климат.

Дворами и арками пробрался к Ленинскому проспекту, поймал такси и вернулся в гостиницу.

Перед сном решил почитать купленную в небольшом магазинчике на Ленинском книгу Вадима Денисова «Неведомый Норильск». Оторвался только под утро, прочитав книгу целиком. Вадим Денисов – коренной норильчанин, писатель, местный краевед. Сейчас я скажу ужасно заезженные, банальные слова – увы, других у меня в данном случае нет. Вот эти слова: каждая строка этой книги пропитана любовью к родному городу и ностальгией по его блестящему, величественному прошлому. Хорошая книга, написанная хорошим языком, хорошим, судя повсему, человеком. Подумалось, что каждый город стоит не только молитвами праведников (остались ли они сегодня?), но и трудами вот таких краеведов, как Вадим Денисов.

На следующий день поехал в Дудинку – морской порт на Енисее. Это примерно в 80 километрах от Норильска. Поехал для того, чтобы увидеть Ени-

сей (побывать в Норильске и не увидеть Енисей – непростительно) и чтобы более подробно осмотреть все захватывающие и поразительные объекты, которые поразили меня накануне подороге из аэропорта.

Практически сразу после выезда из города слева показалось строение, которое я накануне почти не заметил, проскочил в состоянии легкой прострации. Между тем это очень важное строение для Норильска – вокзал. Железнодорожный пассажирский вокзал. Попросил водителя остановиться, вышел, посмотрел.

Огромное трехэтажное здание, построенное в 1953 году в лучших (или худших) традициях сталинской архитектуры. Помпезное, угрюмо-величественное, одиноко стоящее. Сразу видно, что вокзал не действует. Действующий железнодорожный вокзал никогда не бывает так одинок. Вокруг него всегда люди, к нему в обязательном порядке примыкают какие-нибудь строения и строенияца. Даже если это самый что ни на есть мелкий провинциальный вокзальчик, рядом обязательно должен быть хотя бы крошечный газетный киоск или ларек с пивом и чипсами. Рядом

с этим вокзалом не было никого и ничего. Просто – плоская ровная земля, и на ней отдельно от всего стоящий огромный вокзал. На закрытых дверях табличка – Управление Норильской железной дороги. Бывший вокзал используется как учреждение, офис. За вокзалом видны железнодорожные пути, на них стоит множество товарных вагонов. Видно, что эти пути и вагоны не имеют к вокзалу никакого отношения.

Этот вокзал построили в расчете на то, что Норильск будет крупной станцией на огромной трансарктической магистрали, которая должна была протянуться за Полярным кругом через всю страну с запада на восток. Норильский участок (80-километровую магистраль до Дудинки плюс многочисленные местные ответвления) построили раньше других для обслуживания Норильского горно-металлургического комбината. На вторую половину 50-х было запланировано соединение Норильской дороги с остальной железнодорожной сетью Советского Союза. Но ничего из этого не вышло. После смерти Сталина великий проект был заморожен, а потом на нем вообще поставили крест. Решили, что это слишком дорого и утопич-

но. Решили, что это непозволительная и ненужная гигантомания. Решили, что Норильску вполне достаточно воздушного сообщения и морского порта Дудинка. Так Норильская железная дорога стала железнодорожным островом, куском, обрубок железной дороги посреди бескрайней тундры.

При этом Норильская дорога продолжала развиваться. К началу 70-х большинство линий было электрифицировано, из Норильска в разных направлениях ходили многочисленные электрички. В те годы Норильск занимал одно из первых мест в СССР по объемам пригородных пассажирских перевозок. Электрички были главным местным транспортом. Людям было удобно добираться на них на работу или в аэропорт. Неприхотливые электрички, в отличие от автобусов, ходили строго по расписанию круглый год в любую погоду, а автомобильную трассу на аэропорту Дудинку зимой частенько закрывали.

Потом наступили 90-е, образовался «Норильский никель». Электрички были объявлены нерентабельными и нецелесообразными. Новые хозяева города начали методично сживать со света главный норильский транспорт, закрывая один маршрут за

другим. В 1998 году норильские электрички были упразднены полностью. Вокзал был закрыт, станция Октябрьская в центре города (главная городская станция электричек) ликвидирована, ветка поберегу озера Долгоера разобрана. Заодно было решено провести, так сказать, деэлектрификацию – случай поистине уникальный. Старая контактная сеть требовала ремонта, люди с экономическим образованием подсчитали, что ремонт обойдется слишком дорого и что дешевле будет эту контактную сеть просто уничтожить. Наверное, тут еще сказалась специфика «Норильского никеля» – компании было невыносимо видеть, как медь, ценный цветной металл, болтается себе на ветру, подвешенная на каких-то столбах. Провода сняли, столбы по большей части оставили, электрички и грузовые электровозы продали другим железным дорогам. Правда, Норильская железная дорога по-прежнему действует. Теперь по ней осуществляют только грузовые перевозки, довольно интенсивные. Тепловозы таскают туда-сюда вереницы товарных вагонов. Люди ездят на работу и в аэропорт на автобусах и «газелях». Или не ездят, когда дорогу перекрывают из-за сильных метелей. О ве-

ликом трансарктическом мегапроекте сегодня на-
поминает только это огромное вокзал, одиноко
стоящий в пустынном месте у дороги.

Ладно, едем дальше. Проехали благоухающий
серой Медный завод, Надежду, шахтерский город
Кайеркан с его полуразрушенной кирпичной га-
лереей. То есть все то же самое, что и вчера. Но...
то же, да не то же. Все это воспринималось теперь
как-то по-другому. Возможно, сыграли роль солн-
це и ясное небо (для Норильска это не такое уж ча-
стое явление). Но не только. Исчезло ошеломля-
ющее ощущение пребывания на какой-то другой,
возможно, враждебной, планете. Прекратились эти
вчерашие марсианские хроники. Ну да, заводы,
дымщиетрубы, неприятные запахи. Нормальные
такие заводы. Просто очень большие, и их очень
много. Ну да, галерея, страшного светло-зеленого
цвета, хищные желтые бульдозер и экскаватор
в нее вгрызаются, ну, что же делать, сооружение
отслужило свой срок, его разбирают, страшновато,
конечно, все это выглядит, но жить вполне можно,
можно, можно жить.

В общем, виды окрестностей Норильска утра-
тили свою апокалиптичность, сохранив живопис-

ность. Только мертвый поселок Алыкель был по-прежнему призрчен и страшен, и по-прежнему страшно и тоскливо было смотреть в его пустые мертвые окна.

Хотел было написать про Дудинку и Енисей, но – нет, не буду. Иначе получится очередное «описание природы», а это ведь совершенно не нужно, из литераторов, в разное время описавших реки разной степени величественности, можно составить мотострелковый батальон, если не дивизию, стоит ли присоединять свой голос к этому оглушительно-мукакофоническому хору, Енисей прекрасен, широк и велик – и все, точка. Если бы у меня было достаточно времени, я бы стояли и смотрел на Енисей часов пять или десять, но пришлось ограничиться примерно получасом и уехать назад в Норильск.

В третий раз проехал мимо мемориального паровоза на кривом деревянном мосту, мимо несчастной кайерканской галереи, Надежды, Медного завода, вокзала. Какими-то чуть ли не родными стали теперь для меня эти чудовищные, по сути своей, объекты.

Пошел гулять по Норильску. По Ленинскому проспекту, Пушкинской улице, мимо стадиона «Запо-

лярник», мимо церкви Всех Скорбящих Радости. Тихий теплый воскресный вечер, тут и там гуляют парочки, на скамейках сидят группки молодежи – кругом практически одна молодежь, изредка встретишь человека в зрелом возрасте, а пожилого человека за все время я встретил только одного, это был человек лет пятидесяти, у него было что-то сногами, он передвигался трудом и как-то боком и смотрел неподвижным взглядом перед собой, над ним смеялись мальчишки, а он никак не реагировал, возможно, он был глухой, трудно сказать. Других пожилых людей я в Норильске за два дня не видел.

У церкви ко мне подошли двое улыбающихся мужиков в пиджаках и галстуках. Здравствуйте, сказали мужики и заулыбались еще сильнее. Здравствуйте. Мы хотим предложить вашему вниманию брошюру, в ней рассказывается об актуальных проблемах современного общества, вот посмотрите, простите, какую организацию вы представляете, да, понимаете, мы не заостряем внимание на организации, сейчас это не столь важно, вот посмотрите, в этой брошюре рассказывается о, и все же, ну, в общем, свидетели Иеговы, спасибо, всего доброго, до свидания.

Пересеку улицу Кирова, свернул на Талнахскую, потом на Павлова, пройду по абрикосовой, сверну на виноградную, хотелось гулять и гулять, долго, поэтим тихим строгим норильским улицам, неспеша вышел опять на Ленинский, пошел к площади Metallургов... Стало понятно и очевидно, что Норильск задумывался как очень красивый город, заполярный чудо-город, «город-сказка, город-мечта», как поется в одной довольно дурацкой песне, сияющий прекрасный город будущего, и это отчасти удалось. Только очень предвзятый человек может сказать, что супер-проект «Норильск» не удался, сам факт, что в таком совершенно неприспособленном для жизни месте существует такой большой город со всей необходимой инфраструктурой и промышленностью мирового уровня, следует считать чудом и победой. Проблемы разве что с фасадом, фасад, то бишь внешний антураж, у города не особенно блестящий, не такой, как задумывалось, не выглядит он сияющим чудо-городом, не даром на его домах везде висят таблички про обрушение фасада, да, с фасадом проблемы, и, конечно, с экологией, и еще очень жаль, что трансарктическая магистраль заглохла и электрички отменили.

На Ленинском около мэрии развлекается, как может, местная неформальная молодежь эмо-толка. Из магнитофона доносится громкая, но не особенно омерзительная музыка. Прошел еще пару кварталов, посидел на веранде летней кафешки...

Удивительно, но за эти неполные два дня я как-то привык к Норильску. Не то чтобы полюбил или, там, сроднился с ним, разумеется, нет, а вот именно что привык. Самую малость, но все же. Немного привык к его строгим улицам и красивым облезлым домам. К его диковатым индустриальным пейзажам. Промелькнула даже мысль, что если бы вдруг возникла необходимость провести здесь несколько месяцев, не больше, в длительной командировке, например, за хорошее вознаграждение, то это не стало бы большой проблемой. Конечно, зимой здесь люто, но ничего, как-то, наверное, можно выжить, люди ведь живут. Здесь можно жить, да. Хотя лучше все-таки жить не здесь, а в более приспособленных для этого местах.

Ил-86 перед вылетом из аэропорта «Алыкель» снова начудил: выехал на взлетку, проехал ее своим ходом из конца в конец, лихо развернулся пря-

монаполосе, каккая-нибудь «волга» на загородном шоссе, потом остановился, врубил двигателя на всю катушку, разогнался и полетел в Москву.

В Домодедово купил «Спорт-Экспресс». Выяснилось, что в первом туре чемпионата России по мини-футболу «Норильский никель» продул ЦСКА со счетом 0:5. Почувствовал что-то вроде легкой досады, чему немало изумился.

Электричка ехала из аэропорта в Москву мимо зеленых лесов и полей. Надо же, деревья, высокие, с густой зеленой листвой. В Норильске с деревьями напряженка, вернее, их там вообще нет, то есть совсем. А тут – зеленые деревья.

Если кто скажет, что в Москве нечем дышать и вообще плохая экология, то он... в общем, он неправ.

Некод Зингер

ИЗВЕСТНЫЙ ПОЛЯРНИК

Белый медведь, стоя на айсберге под геральдическими серпом и молотом, словно Ленин на броневике или Сталин на мавзолее, приветствует проплывающие мимо ледоколы и дирижабль. Поверхнему краю тянется надпись, почему-то по-французски: «URSS – POLE du NORD 1931». Это на севере. А на юге – две пары серебряных треугольников, разделенных пунктирной линией морзянки, состоящей из водных точек.....«10 лет исследования в Антарктике». Голубые с серебром – карта Антарктиды со звездочками советских станций; бордовые с серебром – пингвины, исследующие полярную технику. И еще: «Антарктида – континент мира», «Китобойная база Советская Украина», «К Полюсу недоступности»...

Отроду не бывал Зингер за полярным кругом. Но если бы спросили его, с чего начинается для него родина, некая-нибудь там метафизическая, не историческая, а самая что ни на есть реально осязаемая, то он вспомнил бы отнюдь не дом, не дачу и не город. Самыми первыми, словно старые переводные картинки, проступили бы в его памяти именно эти почтовые марки. По младенческому неразумию и неизбежной страсти к эксперименту он их испортил, сунув в тарелку с водой, чтобы отмыть клей, разорвал цепки по пунктирной линии. Очень ему важно было сюэту Арктику-Антарктику осязать непосредственно. А белого медведя он стех поррисовал постоянно на протяжении нескольких лет, куда чаще, чем что-либо другое. И карты Антарктиды вырисовывал супорством невероятным, мечтая о Земле Королевы Мод и Шельфовом Леднике Росса.

Жизнь вокруг него вообще состояла преимущественно из зимы. Что за чудо эти снежные сибирские зимы, эти стылые молочные кисели, обволакивающие индивидуума и общество белым броуновским движением своих частиц! Куда ни кинешь взгляд – всюду полюс, всюду недоступность,

но плывут навстречу северному сиянию корабли, летит на обледенелых крыльях любви полярная авиация, ползут посреди белого безмолвия гусеничные вездеходы, мчатся утром раннимоленьи и собачьи упряжки, трутся спиной медведи о земную ось, и мы, уже не помышляющие о летнем тепле, дрейфуем куда-то, напряженно стараемся услышать ось земную, ось земную, которую на великом санном пути искал Винни Пух. Снег был и сверху, и снизу, сугробы прямо от дверей норы или поглотить всякое живое существо, упорно прокладывая своею маршрут среди этих полярных дюн. Мир, распадавшийся на молекулы восстановленного молока, кружился со всех сторон.

Когда Абрам Яковлевич, плававший сего отцом на туристском теплоходе по Енисею до Диксона, внезапно объявил ему, что их родной Новосибирск находится южнее Северного полярного круга, он просто не поверил. Вскоре, однако, увидев из окна электрички станцию Новосибирск Южный, понял, что половина города расположена за Северным полярным кругом, ну а другая половина, действительно – за южным. Ледовитый океан начинает

сяют платформы Обское Море. Прямо от перрона начинаются тонушие в вате снегов ступени, сбегаящие к пляжу, к девственно пустому простору, и море подольдом сонно течет молочным коктейлем. Только крошечные белые будки для переодевания в стеганые ватники, зарывшийся в пух дощатый киоск и редкие фигуры засевших со своими удами над лунками дядек в тулупах нарушают бесконечную гладь. А какая, извините, в мире тишь! Словно навеки вышел из строя скрывающийся за белым горизонтом Бердский радиозавод. Снегурочка, ау! Подумать только: смычка Арктики с Антарктикой. Новосибирские острова. Приключения барона Беллинсгаузена.

Оглядываясь на все то, на что принято оглядываться с полувековой дистанции, Зингер начинает понимать, что и сам он, живущий ныне на вечных югах, если ужискать всему определения, – не грибник, не кинокритик, не сионистский стервятник даже пар экселанс – полярник на все сто, да и все поколение его можно с изрядной долей точности разделить на пингвинов и поморников. Но бог с ним, с поколением, кто его, в самом деле, знает! Каждый решает только за себя, каждый, как

нынче принято выражаться, позиционирует себя в одиночку. Так вот, относительно себя он, Зингер, знает, что все связанное с этой самой родиной не только начинается, но и заканчивается полярными кругами. Выпадающий за полярный круг выпадает за пределы родины. Но возвращается ветер на круги своя, как в песне поется.

Ав песне его детства пелось буквально следующее:

Где-то на белом свете чемпионат идет,
И [имя-фамилия на выбор] открывает счет.
Мимо бегут канадцы, режут коньками лед,
А на воротах Зингер ставит пулемет.
Фи-игу-фигу-фигу вам,
Не забудьте шайбу нам!
[и т.д., и т.п.]

Это о Викторе Зингере, о знаменитом спартаковском однокласснике, благодаря которому у него одно время сильно привечали и сверстники, и те, что постарше. Даже когда говорили, вроде бы присваивая ему лично промах в союзнго вратаря: «Ну ты, Зингер, хорош! Такую фиговую шайбу зевнул!», за этим чувствовалось к нему самому, к шпингалет-

ту Зингеру, какое-то особое уважение, какое-то признание вовсе не существующих заслуг перед родной. А чемпионат этот, о котором он, признаться, имел более чем расплывчатое представление, происходил, конечно, заполярным кругом, там, где всегда зима. И, оглядываясь, он видит только эту нескончаемую зиму. В памяти его, укрытой такими большими снегами, всенаглухоскованольдами. Там царит великое оледенение, тихая, холодная война.

Вспоминается ему то ледяная горка при городской елке, то елка в Горках, то стишок Маршака о том, как толстяк оледенел и сам стал горкой для веселой детворы. И вечно крутится в памяти «райкина пластинка» «Времена года»: «Весна... лето... о-осень... ах деони? Их де?!» Там была еще такая милая песенка про влюбленного, объевшегося мороженого: «Внутри он стал холодный, как холодильник ЗИС. Но сердце запылало, хоть нос был очень сиз».

У бабушки на Затулинке был такой холодильник ЗИС. Примерно раз в месяц юный полярник помогал скалывать лед, наросший со всех сторон на морозильную камеру челюскинского ровесника. ЗИС не помещался на кухне вместе с плитой, а оттого громоздился в комнате между диваном

и окном, а на нем располагался телевизор «Рекорд», показывавший то один ледовый чемпионат, то другой, тот, где кружили знаменитые полярники его детства: Белоусова с Протопоповым, Габи Зайферт и еще одна женщина с откровенной фамилией Шуба. И с помощью того же «Рекорда» следил он за происходившим в Арктике судьбоносными сражениями. В колонном, кажется, зале Дома Союзов, на всесоюзной елке, в последние минуты перед наступлением Нового Года предельно обострялась непримиримая борьба стемными силами. Всяческие бабы-еги, простуды, волки, ветры в голове и прочая империалистическая нечисть пытались остановить время, заморозить его поступательное движение и помешать торжеству всемирно-исторической зыки, прибытию великим северным путем наших героических полярников – Деда Мороза и Снегурочки.

И еще помнится ему тот новый год, когда он сам, наряженный не то папанинцем, не то мужичком с ноготок, скакал вокруг елочки в новосибирской государственной Консерватории имени Глинки. Снегурочка – немолодая, скуластая, неестественно размалеванная женщина – на входе выдавала малюткам картонные коробочки с подарком, отме-

чая птичками фамилии в машинописном реестре. Коробочки эти, сборно-разборные, с прорезными ручками, с красной поздравительной надписью и синим изображением оленьей упряжки, содержали пастельные драже, ливанское яблочко 1 шт., маленький, восхитительно, до головокружения пахнувший пронзительно-кислый мандарин до марокканской эпохи 1 шт., несколько разных конфет в обертках, два слипшихся зефирных снежка и бумажную карточку «Набор подарочный детский 55 коп». Дед Мороз, явившийся поздно, хоть на сей раз империалисты ему не мешали, окинул взором пляшущих, взявшись за руки, притоптывая в такт, зайчиков, пингвинов и снежинок, стали граючи бросаться то на одного, то на другого с криком: «Заморожу!»

Вот весело было... Юный полярник Зингер тогда, кажется, сознание потерял. Видимо, слишком свежи еще были воспоминания о первом хождении за полярные круги, случившемся годом ранее. Дело в том, что самый ранний период зингеровской жизни отделен от всего дальнейшего сокрушительным ударом сравнительно небольшой яйцеобразной головы его в черном цигейковом шлемике на пугов-

ке непробиваемый ледовый щит планеты. Была на катке какая-то ледяная дева с помелом, и на этом-то помелехладнокровно раскрутила она впечатлительного ребенка и бросила, будто на орбиту запустила, а сама испугалась и домой пошла. Тело небольшого роста осталось лежать на льду, отбросив коньки, а сам юный полярник стал уносить-ся все дальше и дальше за пределы кренкелевских позывных. Потом душа вновь соединилась с телом в новом месте с восторженным названием ВОСХИ-ТО, которое было на самом деле больницей, полной людей, одетых во все белое. Там он провел много дней, из которых запомнил только белого медвежонка Фрама из большой румынской книжки.

Но годы шли, жизнь брала свое, никогда не возвращая взятого. Полярник Зингерштурмовал снежные городки и постепенно осваивал лыжный шаг. В зоосаде друг детства нашего полярника, морж Малютка, громко фыркая, тянул ему навстречу близорукую усатую морду. Белые медведи терлись спинами о черные прутья решетки. «Рекорд» показывал «Клубкино путешествий», в котором старый друг семьи, оператор-полярник Шнейдеров, рассказывал о море Лаптевых. В ванне плавал игру-

шечный ледокол «Красин». На стене отцовского кабинета развешены мольберты, на которых висели картины. В Центральном гастрономе появилась рыба ледяная.

Из рассказов взрослых он узнавал, что полярник то он, оказывается, едва ли не наследственный.

Прежде всего, был легендарный сводный брат Миша, который прокладывал телефонные линии в Заполярье. Видел он этого брата только однажды, но, благодаря рассказам о том, что Миша работает на прокладке кабелей в районе Мурманска, Нарьян-Мара, Дудинки, черная телефонная коробка на белой, иссеченной трещинами стене надолго связалась у него с землей вечного безмолвия.

Его дед по материнской линии, Жихарев, плавал в геологической экспедиции Русанова на Шпицберген. Удивительное дело: фотография этого идадьго, сделанная в 1912 году на «Геркулесе», до того самого момента, когда писатель Зингер начал вспоминать свое полярное прошлое, никак не связывалась в его сознании с рассказами о ближайшем друге второго его деду, о Рувиме Лазаревиче Самойловиче. Михаэль Зингер и Рудольф Самойлович вместе учились в горной академии во Фрай-

берге и вместе ухаживали за Миной Жуховицкой. Его собственное появление на свет стало прямым результатом того, что Мина предпочла красавца Зингера очкастому, усатому моржу Самойловичу. Впрочем, семья довольно скоро распалась. По рассказам отца, Самойлович больше времени проводил у них, в квартире бабушки, но и к деду заходил до самой его смерти.

И вот, оказывается, Самойловичи Жихарев плавали вместе на одном корабле. В одной экспедиции. Более того, они – двое из тех троих, кто единственные из всего состава остались в живых. Русанов отослал их со Шпицбергена в Россию, а сам отправился дальше на восток в поисках северного морского пути, да так и пропал навсегда. Скорее всего, это невероятное совпадение не приходило в голову никому из старших. Они-то перезнакомились гораздо позже, для них Жихарев и Самойлович существовали в совершенно разных мирах. Первый, эсер, после «Геркулеса» прожил еще пять лет и был убит революционным бандитом в дверях собственного дома. Второй – большевик, которого боязливая матушка и во Фрайберг-то отправила подальше от сходов, митингов и городских, – расстрелян

вподваленаЛубянкедвадцатьюдвумягодампозднее.Егоименемназвалицелыйполуостровигору в Антарктиде, а в Арктике – остров в архипелаге СевернаяЗемля,проливнаЗемлеФранца-Иосифа, бухту на Новой Земле. Он руководил экспедицией на том самом «Красине», который отправился на поиски Умберто Нобиле. Полярник Зингер впервыеувиделСамойловичавхудожественном фильме «Краснаяпалатка». Кто там исполнялэту роль, он уже не помнит, а помнит только, что Киносамойловичмечталогорячейванне, иэто было почему-то стыдно и нехорошо. Ах, да, потому, кажется, что Мальмгрена съели напарники. СамойловичнелюбилхаризматическогоОттоЮльевича Шмидта, называлего авантюристом, и тот платил ему взаимностью. Этогокинематографне прощает.

Когда же юный полярник Зингер впервые попал в ленинградский музей Арктики и Антарктики, он будто очутился в родовом гнезде. Бабушка Мина, по рассказам отца, именовала этот колонныйдомне иначе как «МогилаСамойловича». Вот там, на стене, позади скалящегося белого медведя, бок о бок висят фотографии: Самойлович – первый директор Института по изучению Севера,

а под него Георгий Алексеевич Ушаков – замдиректора, еще один родственник по материнской линии. Книжку Ушакова «Робинзоны острова Врангеля» он уже читал раньше, но о том, что сам этот остров достался России именно благодаря стараниям Ушакова, единственного представителя страны в международном Комитете по Управлению и Заселению Островов Северного Ледовитого Океана, узнал только совсем недавно. И вообще, все в этом единоверческом храме на улице Марата так уютно, как только в родном гнезде, на гагачьем пуху бывает. Целый выводок набитых снегом императорских пингвинов, стенные росписи, макет палатки, диорама «Пролив Маточкин Шар», посреди зала – вершина земного шара с объемной картой, лобное место, на котором круглей всего земля.

И еще один человек, вовсе уж ему незнакомый, выплыл на айсберге из полярной ночи, когда, ища в каталоге библиотеки на Исаакиевской площади книгу отца «Из истории пианизма во Франции», нашел он неожиданно карточку «Е. М. Зингер, Между полюсом и Европой» с аннотацией: «Евгений Михайлович Зингер – известный полярник. Его многолетняя работа на Шпицберге»

не...» И так нашему герою этот титул приглянулся, что он самым бесцеремонным образом присвоил его, долгие годы носил под полюю в тайне и гораздо позднее козырнул им в финале первого своего арктико-антарктического романа. Титул требовал добавления к славной фамилии, и он прикидывал в уме такой вариант: Известный полярник Зингер, барон Шпицберген-Свальбард. Неизвестный – это солдат, а полярник должен быть известным всему благодарному человечеству.

Надо заметить, что ко времени появления на горизонте Евгения Михайловича, да простит он милосердно нашего героя, в душе последнего, видимо, от переизбытка холода на затяжной зимовке, уже зрел совершенно иной географический маршрут. По ночам пытался он словить не призывы челюскинцев спасения, а Голос Израиля. И что же? В эфире, за густой сетью помех, на том месте, где на полминуты, не более, возникали желанные позывные и песенка отом, что, мол, мы вам мир принесли, можно было вместе стреском отечественной глушилки слушать с дурной периодичностью выплывающую из хаоса фразу «и закончили свою вахту на ледовом континенте». День за днем, месяц за месяцем.

Врете, дорогие товарищи, – их вахта бесконечна, бессрочна. Ибо сказали мудрецы: «Не тебе завершить работу, но не тебе и уклониться от нее».

Данила Давыдов

ЭКСПЕДИЦИЯ

Экспедиция направляется на Северный или, например, Южный полюс. Собирают нужные вещи. Этих вещей должно быть два тука и рюкзак, не больше и не меньше. Собственно говоря, нет уверенности, что экспедиция состоится, так как еще не определен состав участников. Их должно быть шестеро, трое мужчин и три женщины, причем среди мужчин должен быть негр-альбинос, а среди женщин – шестипалая китаянка. Где таких искать, неведомо. Руководитель экспедиции, сославшись на недо чего-то там могание, вышел из комнаты и, вероятно, навсегда. (Он спрятался у любовницы во Фрязино, но это выясняется позже.)

Руководство экспедицией героически берет на себя выпускник престижной московской школы,

еще почти ребенок. Хозяин квартиры, где все это мутится (усы, грозный взгляд из-под очков), активно мешает юноше в его трудной работе. В маленькой комнате сидят человек двадцать, накурено, пахнет водкой (неизвестно откуда), проветривать не дает хозяин, он простужен. Кто-то спрашивает хозяина, зачем, собственно, он согласился пустить в свой дом всю эту свору. Хозяин загадочно улыбается (крупный план). Юноша судорожно обзванивает какие-то посольства, в ванной трахаются.

Зачем они это делают, я не знаю, это совершенно бессмысленные поступки, особенно в наше время, когда до Северного полюса можно доехать на метро. А Южный полюс вообще не существует, это твердо установленный научный факт. Лучше надо было в школе учиться, молодой человек!

Павел Голъдин

СЪЕДЕН, УЧИТЕЛ РЫБАЛКИ
И ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЛОДОК...

* * *

Съеден, учитель рыбалки и изготовления лодок,
приезжал на санках по первому снегу,
сосредоточенно ощупывал тюленьи шкуры
(подростки поодаль стоят, смотрят под ноги);
Фридрих Съеден, рыжий, курчавый,
на две головы выше второгодников
(еще не мужчины, а уже по двое детей):

– Что ты принес? На воду не выйдешь до осени,
будешь медведем в малиннике шастать...

(В моей семье не бьют тюленей;
отец добывает нефть
для очагов и фонарей,
а мама – библиотекарь.)

**...слова сливаются в далекий лай;
овод на волосах...**

**...не сразу понимая сказанное:
...нет смысла, когда столько
шкур на школьном складе...**

**В классе слышно,
как кричат чайки
на озере в трех милях.**

2008

Федор Сваровский

СТИХИ

ГИПЕРБОРЕЯ

1.

**заместителя генерального директора
одной упраздненной компании
пытавшегося разбиться на автомобиле
лечат от посттравматического синдрома**

**погружают его в гипноз
чтобы исследовать тайные уголки
подсознания**

**вытащить на свет
самые болезненные
самые глубинные
секретные его травмы**

после всех положенных манипуляций
установок
команд

тихим подрагивающим
от ощущения полноты власти голосом
пожилая женщина-гипнотизер
спрашивает:
расскажите
что вы видите
перед собой

2.

- вижу
горячее мелководье
огромные глаза моллюсков в прозрачной
воде

рыжие
синие
водоросли

губки
кораллы
комки прозрачные

малоподвижные
рыбины
тычутся в ноги

чтобы тут искупаться
нужно осторожно лечь на спину
или на живот

и лежать
глядя в небо

3.
странное небо
синее
но одновременно какое-то белое
светящееся само по себе

4.

**встаешь и
километры пешком
по щиколотку
по колено
по пояс
в чистой воде**

**микроскопические острова
дырявые желтые и белые
камни
и белый песок**

5.

вот она

**родина всех
славян
северян
всех фашистов
всех древних ацтеков
индоарийцев
атлантов
фараонов
пропавших бесследно**

**загадочных
благородных племен**

**родина
светловолосых
стройных
и загорелых
успешных
спортивных
инициативных
активных
гибких
напористых
несокрушимых**

**б.
тихие отмели**

**тихий
кристальный
и безопасный
большой
океан
(будущий Ледовитый)**

7.

полное одиночество

полный покой

только изредка

заходя на круг

в поисках рыбы

вскрикнет

вдруг

птеродактиль

на горизонте

AURORA BOREALIS

1.

немногим известно

что Северное сияние

может пагубно воздействовать на психику

2.

как известно

опытные северные мореплаватели

и полярные специалисты

порой внезапно теряют ориентацию
и ведут суда, вертолеты и экспедиции
в сторону от разведанных путей
в объятия гибели

3.

как известно
представители народов Севера
выпив лишь полстакана водки
внезапно устраивают кровавую поножовщину
или почему-то становятся жертвами
обезумевших от сияния
олений-людоедов

4.

случаи арктического психоза
прежде тщательно засекречивались НКВД и КГБ
и долгое время широкие слои общественности
об этом не знали

но теперь мне хотелось бы все-таки
приподнять завесу

5.

мой отец лично подвергся
пагубному влиянию
электромагнитных аномалий Севера

находясь в экспедиции на Северном полюсе
он внезапно оставил расположение дрейфующей
станции
и затерялся между торосов

6.

вот
уже 30 лет он ходит
по льду Северного Ледовитого океана
питаясь медведями, нерпой
без всякого смысла
без мысли
в глазах

7.

конечно, мы пытались вернуть его
однажды выследили во льдах
и обездвижили
выстрелив ампулой со снотворным

однако придя в себя
он стал биться головой о стену
чуть не уронил вертолет
в больнице все перепачкал и забрызгал

и в результате
врачи сами предложили отпустить его

8.

мы выпустили его на лед
в 300 км севернее Земли Франца-Иосифа

9.

теперь иногда
во время работы на Крайнем Севере
я встречаю его

изможденный
безумный
в изорванной дохе
обмотанный медвежьими шкурами
он не узнает меня

**я не пытаюсь приблизиться
но лишь зову его: папа, папа**

**но он
ведомый электромагнитным своим безумием
глядит сквозь меня пронзительно
и уходит**

10.

**недавно
я установил на папины шкуры GPS-маяк**

11.

**и теперь морозными
новогодними, рождественскими вечерами
когда все радуются подаркам
и доедают вкусные остатки
вдыхают запах хвои
и слушают перезвон шаров
мама начинает особенно
волноваться за отца
и мы загружаем
специальную программу слежения**

**не обращая внимания
на звуки телевизора
на эти мультипликационные голоса
и музыку
и шутки из романтических комедий
и веселые эстрадные номера
и выступления известных юмористов
часами смотрим
на экран компьютера**

**как он там перемещается –
туда-сюда
без видимой системы**

**12.
совершенно один
среди медведей и льдов
бесстрашный
безумный
далекий, но родной**

папа наш

КОГДА РАСТАЮТ ЛЬДЫ

**когда растают льды Антарктиды
мы будем счастливы**

**пройдут многочисленные дожди
сухие кости станут влажными**

**зацветут сады
на земле королевы Мод**

**на полуострове королевы Виктории –
на ветру палатки белые**

**от воды до воды – луга
птица рыбу и хлеб выхватывает из рук**

**все нормально будет
все мертвые оживут**

**все хорошие
кроме плохих**

**о, стеклянные города
о, поднявшаяся изо льда земля
государь император
по щиколотку в теплой воде**

**вдоль зеленого берега
навстречу качаясь идет**

**как простой пингвин
императорский**

КОД АНТАРКТИДЫ

**летающие тарелки
Четвертого Рейха
контролируют Белый Континент**

**в 47-м мы потопили американский эсминец –
наши выскакивали из-под воды
как сумасшедшие
в бесшумном полете
резали корабли на куски**

**секретные базы подводных лодок
тысячи высококвалифицированных рабочих
плутониевые разработки
ярко-зеленые подземные лужайки**

**в сияющих белых тоннелях ледяных
на берегах секретных озер теплых
благородные и седые
члены общества Аненэрбе
ловят реликтовую слепую рыбу**

**всего сто девять километров
14-го тоннеля
и ты чувствуешь запах выпечки
праздничный запах паленого пороха
корица
имбирь**

**– рассказывал Алекс Лацис
парень из университетского общежития
стипендиат и баскетболист**

через полтора года

**его увезли на скорой
которую вызвала полиция
которую в свою очередь
вызвали соседи**

**Алекс побил оконные стекла в трех комнатах
сломал два шкафа
бросался обувью
плакал
кричал:**

**я – единственный внук Гитлера
гражданин Антарктиды**

**немедленно позвоните Фюреру
код Антарктиды – 01-01**

Дорога из Ушуайи

**1
дорога из Ушуайи
занимает**

два дня
три города за день
и три пересадки

прощайте, камни, холод
акулы, тунцы, касатки

2
12 лет назад
мне казалось, что срок невелик
что я еще очень молод
и я не знал
что такое саккада
и неутолимый зрительный голод

3
о том, что мы делали
никогда не расскажут

может быть, напишут через 15 лет
в газетах какую-то лажу

но это не важно

4

**прощай бесконечная Антарктида
и серебряный свет
одиночество
и обед
из водорослей и пайка
и левая моя рука
и похороненный вместе с ней**

**среди окаменевших
животных останков Гвидо
и сухие улитки
и случайно собранные нами улики**

**больше там нечего
делать
и
меня там нет**

5

я здесь

сегодня

апрель 2030 года

поздно вечером
на станции Китай-город
в ожидании поезда
раскосая девочка
лет восьми
волшебным жезлом на батарейках
у которого все мигает
касается
спины мужчины-китайца
гладит его по голове
рюкзаку
тот оборачивается
смеется
моргает
похоже, ему это нравится

пока он, конечно, робот
но
постепенно
он превращается

Игорь Сид

МОРЕ КОСМОНАВТОВ

*Найденные в Антарктиде метеориты
старше Земли.*

От моря Содружества до моря Космонавтов
вдоль изломанного по божественной прихоти
невидимого отсюда берега Антарктиды
ареал моей амбициозной юности

Под ледовыми стадионами
кости псевдозухий анкилозавров
зелень папоротниковых джунглей
выцветшая за четверть миллиарда лет

Холодало и ящеры вымерли
из-за утолщения скорлупы
в один прекрасный день детенышам
проклюнуться не хватило сил

**Антарктида плывет в Антарктическом океане
как надтреснутое наконец-то
белоснежное яйцо
окруженное скорлупками айсбергов
и невесомыми стайками душ
маленьких непроснувшихся
анкилозавров и псевдозухий**

**Я бегал верхней палубой по утрам
полярного дня
двести пятьдесят миллионов лет после ящеров
девять лет до антарктического доллара**

**Зюйд-вест обжег мне щеку как мочало
взметнув мой вопль на северо-восток
сочинял я между заборами проб
антарктического криля**

**Антарктический полуостров Антарктиды
выдающийся в Антарктический океан
свидетельствует о тавтологии сущего
а также об изначальном первенстве
имени над пространством**

**вдохновенный картограф
с дочерью пингвина накоротке**

**В какой-то там айсберг вмерзшее пианино
писал кто-то великий на Севере
на Юге айсберги идут порожняком
зато здесь они вчетверо выше**

**Целый месяц после захода Солнца
последний луч освещает эскадру
иссиня-желтых флюоресцирующих гигантов
под антрацитовым беззвездным небом
работать совершенно невозможно**

**Я подвинулся бы рассудком от восторга
но баланс визуальных потрясений
восполнялся жалким дальтонизмом
южного северного сияния
выцветшего за миллионы лет**

**Монохромная радуга обесцвеченные кораллы
компенсация чего-то уж совсем невообразимого
размышлял я над замером гонад
серой нототении**

Ледяная щука сквозь бледное брюшко
различим белесый позвоночник
внутренности вообще хрустальны
хотелось произносить Ихтиос

Антарктический полуостров Антарктиды
тянет щупальце к Огненной земле
согревая отдельные присоски
это не мшаник это луговик антарктический
героически цветет
на гололед невзирая

От моря Содружества до моря Космонавтов
меньше недели ходу
от моря Космонавтов до болот Меотийских
четверть века

Просто картографу было холодно
за Полярным кругом припоминаешь
специальную теорию относительности
перепутав пространство со временем

Кругосветка
проекция жизненного цикла на глобус

прообраз орбитального полета
к середине пути тебя
разворачивает кверху ногами

Антарктида
проекция Космоса в плоскость
возвещает уже на подходе
кольцо ледяных астероидов
безбрежный хоровод со скоростью планктона

Звездолеты зараженные нечистью
сквозь озоновую дыру спускаются
один за другим
раз в четыреста тысяч лет
прямым к анкилозаврам и псевдозухиям

Олег Пащенко

АНТАРКТИКА AND АРКТИКА

Возвеселитесь, милые подружки

Песня

Возвеселитесь,
милые подростки,
весна придет,
успокоит сердце.
Что мое,
то я запихну во реторту
запотевшую.
Распахнувшееся – запахну.
Март заправлю в апрель.
Окружающий мир
непроветриваемый
оквадрачивающей
военной квартиры,
квартирной войны –
аккумулирую
и запру.

Но ледяные подростки –
голубоглазы.
Снежен витязь.
Сквозняк против запахов.
Ледяная сила взорвет реторту.
Сюрикены снежинок,
горькое теплое горло.
И выйдет, и встанет
над миром рестлер
Фредерик Рефрижератор.
И разобьется портрет
Королевы,
и полетят осколки,
и сердце
возвеселится.

Янина Вишневская

ЗАПИСКИ ИЗ КАИРНОВ

Этo несправедливо, – огорчается Северный географический полюс, наблюдая, как движется мимо него Северный магнитный, – я бы тоже хотел путешествовать, посетить разные страны, Канаду там или Россию. Это утомительно, – морщится магнитный полюс, промахиваясь мимо географического, – только обживешься, освоишься, заведешь друзей, и снова надо срывать с места, тащиться из Канады в Россию. Далее следует паморочная сказка о Северном полюсе, который захотел повидать своего братца Южного, сел в самолет и незаметно под сиденьем снял обувь, совершенно не считаясь с тем, что Земля за его самолетом выворачивается как пустой желудок. В самолете Северный полюс то и дело требовал напитки со льдом. Немного перебрал, честно говоря.

Упряжь оказалась гнилой, консервы просрочеными, порох кончился быстро. Ну и часть денег ухнула в «снежные фонтаны». Рассказываю. Дмитрию Антоновичу казалось, что это будет невыносимо красиво – поместить снеговые пушки внутрь гигантских бронзовых фигур. Представь – из разверстых пастей белых медведей хлещут снежные струи, круто же? Полярной ночью их можно было бы подсвечивать, куда там полярному сиянию. Чтобы как в Барселоне, Дмитрий Антонович видел, когда ездил делегацией. Пляшущие фонтаны, но только из снега! У него как раз зять брата держал мастерскую, лил статуи для загородных участков. И уже отлили десяток медведей, выкрасили белой краской, великаны, красавцы, одна голова размером с незнакомца. Утрясли график доставки, проплатили дорогу до Антарктиды, все дела. И такая мелочь. Внучка брата Дмитрий Антоныч заходит в мастерскую, прямо вместе с комиссией, и говорит – а вы знаете, говорит, что белые медведи не живут в Антарктиде? Белые медведи живут в Арктике. Возвращается Дмитрий Антоныч в контору, секретарша ему: – Дорогой Д.А., поздравляю от всей души. И в подарок на счастливое окончание

проекта сует плюшевого белого медведя. Он берет у секретарши из руки игрушку и начинает секретаршу лупить этой плюшью. Бьет и орет: «Арктос – есть медведи, антиарктос – нет медведей. Запомнила?! Арктос есть, антиарктос нет!» «Арктос» по гречески значит белый медведь. Белые медведи только в Арктике. Вот и отдавай после этого детей в классические гимназии. Дмитрий Антоныч пометался, но поздно, на Арктике совсем другие люди сидели. Даже не знаю, куда он дел уже готовых мишек. Так он со мной и не развелся. Секретаршу уволил, конечно, а мы живем.

Если потеряла перчатку от пары, мама запрещала мне плакать. Просто брала вторую перчатку, зарывала в снег и приговаривала: «Твой гроб – мой сугроб». Приговаривала: «Не плачь, твоя пара жива, ждет тебя на Северном полюсе». И точно, когда я умерла, я подождала немного, потом разломала свой сугроб, выбралась наружу и встретила семи перчаточками, варежками, рукавичками. Нашла даже ту сиротку из змеиной кожи, что первый муж купил мне в Австралии накануне развода и нечаянно забрал со своими вещами. Хотя я дума-

ла, что перчатки, сшитые в Австралии, должны попадать на Южный полюс.

Да, точно, там еще стояли по бокам от входа пингвины. Гигантские императорские пингвины. Приветы и липкие поцелуи из детства, когда ты сам был ростом с пингвина. И все кормили пингвинов мороженым. Как урны при входе в цирк. А Серега налепил им на бока бумажные кружочки от вафельных стаканчиков. Чтобы точно как было при цирке. И пингвины пытались снять эти кружочки, но не дотягивались клювами. Отличная вечеринка была. Так я вообще не люблю танцевать. И мороженого не ем. Ненавижу холод, два пальца на правой ноге и четыре на левой. Не представляю, где Рома достал тогда живых императорских пингвинов.

Можно было достать путевки на атомоход «Цесаревич Алексей», но я замотался как-то, их быстро раскупили. Остались только на «Ленин», но там каюты тесноваты. И кормят тухлой солониной. И заставляют целовать металлические качели на морозе.

Да, мамочка и сестренка, родные мои, вот такой он, Северный полюс. Про погоду писать не буду, сами понимаете, это государственная тайна. Шучу. Большой вам привет от моего напарника Мишки Алтуфьева. Какой-то умник прислалемус большой земли рекламный плакат фильма про летающие тарелки, пришельцев и прочую муть. Мишка приклеил плакат на стену рядом с рацией. Всякий раз, садясь к приемнику, я вижу большие буквы «ХОТЕЛ БЫ ВЕРИТЬ». Как бы я хотел, хорошие мои, но Мишка крепит туда всякие газетные новости про жизнь у вас, на Южном полюсе, и выбирает самое гадкое: автокатастрофы, аресты шпионов и диверсантов, пожары и наводнения, списки запрещенных книг. Мудак, блин. Ребенок, что ли?

Иногда мама ведет себя как ребенок. Говорит, что папа ушел от нас к другой женщине, но якобы по-прежнему меня любит. И купил мне игровую телеприставку. Живет в городе Мытищи у той тетки. Работает менеджером в большом магазине бытовой техники. И там у меня маленький братик родился. И скоро мы поедem с ним знакомиться. Расскажи, мама, конечно... Так и поверила. Словно не

помню, как отец, весь в снегу, раненый, посадка была экстренной, связи нет, весь в обмороженных стружьях, они спрятались под самолетом, натянули брезент, спасательный пришел через две недели, все в крови, и кровь блестела, как глазурь на замороженном торте, и как он стучал в дверь и просил, Люда, открой, открой по-хорошему. А мать сказала, давай-давай отсюда, полярный летчик.

Когда норвежская экспедиция высадилась в Антарктиде и вышла на маршрут, через час пути они увидели на горизонте гигантскую голову. Более всего голова напоминала финкса естественным образом была принята за мираж. Спустя еще час переход норвежцы с ужасом обнаружили, что голова принадлежит Ленину. Памятник Ленину на крыше советской станции был построен в 1950 году. Норвежцы рассказывали, будто бы больше всего их напугало то, что, куда бы они ни сворачивали, как бы ни старались обогнуть, Ленин неотступно следил за ними взглядом. Но если встать точно на линию, которую мысленно проводят от глаз Ленина к кресту, установленному Седовым на мысе Желания, у Ленина не надолго рабывает слепое пятно, и можно проскочить.

Папа рассказывал о нерпе, которая выбиралась из воды по ночам и оставляла надписи под окнами станции. Как это делают в городах, только в городах мелом на асфальте и «Люблю, тебя солнышко», а нерпа была щенная, писала молоком и «Убирайтесь домой», «Вы попали, парни», «Чемодан, вокзал, экватор». Важно было зачерпывать снег как можно дальше от этих надписей, потому что чай, заваренный из растопленного снега, набранного даже метрах в десяти от надписи, был слишком сладким.

В детстве легко было поймать полярную бабочку на простую загадку «где холоднее, на Северном полюсе или на Южном?» Но у моих магнитных часов юг и север были насечены как полдень и полночь. «Птицы летят на полночь», говорил папа, у них в Южногорске все так говорили, «где» закатывалось за «когда», что еще больше запутало нашу экспедицию.

А Новая Земля тоже похожа на сапог, но с отломанным каблучком и даже нет – с подметкой, полностью оторванной и съеденной.

Игра в прятки представляла собой ритуал, вытаскивающий из какого-то давнего таинства. Один игрок становился точно на северный полюс, повязывал на глаза платок, раскручивался на месте и по команде ведущего должен был искать юг. У экватора звери ходят в черном, торжество пигмента, а полярные вослепительно бесцветном, просто не достаивают быть окрашенными. Это все очень умно придумано – в черном жарко, а в бесцветном холодно. Охотник тебя находит среди закипающих джунглей или вываренных ледовых кучи других пометок земной природы, видит, какой ты не складный, и жалеет. Но полярные цветы, но полярные травы и плодоносы – вот кто по-настоящему горд, кто не нуждается не только в человеческом пригляде, но и в зверином. Мы с девочками становились в серединку полярного дня, крошили алюминиевую фольгу и бросали за спину. И Таня говорит, будто видела в краешке фольги как в зеркальце, что шевелит замерзлым и трещинами полярная роза. Лично я Тане верю.

Судно Седова называлось «Св. мученик Фока». Фока по-гречески значит «нерпа». Откуда нерпы

в Греции? Когда выяснилось, что на судне нет почти ничего необходимого, Седов переименовал корабль в «Михаил Суворин» и по-гречески это не значило ничего необходимого. Фокус сожгли в синопской бане. Про это после сделали фильм. В роли судна «Михаил Суворин» снялась шхуна «Запад». Почему станция на Южном полюсе называется «Восток»?

Была сто процентов уверен, что Южный полюс – это просто запасной в случае утери Северного.

Та же нерпа рассказывает, что сумасшедший Седов разделся, выгнал собак из упряжки и, дождавшись дымки, под ее завесой умчал сани в сторону полюса. Другая нерпа свидетельствует, что наши два матроса действительно убили Седова. Вариант идеального убийства – привезти жертву в место свободное и открытое, но окруженное комнатами, запертыми изнутри.

В классику играл так: два географических, два магнитных, два – холода, один – ветров, один – жары, два – недоступности, ни одного зла и два

добра, два любви. Вообще «полюс» по-гречески значит колышек, к которому привязывают козу. Теперь я полярная коза, затем я полярный барашек, на этом снимке я полярный котенок. А вот я – мой полярный братец.

Мама завела меня в белую-белую приемную, усадила меня в белое кресло, дала мне журнал, который скучал на белом столике, и зашла в кабинет врача. Замок щелкнул изнутри. Первой в журнале шла статья про Северный и Южный полюсы. Когда мне казалось, что мамы нет слишком долго, я снова и снова перечитывала одно и то же предложение в статье. «Полюса не участвуют в суточном вращении Земли, поэтому там нет смены дня и ночи». Мама все не выходила и не выходила. Вечер так и не наступил. Оймякон по-гречески значит «обитаемая часть вселенной».

Валерий Вотрин

ФАКТОРИЯ

«Сим удостоверяется, что Карстен Фора, служащий компании, направляется на одну из отдаленнейших ее факторий в качестве скупщика и оценщика сырья.

Дирекция Компании Северных морей».

О своем предшественнике, старом факторе, он ничего толком не знал. Ему было известно лишь, что того звали Ганнон. Этот Ганнон то ли умер, то ли пропал, и вот компания посылает без промедления вместо него нового фактора. Им и был Фора. В его доверии ничего не было сказано о том, есть ли у него опыт и велик ли стаж работы в компании, – нитем, ни другим Фора похвастать не мог. Он был очень молод, а потому с легкостью принял новое назначение – Фора находился еще в том возрасте, когда самую скучную командировку одной лишь игрой воображения можно превратить в незабываемое романтическое странствие. Он, правда, со всей очевидностью понимал, что попало ему место не из веселых. Наверняка не насладишься

тамни приятным досугом, ни разговором спутным собеседником, а уж о женщинах нечего и говорить. Зато точно будет невпроворотунылой, пустой, выматывающей работы, после которой лишь спать и спать. Поразмыслив так, он решил захватить с собой книги, пластинки и даже самоучитель какого-то языка, – все легче убить неповоротливое время. Снарядившись подобным образом, Фора отбыл.

Ему предстояло морское путешествие длиной в трое суток. Пароход, собственность компании, был одним из четырех ее судов, совершавших плавания между северными факториями и метрополией. Фора был на нем единственным пассажиром. Капитана, длинного человека в неимоверно огромной фуражке, он видел всего один раз, перед отплытием, и с тех пор был предоставлен самому себе – команда, похоже, его вообще не замечала. Над пустынным океаном кто-то нарисовал неподвижные странные тучи. Капли, попадавшие на губы, были горькими, как хина. Тучи, стоило только отвернуться, мгновенно перестраивались из стывали в других, еще более нелепых сочетаниях. Фора сплевывал за борт, чувствуя, как с каждым плевок душара травится еще сильнее. Поэтому

он скоро ушел в свою каюту и здесь поставил Грига. «ПерГюнт» скрасил остаток путешествия. «Шествие гномов» ознаменовало его конец.

Судно кинуло якорь в виду заснеженного гористого берега. На воду внезапно сел туман, и очертания берега стали обманчивы. Вещи Фора были ужеснесены в баркас. Когда он сам спускался туда вслед за двумя матросами, то уронил в воду свою шляпу.

Фактория была старая, бревенчатая. Она стояла под горой и была точно такой, какой Форасебеее и представлял. Одним боком фактория плотно прилика к скале, поверхность которой была испещрена рисунками – среди них были, как Форасебеее заметить, изображения людей, оленей и птиц, – другой ее бок был открыт всеветрам: деревья там сильно потемнело, став почти черным. Укрыльца лежала длинная узкая лодка-каюк с прорванным днищем. Глядя на все это, Форасебеее присвистнул. Один из матросов, несших его сундук, поглядел на него с удивлением.

В тот же вечер Форасебеее забумаги, что остались послестарого хозяина фактории, Ганнона. Разумеется, он был уведомлен заранее, что уже в торой год

фактория Ганнона не присылает ни единой шкурки песца, ни одного моржового бивня. Странно, но дирекция на это никак не реагировала: судя по документам, лишь раз был прислан запрос о том, почему заготовка и поставка пушнины прекратились. Ответа на этот запрос не последовало. Ежемесячные отчеты подкалывались пустыми до тех пор, пока, наконец, вообще не слились в один большой полугодовой отчет, в котором нет-нет да мелькнет шкурка выдры или краткие сведения о визите одинокого промысловика. Очевидно, Ганнон полностью прекратил бизнес фактории, и это безотносительно к тому, что соседние фактории, находящиеся подчас много километров, вовсю заготавливали шкурки. Местные племена охотно торговали – им это было выгодно: за трех белок давали топор, за котика давали ружье, за связку песца насыпали полные карманы патронов. На холодных просторах тундры, в сопках и скалах десятилетиями продолжались маленькие истребительные войны: племена дрались друг с другом до последнего человека, до тех пор, пока не будет испепелено последнее стойбище. От этого, в итоге, фактории выигрывали больше всех: подогреваемые жаждой

мести, охотники рьяно промышляли пушное зверье, чтобы потом, получив в обмен на шкурки огнестрельное оружие и боеприпасы, идти на промысел уже другого «зверья», в соседних становищах.

На этом фоне фактория Ганнона белой вороной выделялась на торговых картах Компании Северных морей. Туда каждые три месяца завозилось продовольствие, оттуда не приходило ничего. За дальностью расстояний Ганнона, видимо, решено было оставить в покое, что, конечно, лишний раз предоставляло Ганнону возможность продолжать заниматься его таинственной деятельностью.

Фора был уверен, что найдет в бумагах Ганнона вопиющий беспорядок. Однако акты были так по-детски непосредственны в своей абсолютной беспомощности скрыть очевидные недостатки, почерк, которым из отчета в отчет выводилась строчка: «Сырья не поступало», был настолько разборчив и кругл, что все недоумение и даже раздражение Фору разом улеглись. Ему стало ясно, что пока нужно оставить все как есть, а там объяснение найдется. Взяв керосинку, он отправился осматривать дом.

Дом изнутри был разделен толстыми перегород-

ками на три части. Сперва, какходишь, – комната, где сидел обычно фактор и где производились оценка шкуры и расчет посетителями. Прямо за ней располагался склад, самое большое помещение в фактории, предназначенное для хранения сырья и товаров, которыми расплачивались клиентами. Жилая комната была совсем крохотной, тут стояла железная койка, печка в углу, да на стене висело оружие и несколько желтых покоробившихся фотографий без рамок. Свой сундук Фора задвинул в угол, заметив, что никаких вещей от прежнего хозяина тут не осталось. Возможно, их увезли вместе с его телом.

Склад был самым холодным местом во всей фактории: две других комнаты изнутри были обшиты досками, а здесь лишь щели между бревнами заткнули пучками пакли. Обширное помещение пустовало, лишь справа у стены громоздились длинные оружейные ящики, дав глубине были свалены свернутые в тюки оленьи шкуры. Фора сдвинул крышку одного из ящиков. Внутри лежали смазанные, в отличном состоянии, винтовки. Их так никто, по-видимому, и не тронул. Зато вид тюков смутил Фору. Шкуры лежали здесь давно. Увезить их

никто не собирался. Он отогнул край тюка и проверил качество выделки. Оно оказалось отменным: шкуры могли пролежать так еще очень долго. Он повременил немного, оглядываясь, но больше на складе делать было нечего.

Через весь дом Фора прошел в комнату для приемов, как он решил про себя ее называть. В зарешеченное окошко глядела крошечная тьма. На дощатом столе лежал охотничий нож, которым пользовались при разделке туш. Стену украшали олени рога с вырезанным на них затайливым орнаментом. Весь пол был усыпан комками свалывшейся шерсти. В выдвигающемся ящике стола обнаружился штопор. Его Фора зачем-то долго и старательно вкручивал в стену. Потом попытался выкрутить обратно, но штопор не выкручивался. Фора оторвался от упрямой гнутой железки и последовал в свою комнату. Доски под ногами громко скрипели.

Спать не хотелось: непривычная обстановка на прочь отбивала сон. Он попытался представить себе завтрашний день. Перед отплытием Фору за верили в том, что весть о его прибытии мигом облетит ближние стойбища, и уже на следующее утро

сюда потянутся сани, доверху груженные ешкурами. Однако сейчас ему не очень-то верилось в это: уж больно не жилой выглядела фактория, уж слишком походила она на стоянку для долгой зимовки, и то без припасов. А ведь фактория – это очаг цивилизации на заселенной невежественными дикарями территории, центр распространения высокой культуры. Некоторые фактории выполняли так же роль миссий, и священники-миссионеры, вешая на шею очередному аборигену латунный крестик, не забывали принять в исправности принесенные им шкурки. Политикой компании это не возбранялось.

Сон не шел. Фора засветил лампу, взял первую попавшуюся книжку и, закутавшись в одеяло, стал читать. Строчки неслись, страницы перелистывались сравными промежутками, и навевающе жуть путешествие Артура Гордона Пима подходило уже к своему страшному финалу, как вдруг что-то оторвало его от книги.

Пришла кошка. Она появилась неведь откуда, тихо проскользнула в комнату и теперь сидела у порога, не мигая глядя на огонь лампы. Медленно, чтобы не спугнуть ее, он спустил ноги на пол, прошел к мешку и достал консервы. Пока она

ела, он снова залез под одеяло: печка еще не успела выгнать из помещения промозглый нежилкой холод. Уже засыпая, он почувствовал, как кошка мягковспрыгнула на постель, немного повозившись, устроилась у него в ногах. Ему стало покойно и тепло. Он тут же уснул.

Чуть свет Фора, закутанный в доху, ужестоял на крыльце. И хотя ничего нельзя было разглядеть (шел снег, и насыпало уже прилично), само положение, в котором он воздвигся на крыльце в своей громоздкой дохе – точно капитан на мостике, озирающий морские просторы, точно владелец, окидывающий взглядом свои вотчины, – уже поднимало его в собственных глазах. Рассвело еще немного, и он смог видеть.

Фактория лепилась к подножью громадного утеса, который был, однако, отгорожен от моря довольно широкой полосой низкого берега. Эта полоса не затоплялась и во время приливов. Слева, чуть подальше, скалы образовывали узкий залив, в котором непрерывно бушевала и ревела вода. Справа же, насколько хватало глаз, уходила вдаль плоская бесхолмная тундра, лежащая сейчас в снегу. В ясную погоду в этом направлении, верно, можно было

рассмотреть больше. Стой стороны и гостей ждать, в той же стороне и ближние фабрики: до ближайшей, Форазнал, двадня пути, хотя как можно пересечь эту заснеженную пустыню в такие сроки, он не представлял. Продрогнув, Форазшел в дом и плотно прикрыл за собой дверь. Вода в чайнике вскипела, и он заварил себе крепчайший черный чай: такой, он слышал, принято пить в этих краях.

Первый же глоток показался ему отвратительным. Он отставил кружку в сторону. Кошка, лежа у печки, временами подергивала хвостом. Фораз в шутку справился у нее, не нервничает ли она. Кошка, не ответив, горделиво отвернулась. Фораз хлебнул еще горячего чаю.

К полудню снег пошел еще гуще, и надежда Форы, что он разглядит местность получше в ближайшие часы, совершенно рассеялась. Кошка выскользнула за дверь и шмыгнула под дом: наверное, там водились мыши. Несколько раз Фораз выходил, но быстро возвращался – снег лепил так густо, что следы на прочь заметало уже через минуту. Он снова зашел на склад и проверил остальные ящики: во всех были ружья, в одном – патроны, две коробки были полны топорами без топорщ. Он вялоковы-

рялся в ящиках, поглядывая на груды тюков в глубине склада. Почему-то они волновали его. Оленьи шкуры были туго и бережно перевязаны крепкими веревками, мехом наружу. Она еще раз отогнул край тюка. Теперь настало время удивляться не столько тому, зачем Ганнон оставил здесь шкуры, сколько очень необычному способу их обработки, незамеченному Форой в первый раз. Вся внутренняя поверхность шкур была усеяна вертикальными рядами черных точек. Это не было похоже на пятна гниения. Точки, скорее, были выжжены на гладкой поверхности. Или это был дефект обработки. Вот Ганнон и признал их непригодными для вывоза. Кое-что он все-таки понимал.

Ночью его разбудили дикие завывания и визги. То вы ветер в трубе. Началась пурга. В подполе жалобно мяукала кошка – видно, не могла вылезти. Наутро оказалось, что фабрику занесло по самую крышу, только с одного бока, там, где было окно приемной, обзор еще оставался. Фора увидел одинокую белую поверхность, простирающуюся до самого горизонта. По ней с невероятной скоростью проносились клубы мелкой снежной пыли. Море у самого берега скрывалось, дальше, веще оста-

ющихся широких полыньях, вода была угольно-черной. В доме было так холодно, как будто печи нетопились всю ночь. Кое-как отогревшись, Фора принял решение расчистить от снега хотя бы крыльцо. Отыскав лопату, он принялся за дело.

Ветер уже улегся. Было очень морозно, воздух звенел. Пейзаж, который открылся ему с крыльца, казалось, уже никогда не претерпит изменений: небо, море, заснеженные скалы, ломаные застывшие линии, цвета – только черный и белый, все очень далеко и очень близко – протяни палец – и проткнешь в холстине дыру. Но вместе с тем этот пейзаж вовсе не выглядел пустынным. Все носило следы какой-то напряженной жизни, все как-то подспудно двигалось, каждый обледенелый валун. Просто, когда Фора вышел с лопатой на крыльцо, чтобы пораскидать снег, все куда-то разбежались. На снегу во все стороны расходились цепочки следов, обрывающиеся в самых неожиданных местах, в воздухе еще чувствовался дымок чьей-то трубки, и, поднеси к определенной точке в холодном воздухе горячие дымящиеся уголья, застывшие в этом месте слова вытаяли бы и сами собой сказались, как уже случалось где-то с кем-то. Вот тогда и об-

наружилась бы скрытая истина, вот и протаяли бы целые диалоги, скопища звуков, изрекаемых в воздух, как в цементирующий раствор, вот бы и образ Ганнона протаял как есть, и не нужно уже гадать, и вообще слов не надо.

Важные, а то и просто великие идеи приходят обычно самые тривиальные, во всем не предназначенные для визита таких блестящих гостей моменты. Сгребая лопатой снег, Фора вдруг понял, что очищается от Ганнона, мало того, должен это сделать. Ганнон стал не нужен. Он принадлежал уже могильной мертвой персти, и если бы Фора обнаружил здесь его дневник, вернее, если бы Ганнону вздумалось вести дневник, Форе пришел бы конец как представителю компании здесь, как официальному лицу, как представителю самого президента Компании Северных морей. Фора, Карстен Фора, служащий компании, официально уполномоченный проводить все обозначенные в его удостоверении действия, не обязан придерживаться той же политики, что и его предшественник. Почему это он должен зависеть во всем от этого Ганнона? Фактория Ганнона, опальная, непонятная фактория, ушла в прошлое. Умерла. Есть только факто-

рия Форы, часть сети факторий Компании Северных морей, и это оляльная, подчиняющаяся уставу и администрации компании фактория. Крыльцо было расчищено. Форатолкнул дверь, поставил лопату в уголи и повернулся. Передним стоял туземец.

Это был старик, очень маленький, облаченный в безразмерную оленью малицу. Под большим меховым капюшоном едва можно было разглядеть крохотное костистое личико, смотревшее парой тоненьких морщинок. В руках он сжимал ворох оленьих шкур, очень похожих на те, что валялись на складе. Выдержав паузу, старик бросил шкуры на пол, повернулся, и тут Форасообразил, что он сейчас уйдет.

– Стоп, стоп! – подняв руки, сказал он туземцу. То есть он хотел сказать старику, чтобы, дескать, тот прошел в дом, уселся, чаю, что ли, попил там, покурил. Таким образом Фора проявлял свое гостеприимство.

Однако старик даже и не собирался заходить. Что-то резко ответив, он толкнул дверь и вышел. Фора, выглянув в окно, увидел, что внизу детоленья упряжка. Через минуту о визите первого в жизни Форы туземца напоминали только следы поло-

зевдаворохшкур, оставленных стариком. Недолго думая, Фора сгреб их и отволок на склад. Он заметил, что обработаны они были так же, как и те, в глубине склада.

А каково будет тому, кто вознамерится вдруг написать историю этих краев, внезапно помыслилось ему, когда вечером он откупорил бутылку рома. Наверняка какой-нибудь умник, этнограф. Начнет переживать, плакать о невосполнимой утрате некоторых уникальных культуры диалектов. Погиб народ, и погиб язык. Слова. Слова, каких, наверно, больше не существует в мире. Может, в них таился смысл, которого не хватает многим другим языкам. Наверно, гибелью слова его значение, смысл, подобно бессмертной душе, попадает в иные пределы, чертоги многомыслия, а может, даже бессмыслицы. Жалко. Чего проще – бумажка, да чуть краски, чтоб записать слова, – а поздно, сейчас они уже там, куда нам не добраться. Вот и выйдет так, что придется этому балбесу заполнять пробелы самому, а здешняя история почти наверняка состоит из сплошных пробелов, вот и получится чистая выдумка. Никто ведь не замечает набранных мелким шрифтом сносок: «Занеимением дошедших до

наисточников...», «За недостоверностью информации...», «За утратой всех письменных памятников...». Хорошо, если таковые имелись. А еслинет? Интересно, каково быть в истории. Живой, ты не историчен, нет. Ты слишком живой. История требует застылости. Небось, птеродактиль даже и не думал, что предстанет передочами потомков в такой дурацкой растопыренной позе. Знай он, что угольные пласты такая надежная штука, и крылышки бы расправил, и клювик бы вытянул – глядь, и красуется на всех обложках и разворотах новая археологическая суперзвезда. Нет, Христос, когда вернется, будет первыми судить не народы и языки, а евангелистов. А они-то как раз, как все историки: серенькая правденка и множество острей. Им подавай яркие нелепицы. А потом возражай, не возражай – у меня-де сложная натура, отношение мое к такому-то вопросу было весьма однозначным, в цветное деление мира я в скромной мудрости своей допускал также и серый цвет, – э, ты нам уже понятен. Ты уже раскрыт и объяснен. Не возникай.

Следующие недели ничем особенным не выделялись. Два раза был сильный буран, и оба раза факторию неизменно заносило по самую крышу. Работы

выдавалось тогда Форена целый день: оказывается, раскидывать снег и очищать дом от заносов дело весьма хлопотное. По вечерам он все силился написать отчет, но ничего у него не выходило: он никак не мог связать все скудные факты, что имели место, в одно ровное связное повествование.

Так прошло два месяца. Он пристрастился к ужению и иногда налавливал рыбы столько, что все съесть сам был не в состоянии. Зато кошка отъелась и стала бокастой и лоснящейся.

Еще через некоторое время он понял, что если неизвестность продлится и дальше, то он просто не выдержит. Тем более что он чувствовал: события не стоят на месте. Они развиваются. Много раз он слышал сильно приглушенную расстоянием стрельбу, однажды видел столб дыма, который был так далеко, что походил на дымок из трубы. Но это был дым, и дым от пожара. Форазлился. Злость его имела четкий и определенный адресат: он злобился на туземцев. Они втаскивали его в свою историю, и все было на их стороне: время, место, события, вернее, их отсутствие. Его держали вдали от событий, в каком-то загадочном резерве. И он не мог влиять на их историю, потому что уже был внутри нее.

Тем временем в воздухе обнаружались первые признаки потепления. Однажды перед домом разом выступили на поверхность черные ноздреватые валуны – протаяли. Зима чуть отпустила море, и удить рыбу можно было почти у берега, не заходя далеко к большим полыньям. Кое-где, на свободных от снега участках, выросли и распустились какие-то маленькие голубенькие цветочки. Это мало ощутимые изменения, правда, касались исключительно ландшафта близ самой фактории. Тундра, насколько можно было видеть, лежала еще в снегу.

Однажды он взобрался на крышу фактории. Ему пришла в голову мысль срисовать на скальные рисунки в тетрадь, так, на память. Вчера вдали он опять слышал стрельбу. К ней он относился с особенным жесточением: ведь именно таким образом история показывала, что не стоит на месте. Скряши обзор представлялся нелучше: все было такое же, застывшее и белое. Начиная с самого верха скалы, Фора быстро срисовывал незамысловатые композиции – людей скопьями или острогами, охотящихся на какие-то круглые торчащие головы, оленей, еще людей, сражающихся друг с другом, птиц треугольными головами, снова оленей. Ри-

совалонсно. Постепенно он перенес на бумагу все, что было наверху, и спустился с крыши вниз. Здесь сюжеты были позанятнее: фигурки танцва-ли, боролись, угоняли стада оленей, били моржей и нерп, – это их круглые головы торчали из по-добия прорубей. Оставалось только догадываться, что зарисунки скрывает бревенчатый сруб факто-рии, воздвигнутый прямо посреди скальной па-норамаы. Несомненно, самое интересное факто-рия заслонила. Кто-то притронулся к плечу Фору. От неожиданности тот подался вперед и ударил-ся о скалу.

Рядом стоял старик-туземец. Он смотрел не на Фору, он смотрел на скалу, и глаза его были пол-ны слез.

– Чего тебе? – совершенно не к месту, грубо и сам-то сознавая, обратился к нему Фора.

Старик коснулся скалы и затем притронулся к своей груди. Затем показал на оленью шку-ру, свернутую в тугой рулон и лежавшую у его ног, и потом прикоснулся к груди Фору.

– Нет, нет! – испуганно начал отмахиваться Фора.
– Нет! Уходи!

Старик настойчиво кивнул, а потом, шагнув, боль-

но ударил кулачком в грудь Фору и снова показал на рулон. Все это время, как показалось Форе, она него не смотрел. Взгляд его был устремлен на изображения, оставленные предками в память о великой ненаписанной истории. Потом старик повернулся и ушел, как и в прошлый раз, оставив Фору наедине с оленьими шкурами и в твердой уверенности, что виделись они в последний раз.

У ног Фору лежал последний свиток истории народа мя, бесследно гинувшего в войнах с соседними племенами, жестокими и многочисленными. Форан неподвижно смотрел на отогнувшийся край шкуры, на покрывающие его мельчайшие иератические значки. Где-то среди них были он, вот такой, как есть: ничего не сознающий, не разбирающий истины, сокрытой в значках. Ему вдруг пришло в голову, что, разбери он когда-нибудь письмо на мя, ему открылась бы высочайшая цель жизненного пути – абсолютное самопознание, правда о себе и правда о мире. Высший промысел сосредоточился в непонятных значках, они были последним барьером между ними и божественной правдой. Но хотел ли он знать ее? Что сказал о нем будущему летописцу мя? Символы могли быть благодарен-

нием, а могли и навлекать на его голову ужасающие проклятья. Тяжко, наверно, быть проклятым целым народом. Фора нагнулся, подхватил тюк и поволок его в факторию.

Наутро в факторию ворвался человек. Он был высок, в охотничьей хвостатой шапке и с ружьем в руках. Свои лыжи он оставил за порогом. Не поздоровавшись, он прошел к кадке сводой и начал пить, зачерпывая кружкой.

– Ты еще здесь? – спросил он, напившись. Вопрос повис в воздухе: Фора выжидал, что еще скажет нежданный гость.

– Чуть ноги не сломал, так быстро шел, – сказал охотник. Его глаза покраснели от ветра и снега, голос сел. – Убегаю, – пояснил он. – Уношу ноги. И тебе советую... А где тот, старый?

– Ганнон? – спросил Фора.

– Да, Ганнон. Где он?

– Его нет, – сказал Фора.

– Ты, что ли, тут фактором теперь?

– Я.

– Так ты, стало быть, ничего не слышал? Унанган сегодня ночью вырезали всех мя, до одного, а потом напали на факторию у Нерпичьего залива, за-

хватили оружие, припасы.

Фора молчал. Он вспоминал старика.

– У тебя здесь ружья есть? – спросил охотник.

Фора кивнул.

– Значит, они и к тебе придут. Сегодня же уходи. Возьми жратву, оружие, словом, самое необходимое, на лыжи – и вперед. Иди к поселению Какыдан. Там тебя подберут... Да брось здесь все к чертовой матери, – сказал он, заметив растерянность Форы. – Не то время, чтобы отвечать за собственность компании или чего там еще. Шкуру надо спасать, понял?

Фора встрепенулся.

– Шкуру надо спасать, – повторил он.

– Ну да, шкуру, – подтвердил охотник. – Давай на лыжи – и вперед!

– Я не умею ходить на лыжах, – сказал Фора. – Я буду ждать корабль.

Охотник осекся.

– Не умеешь... на лыжах. Ну, смотри. Корабль ведь может и не прийти.

Он помахал на прощание и вышел. Фора сел на стул.

– Корабль ведь может и не прийти, – сказал он.

Но корабль пришел. Судно компании подбирало служащих факторий по всему побережью. К тому времени враждебные племена захватили еще одну факторию. Дымы подошли ближе и обрели зловещую выразительность. Когда к берегу подошел большой баркас, Фора уже стоял на берегу. Прибывшим матросам он велел отнести в баркас свой сундук, а сам скрылся в фактории. Через минуту он появился, таща на себе два тюка. Без слов, не обращая внимания на взгляды, он бросил их в баркас и отправился за очередными. Вскоре над лодки выросла гора оленьих шкур. Ее венчал рулон, на последок принесенный стариком. Фора окинул тюки взглядом.

– Кажется, все, – сказал он.

Он уселся на корму лодки и, пока плыли к кораблю, ни разу не оглянулся на берег.

На вопрос капитана Фора ответил, что шкуры приказано вывезти особым распоряжением компании. Впрочем, много мест тюки не занимали, тем более что Фора оставил их лежать прямо на палубе, у трапа. Ни у капитана, ни у команды вопросов больше не возникало.

Тюки лежали у борта. Фора знал, что это, спе-

ленутая, пружинящая, лежит история. Она лишь ждет, чтобы ее разобрали и поняли, и тогда станет ясен каждый ее персонаж. Фора внезапно нагнулся и принялся спихивать тюки за борт. Но они не поддавались. Заночь они крепко примерзли к палубе, и никакими усилиями невозможно было сдернуть их с места. Фора оставил свои бесплодные попытки и медленно выпрямился. Судно вновь входило в полосу тумана.

Алексей Цветков-младший

КОРОЛЬ УТОПЛЕННИКОВ

1. Конечно же, у Короля была мечта. Если он закрывал глаза, видел волны: катятся, рождаясь друг из друга. Солнце высокое, маленькое, и никаких птиц, потому что им не откуда прилететь. Зеленые со свинцом бугры воды повторяются. Бесконечный шум ничем не стесненной жидкости. Спокойно падает пушистый снег, прибавляясь к океану.

2. Игрушечное ощущение. Вместо горизонта бледно-зеленая стена-пустота, как в очень большой комнате. Да и потолок, в смысле, небо, как в офисе, навесной – низкие пористые облака. Половина палубы пропала в тумане. Ю увидела столбы света, замершего между водой и небом. Айсберги. Такая гора пропарывает, шутя, двойную обшивку борта. Плавающие памятники тем, кого

мы никогда не видели и поэтому не узнаем. Едва заметный уху хруст будит аппетит.

Вследзастолбамиследовалаплоскаяледяха. Оттуда грустно и растерянно смотрели на Ю и на палубу «Стеллы» четыре фигурки. Пингвины – не сразу догадалась она, сняв зеркальные «хамелеоны» с глаз. Знают, что ее, мимо плывущую, ждет, или как-то чувствуют, что ли? Может, мы все превратимся тут в пингвинов и будем так вот смотреть на новопривывших, чтобы у них мурашилась кожа от наших птичьих взглядов. Он тоже, может, приплыл к королю. Какое от них чувство? – спросила Ю себя. («Чтобы ничего не бояться, – учит СеЗ, – чаще задавайте себе вопросы, но не риторические».) Убийственное спокойствие. Как будто ты всегда только и был пешей птицей нижнего полюса, а человеком притворялся, и вот хватит ломать комедию. Одна из птиц держит нечто в клюве. Точку, – подумалось Ю, – точку в конце нашего плаванья, цель.

Очень давно она читала фантастику: остров утонул, а жители выжили, они – дельфины, но не вспомнила бы этого читая, если бы ЮЗ не ска-

зал вчера, нетрезво прижимаясь к ней под музыку, в дверях:

– А мы, знаешь, превратимся. Его Величество делает тебя русалкой, или креветкой, черепахой может, если в недобром настроении, а меня – осьминогом. Я знаю, пир ждет нас в конце. Вечный пир на роскошном дне. Совсем недавно я понял. Был в ресторане, заказал спрута, и меня вырвало, как будто я ем самого себя, ну то есть, как будто мясо человеческое, то есть или я только по виду двуногий, а сам – осьминогий, ну, ты понимаешь...».

Ю победила в борьбе безадверь и захлопнулась изнутри.

Кого еще она недавно видела в воде? Вчера проплывали Руки. Или «Ворота». Две многометровые с растопыренными пальцами растут из моря, будто держат гигантский невидимый шар. Там прошел корабль. Между. Полярный ритуал. Слышали ли Ю они раньше? Кажется, нет. Тревожная мысль: кто-то лежит, невообразимый, каменный, самый главный утопленник, и только руки, разжавшие жизнь, видны. Эсказал, водолазы не подтверждают: локти просто вбиты в дно, это две платформы. Вро-

де бы их сделали фашисты прошлого века. Хотели прятать в Антарктике фюрера, из этого «Ворота». Они означают какую-то руну. Там было много птиц. Нагибах бетонных пальцев, в овмятинах ногтей спали чайки и кто-то еще. Не обращали внимания на корабль, будто заранее знали о нем. Когда «Стелла» шла «через Руки», Ю заметила лишайники в ладонях, это делало конечности еще более живыми. Или более мертвыми, как трупное цветение, послесмертное?

Потом тюлень. Ей вспомнилось весело раззявленное усатое лицо мелькавшего в блестящих волнах бурого толстяка. Недолго гнался за кораблем, чирикал и свистел, пока жирная спина не скрылась. Мелкая прислуга приветствует новых подданных Короля – так Ю это поняла. И тут же себя поправила: чтобы тюлень прислуживал Королю, ему для начала нужно захлебнуться, плюс спастись. Да и то неизвестно, могут ли животные считаться подданными. Собственностью – да, но подданными – вряд ли. Они не умеют умолять и клясться. Пару раз били пушки, тоже очень приветственно, оказалось, колоссяледник. И еще буревестник, большой и белый, как самолет. «Трупоед» – обозвал его Эс, знав-

ший, кажется, все. А позавчерашавые водоросли, словно ниже воды лежит кровь.

Ю спрятала зрение обратно в зеркальные стекла. «Смотришь, как под водой, на малой глубине», – смешил недавно СеЗ, но никто не захотел даже улыбнуться. «Ультрафиолет!» – остерегал всех Эсот видимых и невидимых лучей. Непрерывный день. Не видно чужих, незнакомых звезд. Серебряный зверь, ревуший непонятно, – вспомнила Юночной океан, когда еще «Стелла» шла там, где осталась ночь. В том, что все тут в этих, предписанных Им, очках-хамелеонах, есть киношная шпионская пошлость. Как в именах, которые роздали им Король для путешествия. Стороны света – восемь пассажиров. Четыре каюты, в одной из которых она одна.

Пару часов назад миновали ледник Елены: сплошные синие колонны. Земное имя Ю, ждущее дома, как собака. Хасуэлл, Росс, Нокс, Эймери, Дейвис. И еще: Масон и Хендерсон. Она запоминала открывателей сперла мутовой карты, вдавленной в стену кают-компания. Носить такие пассажирам «Стеллы» было бы гораздо удобнее. Но навсё сейчас воля Короля. Захочет, и прямо в море «Стеллу» перекрестят.

Звук, будто рвут картон. Но это рвет ЮЗа. «Норд Пойнт» – читает Ю на спине его черной армейской куртки. Трудно вообразить большую географическую неправду. Согнувшись за бортом, ЮЗ выбрасывает в океан бурную утробную струю. Юзавороженно следит, как жидкое щупальце мотается у него изо рта, словно он поспорил достать этой призрачной конечностью до волн. Немного времени ЮЗ плянется сквозь слезы в гудящую внизу черную бесконечность. Обернувшись, вытирает рукавом горький глянцевый след:

– Разрешите представиться, я королевский писарь.

Знакомиться каждое утро было его «остроумной» манерой. Вчера он был «барменом». Вынув изнутри куртки защелкнутый на кнопку блокнот, протягивает. Ю осторожно принимает.

– Да-да, моя миссия – описать Короля и когда-нибудь донести о нем людям. Тем, кто, не ведая, дышит на суше, я имею в виду... Мне нельзя умирать, рукопись не готова, да и как же ее найдут? Я хотя бы должен избрать правильный способ сохранения, не так же просто все эти годы записывал. Там вся правда о Короле. В компьютер не набирал, чтобы иметь гарантию личной безопасности. Зачем я стану нужен, если это в компьютере останется?

– Так что пока, чем бы оно ни кончилось, ты не убиваемый? – уточнила Ю, взвешивая в пальцах блокнот.

– Неубиваемый, – повторил за ней ЮЗ приятное слово. – Можете выбросить туда, – указывает в пучину, – у меня все тут, – стучит себя пальцами в висок, – ведь упростила его... своего Короля, а многие не смогли. Живу вот королевской милостью. Жду решения.

Она отпустила блокнот в карман. За ночь нацарапал, а врет про «все эти годы», – мысленно фыркнула. ЮЗчихнул себя в перчатку, засмеялся и смеялся тему, наверное, вспомнив вчерашнее:

– А знаешь, у меня с утра не проходила эрекция, и я все думал, можно ли на корабле, кроме как со своей рукой... А потомчихнули сразу же успокоился в мужском смысле, как будто кончил, и теперь чихаю, чихаю, простудился, как и все...

Ю больше не хотела видеть этого мокрого, пьяного, отвратного слабака и пошла к себе.

– Эй, – закричал он ей. – Почитай! У тебя нет гигиенической помады? Без нее тут...

Последнего слова ЮЗ не нашел. Помада для мара, конечно, была. Ю покупала неделю назад

в последнем порту. «Мисс, вы на полюс?» – восторг и смятение в глазах лавочника, Грегора – запомнила она приколотую к рубашке табличку. Не плоховспомнить чье-нибудь имя, когда твое, и всех здесь, под запретом.

Быстро спускалась внутрь, хотелось в каюту. Конечно, «писарь» паршивый истеричный лузер, которому мало давали, но дело не только в этом. Ей не понравились слова про королевскую милость – жизнь. Она сама слишком часто думала о том своем самолете. Последнем. Больше не летала. Как он ворвался в море. Что это был залюк в густой темноте? Он все сейчас там – постучала она во внешнюю стену каюты, – пассажиры того рейса сидят, пристегнутые. Летчики в кабине. «Ая здесь». У них там коралл цветет. Юзакрыла глаза и опять представила, как целует королевский перстень. Холодный, словно отдельный зуб.

3. В одной из кают под ее ногами говорилось: – Команда... команда. Так ведь из них нет нул никто. Как мы можем после этого с ними честно говорить...

– А может быть, кто-то из пассажиров тоже не то-

нул, как проверить? Даже и из нас никто не тонул, предположим, никогда... Докажите обратное!

– Тонул – не тонул, какая разница, – поежил плечами третий пассажир. – Главное, бактерии...

Четыре вопросительных глаза уставились на него.

– Вы что же думаете, этот большой пропеллер, который мы запустим, рассеивая королевский порошок, растворит вдоволь льда для нового потопа? Ой, вряд ли, маловероятно, я знаю химию. Порошок наш – это микроскопические роботы, скорее всего, и нужен для того лишь, чтобы докопаться, дотянуть до внутренних полярных озер. Озера вскроются, а там бактерии и старше птеродактилей. Отсюда пойдет эпидемия, перезагрузка мира, изменится маршрут истории. Носители – это ветра, течения, облака, да и мы сами, вернувшиеся в мир. Уверяю вас, все это заговор бактерий, вирусов, подселившихся к нам в городе.

– А Король? Бактерии королевские? У него что там, главный офис под льдом, в закупоренном озере?

– Да нет же. Король это транслируемый ими бред. Они заставили нас галлюцинировать и прислали сюда.

– И вы верите в разумных бактерий, да еще с та-

кой властью?

– Я верю в управляемых людей. Возможно, они, микробы, все поняли и все прошли задолго до нас, приматов, но кто-то их там, в ледниковых линзах озер, запер навек, а теперь вот время...

– Но если это так, почему вы сейчас в слух об этом говорите...

– А вы думаете, я не понимаю, чему подвергаюсь? Я надеюсь на того, кто их там навечно заключил в льдах. В такой игре всегда больше чем один игрок.

– И как же так получается, бактерии ваши сразу и там, подо льдом, запертые, и здесь, взяли нас под контроль?

– Ну, это, может быть, не совсем те, а другие. Все вирусы нашего мира, микроорганизмы там всякие, они, возможно, без тех, подледных пленников как неграмотные рабы без господ, как ноги и руки без голов, не знают, зачем им быть, и тоскуют по господам, позакупоренному разуму своему, миллионами лет томящемуся, мечтают вызволить элиту из глубин, вот и превратили тебя и меня в дрессированных собачек.

Тут все мирно показалось, что разговоря ответственности скатывается в маразм, и захотелось разлить еще,

чтобы незадерживаться. Маразм должен переходить в сон. Три дрессированные собачки дружно выпили.

4. Ю читает:

«Отца он мало помнил, а мать была с ним всегда рядом, как шум моря. И чем выше он рос, тем мать нравилась ему меньше. Она вечно ждала отца и только поэтому могла научить. Он тоже начал ждать и искать вместе с ней, а когда в сумерках его и сестру, дремавших в гроте, на пальмовых метелках, нашла Другая, она кричала, будто ее укусили и не отпускают. Мальчик не понял, чем они или кто-то так напугал кричащую. Но в этом крике, кроме страха, был приговор. И еще мальчику удивлялся: оказалось, кроме отца, матери, его и сестры есть кто-то еще, похожий на них. Мать спрятала детей от кричащей женщины в роще, под липкими деревьями, близкосморем. Отец вернулся, но к мальчику не подошел, хотя так долго у них не был. Всем этим словам: «отец», «мать», «Другая», «женщина», «сумерки», «она», «он» – Король научился позже, от своих подданных. Говорить, впрочем, он так и не начал. До прыжка не нуждался еще в словах, а после не надобились уже.

Незная, что дальше, мальчик шел, пока земля не кончилась. Это был высокий обрыв цвета выцветшей кости. Он просто шагнул, потому что не хотел останавливаться, и вода ударила его в голову. Она была прекрасна, и он согласился с нею. Прозрачный глянцевый потолок накрыл. Казалось, пряча себя от света, он торопится к острову, еле уловимому в глубине и при этом такому близкому, своему острову, где никто до него не мог быть. Ближе, ближе. Соленая, как мутное молоко его матери, вкус которого он еще не успел забыть. К своему острову нужно вниз, а не вперед. Он пил, участь у рыб мудро раскрывать рот. Становился все тяжелее. Когда свет кончился, он играл густой плотной тьмой, как, недавно, с волосами матери, длинными и черными, ночными. Не обязательно ждать вечера, чтобы закончить день. Дна так и не нашлось. Вращался вокруг своей невидимой оси, наматывался на внутреннюю иглу, пока сам не стал своим островом. Неужные глаза привыкали к обнимающей отовсюду ночи. Он был своим островом, до которого не доплыл, – слепым и счастливым, немым, холодным, неподвижным. Ледяной статуей самого себя. Остыв, остановившись, сделав свои послед-

ние глотки. Здесь разрешалось не видеть, не ждать, быть ничем, пока всплеск, где-то очень далеко, не разбудил его. О том, что он – Король, узнал от первого подданного. Королю были обещаны все оставшиеся в воде. Глаза не видели, но знали присягнувших. Такова власть Короля: не видеть, но ведать, не говорить, но творить. А выходить из волн, одев телом недавно попавшего к нему, смог много позже. После Дождя.

Король недумал о том, земном мальчике. Вода ничего не помнит. Где-то вверх у ненасытная мать горькой вирусной пылью рассыпалась в жарком ветре и собиралась вновь вокруг своего имени, как стальные опилки вокруг магнита. Ездил ночью королевой в красной карете по улицам, цветущим жирными факелами, мстила за сына, сжимая малюток в колыбелях, выдавливая из них последний смех. Короля утопленников никак это не касалось.

И настал Дождь. Бесконечные нити решили покрыть своим шелком все. Лило и лило. Как никогда. Королю досталась вся многотысячная семья отца. За ничтожным исключением, коего можно было бы во все не считать, но оно оставляло власть Короля на бывшей земле неполной. Большое одно

лежаловслабопросвеченныхверхнихслоях, глотавших Дождь, и вызывало королевское удивление. Грузенный спорами наземной жизни воздушный пузырь, обшитый досками, вздрагивал в волнах. Тяжелый короб, и все в нем были под защитой. Король поднимался к нему, ждал, ничего не мог. Прикладывал щеку к скользкой доске и своим абсолютным подводным ухом слушал, впитывая молитвы далеких, дышащих родственников, на языке, придуманном много позже его рождения – погружения и коронации морем. На языке, узнанномотрыбака, сожранногоштормом, откупца, перевернутоговетром, отнесчастныхдетей, схваченных судорогой или укушенных колючими челюстями голодной рыбины, отобманутых дев, прыгавших к Королю со скалы. Король умеет задавать загадки, не раскрывая рта. Он молчит и слушает на всех языках.

Прильнув к днищу, немо повторяя их слова, он ощущал себя не Королем, забравшим мир, но заключенным, припавшим ухом к дверикамеры – не идут ли за ним? – или наказанным ребенком: за дверью свободные и живые. Семья, у которой есть смерть и воздух».

Дальше Ю не разобрала букв, словно другой язык, или бешеная волна, рассыпанная пеной. На следующем листе брызги снова собирались в доступное:

«Королевство поделилось на два сословия. Первые: те, кто пришел к нему сам, бежав от ненужной жизни, захлебнувшись ее невозможностью, для кого воздух стал горькой отравой, взяли себе вторых: тех, кого вода убила против их воли, для кого воздух навсегда остался сладким. К которым же отнесли и казненных таким, «мокрым» способом.

Воды отступали. На просыхающем дне три семьи снова сеяли жизнь. Долгое время у Короля насчитывалось гораздо больше душ, чем у всех наземных правителей, взятых вместе. Но преимуществ таяло, и вот уже их снова стало меньше. Охотники до жемчужин, не успевшие вовремя оттолкнуться от дна, схваченные чудовищем. Ознанные свидетелями веды мы с связанными руками. Команды цельных кораблей во главе сеньорами выстраивались перед ним, чтобы отведать губами камень на его холодном кольце. Кольцо появилось после Дождя, когда Король узнал: никто ему не поможет и нужно

побеждать самому. До обряда было проще: Он просто клал затылок уtoplенника себе в ладонь и баюкал его, как маленького. И еще Король понял: милуя, отпуская дышать, давая отсрочку особо просящим, можно получить больше. Не стоит брать всех. Ему занудобились люди и на земле. В обмен на воздух они станут его волей и мыслями».

5. – Итак, никто из нас его не видел. Здесь. Или, точнее, он себя нам не показывает пока на суде.

«Либо мы об этом ничего не знаем», – сказали рядом с ней абсолютно бессмысленную фразу. Но и никто вообще не видел, – думает Ю, – с закрытыми глазами Присяга, воть менежного живого стекла, вплавленного в тебя. Или у всех по-разному? Возможно, тот, кто сам топит себя, предстает перед Королем с широко открытыми, не мигая?

– Ю утверждала позавчера, что видела внизу неизвестно кого, но призрак оказался одним из команды, наша девушка обозналась, сконфузилась и стехпор малоскем разговаривает. В машинном действительно темно.

Снисходительные улыбки отовсюду слетелись к ней. Эс продолжил говорить, скользя своей те-

ню по карте перламутровой Антарктики в стене кают-компания, обшитой оранжевым деревом:

– Наш уважаемый ЮЗ встретил его недавно во сне. В прошлый раз мы это уже обсуждали и пришли к выводу, что сон – случайность, плод напряженного ожидания, и ничего более не может нам дать. Не так ли, ЮЗ?

Названный ЮЗ подобрался в своем, привинченном, как у всех здесь, к полу, кресле и заискал глазами.

– Так, – ответил за него СеЗ.

Новая стайка улыбок атаковала свежую добычу. Сидящие в одинаковых креслах кукольно закивали.

– Никто не знает, когда он явится и явится ли вообще, между тем мы вплотную приблизились к припайным льдам. Идем вдоль. Пора, по моему, окончательно уточнить для себя миссию, ради которой «Стелла» доставила нас сюда, к книжной точке мира. Стоило ведь зачем-то нарушать данную однажды клятву не путешествовать по воде? Но сначала о нашем морском доме. Я обещал.

Эс с преподавательским видом защелкал плоским «Макинтошем», распахнутым на столе. Над его объясняющей головой, поверх жемчужной Антарктики, выполз из потолка экран. Там делови-

то менялись фото, чертежи, карты. Как на презентации, где всех соблазняют вкладываться именно в этот холдинг, – сравнила Ю.

Судноледового класса, переделанный зверобой, начинавший как рыбацкий трейлер, зафрахтовано с командой. Охотились на тюленей и каких-то неизвестных Ю «морских слонов». Двойные борта и двойное дно, как у шпионского чемодана. Водоизмещение – четыре тысячи. Капитану доплачено за покладистость. Компьютерная самонавигация с неким спутником связана, если Ю правильно перевела. Штурманская и рулевая рубки. Мачта грузовой стрелой, лебедкой и блюдами связи. Радиолокация. Эхолот. Секстан. Креномер. Хронометры. «Хреномер. Хронометры» – шепотом веселит всех ЮЗ за спиной. Что ему смешно? Считает: все здесь управляется снизу Королем? – прогоняла дремоту Ю. – Без Его воли мы не окажемся ниже льда при всем желании?

Две шлюпки полозьями. Желательная скорость восемнадцать узлов. Противоледниковый пояс. Толстая обшивка, особенно носовая. ЮЗ зади чихает, будто шутит не только мозг, но и нос. Держаться за леер.

Фальшборт. Штурмтрап.

Ватная невидимость, в ней иногда ледяные скалы – пепельные цветы. Ю тронула круглую раму иллюминатора. Тоже ведь как-нибудь она называется по-морскому? Твердый мутно-желтый металл. И все равно им, плывут они или утонули, – подумала, изучая болты пальцами. Или не все равно? Они ведь тоже реагируют. Темнеют.

Каково это на вкус? Хладный шелковый пепел, хватающий тебя за изнанку. Сильный гляцевый язык, затыкающий дыхание, крутится у тебя внутри. Невыносимый насилующий поцелуй, за которым нет никого, кроме закона физики.

– Я назову, кто он, – выкрикнул вдруг, поднимаясь, ЮВ, пожилой муслим с изумрудными четками в пальцах. В начале плавания, трижды в день («послабление для путешественников» – пояснял ЮВ), сверившись с компасом и часами, уходил к себе молиться. Возвращался с мокрыми веками. В последние дни замолчал, выходил только за пищей, брал мало, почти ничего, хлеб, уносил к себе. Ю смотрит на два пушистых белых хвостика его чепок зелеными бусинами на концах, чтобы не встре-

титься глазами со стариком. Стекло скорее всего.

– Скажу, ради кого мы здесь. Он – первый утопленник, плод Лилити Адама, шайтан обещалему многое, отдал воды, и наша миссия прискорбная – всех людей, включая давно упокоенных и похороненных в земле, сделать такими же, как мы. Они попадут к шайтану, уйдут под воду посмертно. За этим нужен новый потоп. Но только шайтан и предавшиеся ему считают свою прибыль зря, ибо будут они в убытке.

– Старик, кажись, не совсем в себе, – громко заметил За. Но ЮВ уже выходил, ни на что не глядя, вцепившись в четки.

– Я обязательно отвечу уважаемому ЮВу, что я об этом думаю, как только он будет готов выслушать меня и остальных, хотя, признаться, я привык мыслить более точными понятиями и полагаю, что Адамом была облученная обезьяна, припертая к стене условиями.

Эс еще поразвлекал всех экранными картинками и деталями «нашего морского дома».

Общая длина. Палубная ширина. Высота верхней. Высота второй. Общая грузопместимость.

Потребление топлива. Если оледенение, придется выйти помахать ломиками. Команда без нас не справится.

– Кстати, о команде. Я еще раз убедительно прошу всех держаться прежней версии. Экспедиция с разными, геологическими, палеонтологическими, метеорологическими, интересами. СеЗ снимает видео для журнала.

– Но отчуждение растет, – отозвался СеЗ, – они чувствуют себя, думаю, необходимым, но ненавистным классом, с которым мы мечтаем не встречаться. У нас другой язык, мы собираемся отдельно от них. Версии о коммерческой или научной тайне все слабее удерживают их в рамках. Завтра они начнут думать о каком-нибудь незаконном золоте, ради которого их и наняли. Капитан часто смотрит на меня как на очевидно врущего ребенка, а я повторяю наши, наизусть известные, фразы, которые ничего не объясняют насчет будущего.

– Условия работы для них новые. Всегда возили китобоев, зверобоев, рыбаков, то есть таких же, как они сами. Круглосуточный день, сами понимаете, влияет и на них, и на нас. Будем вежливее.

– Но, кажется, – возразил СеЗ, – нарочитая вежливость наша как раз и вызывает подозрения, эта манера имотвратительна, она превращает их в автоматы, плывущие никто не скажет зачем и на сколько. Завтра они подумают, а не террористы ли мы? И за нами начнется слежка.

– В любом случае, ничего другого нет. Мы все, господа, здесь ждем Короля. И он многоерешит занас, ответив каждому, зачем мы здесь. На это и уповаем.

Ювспомнила: матрос показывал другому огромное красное яблочное солнце полуночи и нехорошо говорил что-то, когда посылали к тюленьим скалам шлюпку. Смолк на полуслове, будто мог поймать ее взгляд за блестящими стеклами.

– А может, утонула, – клоунствовал кто-то, ЮЗ, наверное, когда все ждали лодку назад, вглядываясь меж тюленьих скал. Опаздывала. Ю послушно улыбнулась. Мимонихдваразапроследовала опасная ледяная гора. Или двенеотличимых? Поэтому Эсидва матроса, собиравшие на берегу площадку для запуска зонда, отложили возвращение на час. Когда вернулись, Эс потешно изображал тюлениху, не давшую детенышей, а никто и не забирал.

И рассказывал про цветущий снег. Слово краски на холсте. Целые картины. Особые такие вodoreсли полярные.

Ю думает о команде: а что если они тоже У? И тоже от нас скрывают, считая нас учеными, вглядываясь. Но как так могло сложиться? Как могли их зафрахтовать разом всех? Содной, что ли, подводной лодки? Считается, ходили всегда на зверобойном судне. Это их официальная версия. А у нас – своя.

Так плохо говорят, ничего почти непонятно. Или делают вид? Шестеро. Или восемь? Ю незнакомилась с ними, как остальные. И не учит, как их зовут. Если вернуться, получат свои деньги, часть тех, которые она выцарапала («высосала», улыбаясь, думает). Не очень, конечно, веселы, но особых проблем по лицам не заметно. Или, может, меньше других общалась? Не вслушивалась? Катают – вертят – отсыпаются. Гремят, мотают канаты. Полноценная команда нужна бы в два раза больше. Кто они по национальности? Эсрастолковывал, родом бог знает откуда, вот и нанимаются за двоих. Только капитан «наш», хотя и тоже очень смуглый. Переживут все проблемы, сбросив нас, как балласт,

заодно зондом и королевским чудо-порошком?
Или то же у них впереди Присяга? Примкнут к нам?
И кто это решает?

Эспритуступил к обещанному фокусу. Указал пальцами вверх, требуя внимания двенадцати глаз. Вынув из кармана, аккуратно развернул плитку, похожую на шоколад, но прозрачный.

Разгадавшему фокус дасть откусить. Зачем я всегда шучу? – Ю не знала ответа. Шутить, даже если не хочется, рекомендует СеЗ.

Факир едва тронул уголком плитки минеральную воду в своем стакане. Стакан громко забулькал, из него фыркнулось вверх, и все испарилось меньше, чем за секунду.

– Миллиграмма хватит на миллион таких стаканов. Стекло внутри оплавилось, вряд ли из него теперь стоит пить, – задумчиво, будто сам себе, сказал Эс, впрочем, в этом состояла его лекторская манера. – С большой высоты, измельченную в пыль, наш зонд распространит ее, поднимаясь все выше и увеличивая радиус. Ледник буквально вскипит.

– И на что этого хватит? – серфер За явно радо-

вался размаху.

– Незапланированная антарктическая весна, точнее, неестественное продолжение нынешней весны и лета, вот и все, что я знаю о нашей цели. Льда здесь двадцать пять миллионов кубометров.

– Дальнейшая судьба? – недоумевал За, вообразивший себя, видимо, упорным репортером.

– Это решит Король. Смотря как справимся. Неизвестно даже, одни ли мы участвуем в этом или где-то сейчас готовят то же самое. «Сеющий винт» мне помогут запустить двое из команды. Если раньше, конечно, не случится бунта...

Как только на материке заметят таяние, я думаю, его будут первые дни стараться объяснять экологически, примут за результат глобального потепления.

6. «Король разделил мировую воду. Границы понятны только изнутри воды, с ее обратной стороны, вечно вьющиеся, неуловимые для земного глаза, как однажды растворенные в море чернила. Цикл возвращения воды в Тихом, например, океане – семь лет. И все же границы есть. За их соблюдением следили первые, добровольцы, самоутопленники, они составили элиту, соль моря. Им во всем подчи-

нялись вторые, простые невольники, случайно или насильно захлебнувшиеся. Каждый вассал с наделом отличал в своей воде первое сословие от второго. Сколько его вода да лановых подданных, насколько оплачен долг, выплачиваемый Величеству недышащими людьми? Король должен знать о самых отчаянно тонущих, ищущих помилования, не сгодятся ли для будущей победы над сушей».

7. Температура не менялась, будто Ю глотал аспирин, а мел. Сон – лучшее в таких случаях. Там Ю видит: Король в теле недавно сгинувшего выходит на бледную отмель, «хвост острова» – мелководе, прогретое солнцем. Меж волн его лицо, а потом и весь он растет все выше. Ю узнает: Король идет в ее теле. В тот день на ней было это длинное платье в пол. Слишком торжественно смотрелось в аэропорту. Нечто монашеское, не наше во всей походке Короля. Не сразу поймешь, что. Он не употребляет воздух, проходит сквозь него лезвием, не соединяясь, не впуская. «Как нарисованный, – повторяет Ю сквозь температуру, наблюдая Короля в своем платье, запертом сейчас, она хороша знает, в ящике стола, за двенадцать тысяч километров от

«Стеллы», так и не одетом больше, но и выбросить запрещено. – Как нарисованный».

Ей слышится через стены перепуганный шелест слов, или кто-то прямо здесь, у нее в каюте, в жаркой ее тьме, заботится о больной и шепчется о своем:

– Не знаешь его? Написал в газеты, ходил к разведчикам. В одном журнале пообещали даже: опубликуем, но только как фантастику, и редактор вычеркнет лишнее. Не согласился так, забрал рукопись, а когда принес обратно, ну, типа, сделайте, как знаете, там уже сказали: опять об этом? Принесите о другом. Что он мог? «Подводный царь приказал мне переехать в другой город и связаться с...» – представляешь, как на такие фразы реагировали? Кончилось в психиатрической. Сначала у родственников спрашивали, замечались ли, мол, перемены настроения, приступы нелюдовости после морской катастрофы? Констатировали медицинский синдром утопленника, манию чудесного спасения с сопутствующим чувством вины, опасались, как бы не убил кого. Временно предложили изолировать. Он там вел себя хорошо, строчил дневник. Нашли однажды в аквариуме головой, захлебнутого. Уткнулся носом в декоративное дно, как свин

в корыто. Посещал его накануне некий знакомый, якобы друг отца, обещал на поруки взять. Но пациент на него ни за что накричал и ночью убил к рыбам. Королю вручено право казнить и миловать.

Аквариумные буквы, – лихорадит Ю, – мягкие плавники букв, парящие над затонувшей смолкшей головой.

– А дневник?

– А что дневник? Отрывки даже печатались в психоаналитическом ревю. Главный врач той клиники усматривает в сих текстах эффект «эмбриональной памяти», инцестуозную тягу к возвращению в жидкий внутриматочный рай. Таки аквариум объяснили. Virtuозно, мол, симулировал прогресс, и вот разрешили более свободный режим. Врач в ревю приводит интереснейшие сличения его истории с описанными средневековыми случаями одержимости гигантом моря, которую пытался лечить Блаженный Августин, а потом иезуитские монахи.

Ю видит: Король уже в другом, незнакомом ей, теле сейчас постучит в ее дверь, и она будет называть его на вы. – Да, уже, – скажет ей это неизвестно чье тело, а сам Король промолчит. За него говорят его куклы, для которых воздух горек, как

стеклянная пудра. Их сердце не бьется, и они не считают секунд. Ю помнит саму себя перед дверью человека, оплатившего «Стеллу». Сейчас она войдет и будет говорить про популярный туризм. Так принято. Никто из нас ни с кем из них, пока земля под ногами, не обсуждает Короля вслух.

Голоса никуда не делись. И ей становится хуже, тошнит от каждого слова, будто не говорят, а каплют на нее мертвой водой. Узнала голос рассказчика. Это СеЗ. Ну конечно, он самый тут медицинский, вот его и позвали. Ю не понимает, кто второй, и догадывается, откуда каплет такая невидимость удушливая, – всего лишь ее собственная «маска сна», популярная в самолетах, всегда с собой, с того самого рейса. Забытая на затылке во время водного удара, зацепленная за шею ремешком, единственная личная вещь, врученная ей по выходу из клиники четыре года назад. Ну, платье еще, конечно, но платье ведь одежда, а не вещь, – считала Ю шаги, комкая маску в кармане, на пути к распахнутому авто, в удобных объятиях семьи.

– Почему же вы согласились плыть сюда, если такое знали?

– Попробовал бы я не... Один отказался, сказал,

что послетого, как, ну вы понимаете, не может близко водоемам, лучше умрет, позвонил мне накануне и так и отрубил: я – пас. Это твое дело, решай, я сказал, жаль не вместе отправимся, куда приказали ... Утром его нашли надне ванной с распухшим лицом и глазами, как стеклянными, сам видел в смертной хронике. Ну, тогда уж наверняка решил не бегать, собираться, все дольше протянешь...

– Я тоже слышал похожую, нето в фонтане, нето в бассейне, не верил в Короля и считал его актером, а точнее, актерской группой, которая нас шантажирует, внушая ложные воспоминания, провоцируя галлюцинации...

Их панический шепот как звук, отдельный от ее внутреннего фильма: Ю маленькая, кидает камушек. Летит удивительно далеко. И посередине озера, там, куда он упал, поднимается глянцевый столб выше неба и сквозь него.

– Ты слышал, что случится? Винт высоко над полюсом распылит, что надо, и Антарктика испарится с невероятной скоростью. Это же тайфуны, цунами, торнадо, роствод, вся мягкая земля поползет, реки взбесятся, выгнутся вверх, покинут берега, выкручивая мосты, унося всех....

Ю чувствует себя в пустой лодке. Лицом вниз на дне. Нельзя ответить: как это лодка «пустая», если Ю в ней есть? Почему-то она не считается. Борт лодки вровень с водой – таков вес пустоты. Невидимый в воздухе груз. Вот-вот зальется внутрь, но нет, не хватает буквально одной капли. Ю узнает лодку, та самая, что отправляли к тюленьим скалам, хоть и непохожа. Лодка потихоньку раскачивается, будто раскаивается, и вот уж точно должна зачерпнуть. От этого, и еще от собачьего лая, она очнулась с мгновенной мыслью: нет, здесь же не может быть. Никаких собак. Это касается только людей. Значит, это мой лай, у меня внутри? Так далеко. Там, где лодка.

Стягивает сонную маску лица. В четверть силы рдеет лампа. В каютеникого. Значит, голоса тоже снились, или шептавшиеся ушли.

В простуженном рыхлом горле будто проглотила метр бахромы.

Для тех, кто не дышит, воздух стал толченым стеклом.

8. – Знаешь, какая у меня забава любимая? – спрашивает писаря серфер, срочно вспоминая

всем телом недавно проглоченную книжечку «Са-
мозащита женщин».

– Нееет, – заглядывая подростку в глаза, ЮЗ себя
убеждает: кажется, воробышек начал подаваться...
вежливое насилие – ключ ко многим сердцам.

– Я, зажмурившись, ложусь в ванну и там, ушами
в воде, слушаю голоса, слышу слова, Король отда-
ет приказы своим.

– Разве он с кем-нибудь говорит?

– А почему нет? Ведь я слышу. Да, приказывает,
и принимает подношения, разбухшие головы на
подносах. Жутко и приятно.

– И что они говорят, именно, расскажи мне? –
ЮЗ размазывал За по двери, явно собираясь лиз-
нуть или укусить его щеку.

– Пока я слышу, вроде бы понятно, но как толь-
ковынырнули или просто разожмурюсь, уженичего
не помню.

– Ты всегда слышал или только после...

– После... Конечно... – нарочито громко отвечает
парень, выхватываясь из ласковых твердых рук.

– Зажмурься сейчас, а я стобой поговорю, потом
скажешь, похоже или нет, – попытался ЮЗ задер-
жать его.

– Мы не в ванне, – мальчик вырвался окончательно.

– Я хотел бы побыть с тобой в ванне

– Чтобы слушать? – За вывернулся и сел на стул так, чтобы к нему неудобно было подойти. Казалось, его не злит, но смешит вся эта игра.

– Ну конечно, мы бы слушали вместе, как Он путешествует, останавливаясь в галереях подлодок. Входит взатонувшие самолеты, ставшие одним, трогает штурвал, но главный Его дворец...

– На Титанике? – вмешался За, пуская Юза к своим коленям.

– Нет. На русской орбитальной станции, что покоится в океане.

– Но ведь она рассыпалась, показывали в новостях, – разочаровался малыш, закрывая рот Юза ладонью.

– Молодой человек, – снисходительно чмокнул подростковую руку писарь – важно, что она зато-ну-ла, главное, что была за-топ-ле-на, – после каждого слога он смачно щелкал пальцами.

Засмеялся, запрокидываясь назад. Какой неотвязчивый врун – не без нежности думал он.

– Ты помнишь, как целовал кольцо?

– Оно холодное.

– Однажды Он нас всех заберет в свой темный холод, но мы не замерзнем, правда? Может быть, после завтра, когда взлетит этот вентилятор.

– Я знаю только, что он приказал мне плыть сюда.

– Он пришел к тебе и сказал. И к другим пришел тоже. Ко всем по очереди, интересно, к кому-то первому, или ко всем нам одновременно? С учетом часовых поясов? А если кого-то не оказалось дома, зашел позже? Представь себя вездесущим наблюдателем, сразу во всех местах, как система камер с единым пультом в торговом центре. Как выглядят эти одновременные встречи с Королем? Как говорят его несколько голов в нескольких странах на нескольких языках в одну и ту же минуту? А если мы не одни плывем сюда сейчас? Ты думаешь, нашей вертушки хватит? Представь, что несколько кораблей идут вдоль льда, каждый своим курсом....

Продолжая сидеть, За нацелил сжатые колени ему в лицо, а ЮЗ перестал спрашивать и бессильно засмеялся.

– Ты обещал научить меня в шахматы, – напомнил серфингист.

– Все действуют ради Короля. Самая ценная фи-

гура – Король, – новым голосом сказал ЮЗ, вставая сполна и включая полный свет. – Он же и самая беспомощная фигура. Ты недумал, зачем Король поставил наши буквы рядом, а точнее, дал мне и твою букву тоже? Что-то ведь имелось в виду.

– А что, Ю тебя уже отшила с этим? – скалится находчивый мальчик.

9. – Разве наше спасение, отсрочка, не чудо? – голос СеЗа успокаивает муслима и самого СеЗа.

– Я скажу вам о чуде, – смиренно отвечает ЮВ, – будущий пророк, апока мальчик, которого кормят взрослые, рассказывает им, как сегодня шел он, один, и навстречу два человека, белых и непонятных. С собой у них были изумрудный драгоценный снег на солнечно блестящем блюде. Они открыли мальчику грудь и умыли в снегу его сердце. Из этого органа, тикающего, как часы в их руках, выжали тяжелую темноту, сказав: «у всех есть, а у тебя не будет». И отдали сердце назад. Взрослые посмотрели грудь мальчика. Никаких следов. Как же? – спросили они. А мальчик думал: что им отвечать? Ему не резали грудь, у белых не было ножа, она открывалась и закрывалась послушно, словно глаз.

Разговор СеЗа и ЮВа продолжается, хотя каждый уже в своей каюте. Отом, что убийственно щекотная вода над и вокруг тебя есть голодное стекло, а ты заперт в безвыходных кишках корабля, и они приводят к Королю. О желании прыгнуть и нестись ядром навстречу собственному отражению. Совпасть.

Что же до того, что беседующие друг друга не слышат, это ничему не мешает, ведь они с самого начала друг друга не слушали.

10. «Не рожденный в утробе гоняет через себя воду. Человек возникает как водный подданный, хотя и выше морского уровня, насильно выдавливается наружу из этого утробного океана, обжигается воздухом и не может потом кому-то простить этого всю жизнь. Не значит ли это: каждый, от зачатия до рождения, принадлежит Его власти и должен к нему вернуться навсегда? Если так, наши отношения с Королем начались раньше, чем мы можем помнить.

Король спускается очень глубоко, к своим плантациям. Икринки растут, беззвучно покачиваются на тонких до невидимости нитях. Созрев, сры-

ваются вверх и всплывают, медленно раздаваясь в размерах, так как давление слабеет. Через девять месяцев на земле «рождается» тот, кто благополучно достиг воздуха. Перед Королем лежат будущие жизни. Поля нежнейшего отзывчивого жемчуга. Король касается плантации пальцами, гладит ладонью живой ковер – начинается их лунное всплытие к небу. Тысячи икринок салютуют. Иллюминация. Фейерверк.

«Подданные не дышат в жидкой, спасаемой от света, ласковой мгле, как и будущие дети в утробах» – кто и кому объяснял это, Ю решила переспросить писаря.

Дальше было про мальчика. Он захлебнулся при крещении в реке. К водопою вышел лев, и епископ разжал руки. Ребенок вернулся в село ночью сам и стал проповедником Короля. И нечто еще об общинах, крестивших себя водой, – не читаемый почерк. Или Ю не знала этих слов, или они были написаны неправильно. Упоминался также, кажется, Антоку, семилетний японский Император, и некая госпожа Ни. Плюс нежелательные на земле младенцы, вернувшиеся к Нему и никого не помнившие, – украшение королевского двора.

11. СеЗ снова ждал всех, а точнее, желающих у бликующей карты. Ю думала: снова тренинг, и придется, как в прошлый раз, трогаться ладонями в темноте. СеЗ говорил тогда закливающим голосом: «Кто собрал нас здесь? Король? Кто закупорил нас в этом пространстве? Мокрый ветер? Прежде всего, у нас есть общая травма. Опасное для жизни событие, связанное с водой. Что есть наш страх?..»

На ее памяти были три подобных «терапии». СеЗ учил бороться руками, лежа на спинах, глазами в потолок. Это было не очень ловко на полу, но никто не отказывался, других развлечений на «Стелле» не было. Еще СеЗ умел вот какой фокус: зелеными чернилами писал на карточке слово «красный» и показывал каждому, без свидетелей, а после, спрятав, спрашивал, что это был за цвет? Пятеро из восьми, по словам СеЗа, сказали «красный», то есть неправильно. И только трое не поддались. Ю оказалась в обманувшемся большинстве, хотя и надеялась, что просто не поняла вопроса. Хуже других знала язык, на котором все тут общались.

Сегодня все выглядело иначе, напоминало заурядную вечеринку.

– Я хотел бы напомнить, сейчас рождество, – начал СеЗ, шуточно целясь в лампу бутылкой шампанского, – поэтому мы здесь, – пенясь и сверкая, струя делилась в бокалы, – если бы не Король, никому из нас никогда бы не исполнилось столько, сколько исполнилось. Так пусть это будет наш общий второй день рождения. Рождество нашего Короля, хоть такая дата и условность. Любая дата – условность. Вот мой тост.

Все взмахнули красивым хрусталем навстречу говорившему и сделали свои глотки. В пальцах мусльманина взлетел клампе, карте, качнулся над головами прозрачный очерк, означая глоток, запрещенный Всевышним. Чистая форма. Пустое стекло.

– Однако, имею сообщить вам, случаются дни поважнее, чем день рождения. Со всякой вещью, я не говорю уже о существе, бывает кое-что посерьезнее, чем явление на свет, – если на СеЗа смотрели и слушали его, он останавливаться не умел.

– Завтра именно такой день, господа, мы запускаем нашу вертушку, и я уверен, для любого из нас это самое стоящее событие. Так выпьем же за нашего Короля! За утоляющего жажду! И выпьем

зато, что все мы здесь, такие неодинаковые, говорим на одном и том же языке. Выпьем же за этот язык!

Неодинаковые, да уж, – думала Ю, оглядываясь. У двоих Love, и они, мистик-графоман и отрок-спортсмен, пристают к мусульманину, не «повенчают» ли он их, сами не зная точно, что имеют в виду. Ссылаются на средневековые мужские гаремы прославленных султанов. ЮВ, кажется, далим нечто вроде согласия, лишь бы отстали. По возвращении. На берегу. Похоже, арабский старец переживает драму похорон своей души. «Король сменил мою профессию и занял меня вот этим вот зондом, кораблем», – не устает повторять всезнающий Эс, из чего видно, что «профессия» для него была всем. Между тем, никто здесь не может даже понять, чем он занимался раньше, настолько это специально. Об остальных она знала меньше. А я? – спросила себя Ю – постучавшая пару месяцев назад в дверь старого знакомого, чтобы очень его удивить. Оказывается, у меня есть мечта попасть на нижний полюс, и деньги на все это «дай мне, милый, именно ты».

– Сегодня предлагаю каждому раскрыться, – не унимался СеЗ.

– То есть?

– В конце концов, завтра день запуска, полетит волшебная пыль. По-моему, по праву рассказать, кто из нас как попал в воду.

– Мою историю вы знаете, – Эс считал капли в бокале, – я единственный с небольшого исследовательского, гораздо меньшего, чем этот, корабля. Если бы не тот случайный вертолет, снимавший кино. То есть, конечно, хотелось сказать, если бы не Король... Я оговорился, как это выглядело для не знающих, для всех, то есть, кроме нас, со стороны, с земли. Никто не может столько держаться на воде, даже если вам достался дутый жилет и обломок пенопласта. «Не приняла» – говорили. Я, как и многие, конечно, счел Короля галлюцинозом в первые дни на суше. «Гидрирующий бред» – определил психолог, которому я немножко намекал. Но вот Он уже стоял на моем пороге и протягивал мне для поцелуя чьи-то пальцы с кольцом. Его нельзя было не узнать в любом теле. К тому же я помнил перстень. Помнил не глазами. Конечно, я вспоминаю бывших со мной на яхте. У них остались дети, матери, никому, кроме них, не нужные, могли у них

быть невыполненные клятвы, обязательная месть, не записанные еще никуда, оставшиеся навеки взхлебнувшихся головахоткрытия, гипотезы, версии. Один из моих коллег утверждал, что додумался до вечного двигателя, работающего благодаря притяжению Луны. Ну, то есть относительно вечный механизм. Вечный, пока есть Луна. Я никогда не узнаю, что именно он имел в виду. Возможно, однажды я спрошу об этом у нашего Короля. Ведь изобретатель давно поподданный. У меня не было столь амбициозных идей. Была ни с чем не согласная прихоть жить, и только. Значит, я оказался на воздухе нужнее. Наверное, объясняется так.

– Я расскажу, как я пропал. Кайтсерфинг, – начал мальчик («змеесерфинг» – спохватилась Ю), – катаешься на доске, держась веревкою за небесного поводыря.

Их обоих, змея и мальчика, унесло молодым ураганом очень далеко. Где они расцепились и как он полетел в океан, уж никто не видел. Кататься в такую погоду решил, потому что смотрел нечто подобное в кино.

– Лило тогда, на десять метров не видно, белой бурей. Меня так и не нашли. Удостоившись мило-

сти, скрывался, изменил имя, адрес, выучил другой язык, не хотел в прошлое и очень благодарен Королюзатакоепревращение. Я сразу в него поверил, не думал провидение, сомной, наоборот, ничего реальнее никогда не происходило. Я все для него сделаю, это не слова.

Потом слушали про судорогу в озере. СеЗ пообещал местным сфотографировать затонувший зимой, два века назад, ратушный колокол. Подводного фотографа на поверхности не дождался. На следующее утро в теленашли. Спасателей только зря подняли на ноги. Водолаз лазил полицейский. С этого начался путь СеЗа в психоаналитики.

– Погружался у опор бывшей пристани. Старые камни хлебного цвета. Честно говоря, я нырял не очень-то трезвым, потому и поспорил, что найду тот «Хелл-белл». Бессознательно мог сам выключить себе воздух в приступе нездорового страха за то, что ничего не снял. Удушье, встречу и присягу списал вначале на алкоголь. Нетвердо помнил. Или на обморок. Случаются же после травм такие сны, загибающиеся в прошлое, ложные воспоминания разные. Однако через пару дней меня окликнули по имени на улице, в городе, где я никого не

знал. Это был вежливый пожилой человек в годах. Так мог бы выглядеть мой школьный учитель, ну, в смысле возраста и осанки.

Еще один запутался в сетях. Излагал столь же путано, явно привирая. Намекая на какое-то особое отношение к себе.

Дошла очередь и до Ю. Вышло очень по-анкетному, как в газетной хронике, где с подозрением смотрят на любое лишнее слово.

– Как бы я выглядела после? Вот что меня мучит, – призналась, уже все выложив. – Надувное лицо, как воздушный шар с глазками-щелками, узенькими, будто нарисованными. Никто не смог бы меня узнать, даже самые ближайшие. Ну, только по платью. Если бы кто-то меня увидел, его бы передернуло. И руки тоже станут скользкими подушками, на них уже не останется линий, по которым узнают жизнь.

– Портрет Офелии, – дурачится ЮЗ. Вымученный юмор, чтобы снять общую нервную серьезность.

– Я думала как раз об этом, представляла свой расплавленный водой портрет, когда девочка подошла ко мне в водворе университета, не улыбаясь, молча, протянула конверт с нынешней судьбой

внутри, а снаружи со впечатком Его перстня. Такое пятно вряд ли перепутаешь. Я смотрела вслед этому ребенку. Девочка ушла туда, где за углом автобусная остановка. Не знаю, села ли она в автобус.

12. «Море – его бескрайний флаг. Вода – его воздух. Океан – то, что делает его невидимым. Что такое волны, как не вечные аплодисменты нашему Королю? Приливы и отливы вместо вдохов и выдохов» – на этом тетрадка писаря заканчивалась. Вклеено фото модернистской скульптуры – прозрачный мягкий человекообразный аквариумскими рыбами.

13. – Такая тоска внутри, заполнила меня как желе и наружу не выдавливается. Мне кажется, мы не вернемся.

– А куда бы ты хотел вернуться?

– Я в разных местах занимался серфингом. Искал волну. Ты, конечно, не знаешь, есть ресторанчик на берегу, в Махабалипураме. Каменные слоны в натуральный рост, но я хочу не к ним. Бенгальский залив. Я часто сидел там, поездив на волне. Рядом смешная такая стена с наивной росписью:

под пальмами нарисована семья. Мама-папа-дети за столом, белая скатерть. Вокруг них цветы, горы, джунгли. И ходят разные динозавры с высокими шеями, кушают листья с пальм, купаются в озере, нетрогают людей, у них тоже обед. Рай нарисован. Теней там нет. Ты сидишь в кафе, слушая океанский шум, хозяин подходит вежливый и на таком же, как твой, приблизительном английском говорит, как он тоже любит путешествовать. Гекконы бегают под лавками – миниатюрные копии добрых динозавров с ресторанный фрески. Рыжие. Звучит индийская музыка. Под пальмовой крышей в крупных перламутровых раковинах лампочки включаются. Загорелые, как темное дерево, люди идут от пляжа или к пляжу. А ты все смотришь на эту шуточную живопись – семья ест, мир цветет и динозавры пасутся. И нет никакого чувства, что ты что-то приобрели или потерял. И нет надобности в этом. А есть только мятный чай и тигровые креветки на тарелке. Мышцы отдыхают. Вот куда бы я хотел вернуться. Мы не так уж и далеко, если смотреть по карте. На крыше низенького дома напротив тамильская женщина расчесывает свои длинные черные волосы, и понимаешь, глядя на нее, что вот

сейчас, от каждого твоего движения, зависит будущее. Тронешь ты стакан чая левой или правой рукой, и с этого начнется один или другой узор твоих событий. Их будет очень много, годами, но однажды ты вернешься сюда, к добрым динозаврам, и снова увидишь женщину, делящую волосы гребнем, и, может быть даже, войдешь в еedom, поднимешься на крышу, а она тебе скажет...

– Что же она скажет?

– «Собака всегда возвращается, если зарыла кость». По-тамильски, ты не поймешь. Поговорка. Может быть, дело в музыке, которая там везде и всегда играет. Счастье просто лежать у бассейна, наблюдая таяние темной пятки на кафеле, твоей же, ты вынырнул несколько секунд назад.

– А я бы вернулась в Париж. Например, к фонтану Стравинского. Там в вечерней воде танцует веселая клоунская механика. И плавают прямо в шумном мраке листья платанов. Отражается готический улей с одной стороны, а с другой – огромная стекляшка Бобура в пенящейся тьме. Можно пить кофе прямо на ступеньках. Мальчишки-роллеры проносятся вокруг, у любого из них, если тебе тоскливо, можно купить веселье и стать само-

му одной из игрушек фонтана – русалкой, скелетом, мотором с двумя брызгалками, улиткой, змеей, попугаем, мокрым блестящим сердцем, скрипичным ключом, хвостатыми губами. Видишь, я помню их лучше, чем людей.

– А я бы хотел позвать вас всех в Стамбул. Там на Диван-Ялу средневековое кладбище и чайный домик над белыми могильными столбами. Они растут из мрамора, как сахарные головы. Ты сидишь на ковре, пьешь чай или сапеп, если прохладно. Или куришь яблочный табак в наргиле. Солнце садится. Чайки прилетают спать на могилах. И тебе никуда не надо. Ты просто есть.

– А вам не кажется странным, что все мы вспоминаем кафе? Все мы хотели бы вернуться в кафе, а не, скажем, домой.

– Ты сам первый так начал.

– Видимо, задал тон.

14. В день запуска зонда, хотя день здесь есть просто число часов, Эс поднес зажигалку к записной книжке и досмотрел, чтобы она совсем исчезла в пепельнице. «Стелла» замерла по его приказу. Сотовая связь перестала работать у всех. Радио тоже,

а совсем недавно там шли обычные новости, чей-то новый альбом. Вспомнил идола с авиавинтом вместо головы в брюссельском аэропорту. Компьютер закончил чистку основного диска. Другой диск Эс положил в грудной карман, подумав: «Передам лично...». Вышел, забираясь в меховую куртку, мысленно улыбнулся: «вот ведь, забочусь себе, не хочу, чтобы было холодно». Поднялся на нужную палубу, поклонился и швырнул тело в волну, комично вздргнув ногами, словно перескакивая очень высокую скакалочку, которую нельзя задеть.

– Есть золотой барьер, и его может пройти любая вещь или существо, – говорил между тем один голос другому у иллюминатора. – Это происходит незаметно, ни внутри, ни снаружи ничего не меняется, лежит что-то себе тихо на месте, но, однако, в такой-то час-минуту-секунду времени масса этой вещи или, скажем, некоего лица становится дороже золота в пересчете на граммы. Это самый важный и тайный миг в истории любого физического тела. Оргазм материи. С большинством такого не случается вообще, а у некоторых он может много раз наступать туда и обратно.

– Я не понял, вот, скажем, моя трубка и такая же, только из золота, так что, если я вам продам свою вишневую по цене ее золотой сестры и вы купите, тогда это таинство произойдет, или как?

– Нет-нет, речь идет не об аналогичной форме или объеме, но именно об их весе, сопоставимом с золотым, в граммах. О земном притяжении, если разобраться, выраженном в золотом идеальном эквиваленте.

– Но позвольте, – вмешался третий, – цена золота на рынке также меняется, значит, этот момент «подлинного дня рождения» зависит не только от судьбы тела, но и, скажем, от рыночной дрожи, от стоимости изолотых граммов в данный час. Если, скажем, желтый металл обесценится...

Владелец первого голоса саркастически взглянул на спорщика, но ничего пока не ответил. Он размышлял, стоит ли объяснять, что нет никакой отдельной судьбы тел и существ, а есть только общая, неразделимая, стоящая за и над любым рынком. Или знание этого дается без разъяснений и не вталдычишь? Возникла пауза.

– Вон, смотрите, идет наш Эс, вот чей мозг одолел не то что золотой, а платиновый барьер. За

грамм этого мозга, как ты думаешь, дадут грамм обогащенного урана, или все-таки нет? – расштутил негативную паузу второй голос.

В этот миг, за круглым стеклом, Эс бросает себя за борт, но возможные свидетели отвлечены своим драгоценным разговором:

– И золото, понимаете, я имею в виду самой чистой пробы. Так делятся люди: те, за кого уплатят, в случае нужды, столько, что каждый их килограмм обойдет золотой, это одни существа. Их жизнь, работа, отдых и смерть ничего не имеют общего с жизнью, работой, отдыхом, смертью тех, кому не суждено перейти золотой барьер. Все люди имеют ценностные аналогии в мире известных нам металлов, и положение каждого может быть понято только исходя из цены металла, с которой он совпадает в данный момент.

– Потому-то я и не думаю, что мы все утонем, останемся в нижнем полюсе. Мы, как вы могли заметить, люди разные, а значит, и дальше Король прикажет нам по-разному жить. «Стелла» – временный сплав.

Сказав это, человек слишком задумчиво глядит в стекло и начинает понимать, что увидел толь-

ко что. Подходят другие, проснувшиеся пассажиры. Все выбегают на воздух. Никто не замечает, что больше не холодно. Или просто не мерзнут? Никто не замечает, что все выстроились на носу умолкшей «Стеллы» по порядку, согласно своим географическим именам. Нет только Эс. Он растворяется там, в воде.

Начались мысли:

Просто так за борт не прыгают, это был, может быть, приказ Короля? А почему «Стелла» остановилась, кто это приказал? Эс? И имеют ли теперь силу его приказы? – думает ЮЗ.

Никто без Эс не сможет обойтись ни с зондом, ни с порошком, – думает За, – и где сейчас порошок? Может, тоже в воде?

Теперь придет Король, ведь Эс сейчас же у него, объясняется. Как придет? Откуда возьмется? Или ждет нас там, на ледяном берегу, которого, кстати, совсем не видно в тумане. Или не придет, проверяет? Что мы будем? Поворачивать? Пробовать зонд самим? Двигаться, пока соблюдая вчерашний курс? – думает СеЗ.

Он перешел сейчас из второго сословия в первое,

и, значит, ему не вернуться. Этого ли хочет Король от всех нас? Смотрел ли Эс на корабль, уже в воде? Или не смотрел? – думает СеВ.

Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммада его пророк, – думает ЮВ.

Четки в его пальцах звучат, как капли с дерева после дождя, – думает Ю.

15. Никто из них не заметил безволния. Как не заметили отсутствия команды и всяких ее признаков. Вода плоская стала, остановленная, недвижется. Кисель-желе-стекло-сталь – сравнить некому. Эс принес жертву, вот и успокоилось. Ю поднимает голову и видит: там, где недавно находилось небо, отражаются они все – задранные лица, палуба, «Стелла», плоская вода. Ближе, чем зеркальный потолок в ее любимом кафе, – поднимешь руку и тронешь свое отражение. Корабль влип в абсолютную гладь. И вот она снижается навстречу самой себе, убирая зазор, снимая вопросообразцах и копиях. Ничто не будет копией. Ничто не было образцом. Словно лезвия сжимаемых ножниц. Поцелуй двух зеркал. Взаимопожирание. То, чему нельзя быть свидетелем.

Вадим Калинин

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

*О Мэри! Мы полюс видали!
Я привез тебе пингвина!*

В. Набоков «Полюс»

Тем, кто сидит во льдах, посвящается

Заинде воено утроз атерјанној вледјаној пустиње палатки полярног истраживача. Ву глупо покривене и не емружја, в центре палатки не дојдена глава белог медведа, у входа распакован теодолит и в орох почти спљош покривен белым пјатнама карт. Возле самог полога переступа лапма неверној и бодрој, улыбајућ сја друг-пингвин. Сам истраживач седи на продолговатом, промерзшем јашике из-под винтовок Купера. Ниже појаса он укутан во медвежју шкуру, выше в тежело оленју шубу, все это такође покривено и не емисосулками. На главоу него оторочен мехом кожан шлемофонс противоснежним очкама. Перед истраживачем квадратна зелена јашица крупној, во појеној по трафарету, надпису «SPAM». На јашике коротень-

кая оплывшая свеча и стопка листов хорошей английской писчей бумаги с вычурным вензелем в верхнем правом углу. Исследователь пишет письмо. Камера перемещается за плечо пишущего, и мы видим бегущие по бумаге английские каллиграфические строчки, тут же превращающиеся в русский перевод, выполненный сознательно меньшей аккуратностью. Одновременно приятный мужской за кадром голос мягко и размеренно читает нам написанное исследователем. Постепенно из глубины письма начинается сочиться сначала слабый, а потом все более яркий, нежный розоватый свет, и за все менее отчетливо видными нам строчками проступают иллюстрирующие содержание письма, расплывчатые и искрящиеся по краям жанровые сценки.

Текст письма:

Здравствуй? нежная и далекая моя Мэри! Вот и пришла пора прощаться. В ближайшее время я либо замрзну, либо умру голоду. Сегодня утром мой единственный, верный и бодрый друг пингвин сказал «кряк». Я знаю, это верный знак скорой моей кончины. То же самое пингвин говорил и перед тем, как умер от клыков стремительного алчно-

гоморжазадумчивыйкриворотыйКайлМордахью (передайпоклонеговеселойодноногойтолстушке Джози). Тот же «кряк» слышали мы, когда я, промерзшими в синеву пальцами, преломил последнийогурецсугасающим отцингилордомБлинорваном. Теперь моя очередь. Обо мне прокрякал верныйибодрыйдругпингвин, онзоветмоюдушу к вечным странствиям в ледяном, пронизанном нестерпимым светом безмолвии. Кстати, яничего кроме «кряка» не слышалотэтойболезненножизнерадостной птицы на протяжении всего нашегосчастливогопутешествия. Мнестраннодумать о том, возлюбленная моя Мэри, что когда-то мы с тобой ели. Ели упругие пахучие маслины, твердый, лаковый помидор, анчоусов пальцами из солевой продолговатой банки... да чего мы только не ели на протяжении пяти с лишним лет нашейсчастливойсовместнойжизни. ОсобенноярковспоминаетсямнесейчасотпронизанныйвечернимрозоватымсветомиюльскийвечеруКаскервилей. Помнишьпостриженныекубикамикуртины, шуршаниешелковыхплатьев, запахультрафиолета, скошеннойтравыитойособеннойлетнейпыли, котораявьетсяясветовомстолбе, откруглогочер-

дачного окошка до дощатого, щелистого пола, перед четырехлетней, в розовом атласном платье, девочкой с огромным белым бантом на спине. Передомной отчетливейшей, но, к сожалению, немой картиной стоит та сцена, когда из арочного дверного проема решетчатой, заросшей плющом беседки появилась большая кремовая фарфоровая супница, полная куриного сошпинатом навару. Этот ароматный сосуд занял собой центр круглого стола, и мы, до благородной отрыжки наигравшиеся в крокет, голодные, затянутые кто во что, чопорные гости, потянулись к супнице телами, лицами, носами, не смея поднять чуть смещенной набок, окутанной паром крышки. И тут ты, Любовь Моя, сама воплощенная страсть, рванулась вперед, практически вывалив из декольте свои толстые, конопатые, в капельках пота... сорвала крышку, отбросила ее в один из углов беседки, задев по лицу носатую, безответную Линду Крокенгам, и, даже невзглянув на прыснувшие снежнейшим звоном во все стороны осколки дорогого фарфора, погрузила полкоть руки в цвета слоновой кости густой куриный суп. Ты несла ко рту большую, обтекающую жирной влагой куриную ногу, и, казалось,

черные волоски в мутноватых капельках над твоими толстыми всегда влажными губами шевелились жадно, наподобие стрекательных нитей актинии. Жалкие людишки замерли вокруг стола в нелепых колючих позах, жир, брызнувший во все стороны, когда ты, любовь моя, рвала к себе обнаруженное в глубинах супницы съестное, стекал по их изумленным застывшим лицам, а ты впивалась зубами в мягкое, разваренное куриное мясо, и темные островасальные пятна расплзались по бледно-оранжевому шелку твоего кринолина. Бульон тек в твою декольте, а я только что произведенный офицер, стоял в углу, не имея возможности оторвать взгляд от твоих огромных волосатых, с заскоружеными ногтями рук, сжимая в потной ладони горячий, дыбачийся конец рукоятки своего эспадрона. Твои руки... Твои широкие, мозолистые, как у гробца, ладони, жесткие, черные волоски, широкие, твердые ногти.

В то утро, когда я впервые проснулся от упавшего мне на лицо косоугольного луча и понял, что сейчас надену не жалкий школярский сюртук, а самый настоящий, зеленый с густым косматым эполетом офицерский мундир, отец под-

нялся ко мне и сделал мне жест рукой. Не успев одеться, в длинной ночной рубашке и в тапочках, я поспешил за ним в библиотеку и, через потайную дверь, вниз, в темные, пропахшие плесенью, крысиными катышками и давней, едва ощутимой смертью подвалы нашего замка. Фонарь плясал в отцовской руке, выхватывая то одну, то другую мрачную подробность не слишком изящного подземелья, а я словно сжимал в глубине души разбудивший меня солнечный луч, сладостный пук эполет, жесткие волосы стильной стороны твоих виденных на вчерашнем приеме ладоней – так, как мальчик сжимает, стоя посреди отцовского кабинета, сташенный за обедом кусок сахара. Наконец, скрипя, открылась овальная, медная, с мутным стеклянным оконцем дверь, и мы оказались в лаборатории. Вдоль стен шли стеллажи, полные чертей и высоких желтоватых цилиндрических банок, в которых плавали части мертвых тел животных и людей. Над нами в вышине, на причудливых цепях висело деревянное колесо с укрепленными по кругу парными электродами, между которыми билась крепкие острые зеленые молнии, заливая помещение бьющимся, неровным, неестественно

ярким светом. Посреди дубового стола возвышался огромный, желтого стекла лабиринт, соединенный проводами и трубочками с многочисленными латунными, с дрожащими стрелками, приборами и бурлящими разноцветной жидкостью сосудами, освещенный лампами разных цветов, манящий, загадочный. Я приблизился и рассмотрел сооружение. В глубине лабиринта, на дне конической колбы, имеющей три выхода, застыла одетая в зеленую бумажную курточку белая, красноглазая мышь. На спинке мыши была аккуратная надпись синими чернилами: «Джерри», мое имя. Напуганный происходящим, я обернулся и посмотрел вопросительно на отца. Тот засмеялся в усы и нажал на столе крупную, в ладонь величины красную кнопку. Тут же под столом пришли в зацепления какие-то огромные зубчатые колеса, и, дрожа и позванивая, через отверстие в столешнице поднялась высокая желтая банка, в которой плавала большая, волосатая, грубая рука, твоя рука, Мэри. «Сынок, – начал отец, добродушно ухмыляясь в бороду, – сегодня уйду, оставляю тебя одного... Нет, никаких возражений, все решено за нас, и решение это неоспоримо. Уходя, я хочу оставить тебе,

в память отвоем добром отце, самое дорогое, что у меня есть, – правую руку твоей матери». Я зажмурился, что-то неглубоким, латунным звоном хлопнуло в моей голове, и вот уже мы, ты и я, стоим перед алтарем, и я держу в своих тонких, затянутых в белые перчатки пальцах твою грубую корявую ладонь. Твои руки, Мэри! Да, твои заскорузлые, широкие руки, твои грубые, голенастые, покрытые густыми волосами ноги с широкими ступнями, издававшие тот характерный странный запах, из-за которого большинство моих старых знакомых перестало у нас бывать, все это манило меня, за все это я готов был отдать жизнь, состояние, даже эполеты тогда я мог отдать, лишь бы не потерять тебя, моя Мэри. Старые мои друзья покинули меня. Зато нас окружили новые люди, с широкими, но здраватыми лицами, со скрипучими, разрушенными голосами, с расхристанной пьяной повадкой. Когда ты, Мэри, и твои друзья всю ночь пили теплый порто, разбавленный ромом, когда по утрам вас выносили из гостиной слуги, я глядел на оставшиеся после вас на полу смрадные лужи и всякий раз думал. Я думал о том, почему у нас стобой, любовь моя, нет до сих пор детей. Я думал, уж не мужчина ли ты, моя Мэри?

Прощай, Мэри! Я замерзаю, а может быть, умираю с голоду, и вот что я хочу сказать тебе на прощанье. Ты сука, Мэри! Ты блядь и мерзавка! Ты толстая тупая вонючая скотина! Потому что ты сейчас жрешь перед камином каплуна, бросая кости в китайскую вазу, и орешь на слуг, а у меня уже отмерзло все, что ниже пояса, и скоро отмерзнет то, что выше. Потому что именно из-за твоей манеры, напившись, испражняться на мои крахмальные рубашки поутру, требуя любви, будить меня ночным горшком по голове, я и оказался за тысячу миль от дома, в затерянной в ледяном безмолвии, промерзшей насквозь палатке. Прощай, Мэри, прощай, мерзкая су...

Иней сковывает руку исследователя и быстро продолжает подниматься по его туловищу, исследователь еще какое-то время пробегает глазами по написанному и что-то бормочет, но вот мороз сковывает и его голову. К исследователю подходит бодрый и верный пингвин. Он роняет за леденевого исследователя на пол. Тот падает следяным стуком. Из винтовочного ящика пингвин извлекает картуз и сумку английского почтальона. Картузон надевает на голову, сумку через плечо. В сумку пингвин помещает письмо.

Наконец пингвин выходит из палатки. Щурясь от ослепительного света, он надевает лыжи, подпрыгивает с совершенно поразительной скоростью и бежит по целине к горизонту, в юго-западном направлении.

Конец фильма

Виталий Пуханов

СТИХОТВОРЕНИЕ

На севере жила сволочь.
Стояла полярная ночь.
Сказали: «Сволочи нужна помощь».
И мы обещали помочь.

Волокли топями, буераками
Себя, как уголь, на край земли.
Лаем плакали, шли собаками,
Но сволочи той помогли.

Андрей Родионов

Стихи

* * *

не соломинка между кубиков льда
ось земная бикфордов шнур
скажи, Чилингаров, зачем сюда?
может здесь нет ничего, Артур

северный океан промерз
белый океан, Родины парус
тут не выдержит даже морж
тут выдержишь только ты, Чилингаров

в северный океан льдов
чтобы как следует отглядеться
на эти высоты Георг Седов
забрался, забыв потеплее одеться

как пройдя чуть более ста
мизерных – по современным меркам
протянувшегося до полюса льда
из двух тысяч безжизненных километров

ты жестоко морозом убит!
сквозь северный океан льдов
прокладывает ГлавСевМорПуть Шмидт
на в твою честь ледоколе «Седов»

так идет прямо до наших годов
Чилингаров в батискафе совершил нырок
закончив исследовать полюс вдоль
начинают исследовать поперек

но важнее достигнутой глубины
еще, как женщины твердят, толщина
и чтоб не испытывать чувство вины
в боевой батискаф тебя сажает страна

и посылает под толщу вод
установить посредством механических рук
флаг на дне, Север в целом живет
веселее, чем какой-нибудь юг

наш полюс – наша мачта,
ледяной парус страны-ладьи,
тема, которая русскими начата, –
будет продолжена русскими людьми!

сколько слышно тут стонов лукавых,
страна-агрессор... борьба за шельф...
в тусклую сталь боевых батискафов
зашей меня, Родина! Зашей!

хоть Север больше теперь не парус,
Север больше теперь не мечта,
Полюс – по-прежнему средний палец
указующий нежно куда-то туда

* * *

я увидел в Норильске город старый
фантастически страшный город древний
под черной скалою, под пылью ржавой
брошенный город, где воздух вредный

мне показалось – я в разрушенном Питере, даже
вспомнил слова – «Петербургу быть пусто»
передо мной была копия здания Эрмитажа
но окна с побитыми стеклами и не горят
нигде люстры

это не письменно, это устно,
так говорил мне жуткий дворец, мой учитель
дальше – пустая ржавая консервная улица
и белая полярная ночь, учтите

должно быть, в Норильске работали архитекторы,
которых арестовали в Ленинграде,
должно быть, это были люди из тех, которые
сохраняют чувство юмора, в глаза смерти глядя

должно быть, начальство хотело жить во дворце
наверное, здесь и балы и приемы бывали
а я варюсь теперь в этом каменном холодце
как анимационный робот Валли

о чем бы вы хотели со мной поговорить?
я только что приехал с Мемориала
там ветер, снег и с трудом можно закурить,
всю ночь ездят желтые самосвалы

я гуляю всю ночь, ночь белеет не зря
вспоминаю книгу местного журналиста
 о норильских природных богатствах
из которой неясно, где здесь были лагеря
я вспоминаю фильм Бондарчука по Стругацким

из этого фильма ясно, что в космосе
 у нас есть друг
когда я окончательно сопьюсь, он поставит
 мне капельницу
потерпи пока, говорят мне Стругацкие
 и Бондарчук,
пока полезные ископаемые еще откапываются

но у меня улыбка страшная и злая,
и во рту у меня зубы, словно улица старого
 Норильска,
я пою сквозь встречный ветер, и вам кажется,
 что я лаю
о последней последней войне третьей, римской

Константин Кравцов

Стихи

МЕРЗЛОТА

Как будто солнце неумело
Мое разламывает тело
И кормит дым, и кормит корни
Деревьев, розовых на белом,
Растет и птиц каких-то кормит
В пространстве одревенелом

Меня соткавшее светило
Мной сны свои сегодня кормит,
Как и меня оно кормило:
То дым, то розовые корни

И не скудеет эта пища.
О, простота ее святая!

**Сидишь в кругу небесных нищих
И не меняется их стая,
Земля в снегу – кормушка птичья –
Летит, летит не улета**

ДОРОГА

**Там шпалы облаками затекли
И нет границы неба и земли –
Одна лишь пустошь ягельного сна
Давно истлевших псов сторожевых,
Их вой, что пережил их в неживых
Пространствах бесконвойных, там луна
И солнца круглосуточного зрак –
Всего лишь зеркала прожекторов,
И, вглядываясь в свет или во мрак,
В воздушный лабиринт сходящих в ров,
Не Бога ищешь в небе, а барак,
Июньской тундры жиденский покров.**

ПАМЯТИ ОТЦА

Полуденный мне снится окоем
и нашей лодки на Оби прозрачный дом.

Олифлю крест в сторонне-праздничном саду.
На славу крест, отец, я глаз не отведу.

Промерзшим крестным садом – берега,
И явь солнценачная строга.

Ты снова на земле меня родил,
Сам невредимым сделавшись, отец.

Я вижу нашу лодку-кораблец,
Лучей непрогибаемый настил,
Дышу новопреставленной зимой.

Мы дети, папа, дети,
Нам – домой.

ДВОРНИК ВО ВСКРЫТОЙ КВАРТИРЕ
ВСПОМИНАЕТ ВОРОНИЙ ПРАЗДНИК

На мерзлоте в тот день, когда Архангел
Благою весть принес Отроковице,
С зимовья возвращаются вороны,
И назван этот день Вороний праздник

Там птиц иных не водится – вороны,
Не ласточки весну приносят в сени
Барачного ковчега, извещают,
Что кое-где уж вышла из-под снега
Земля нагая, как до погребенья,
И желтая, как глянец фотографий
С приветами из черноморских здравниц.

Рассыпаны повсюду эти снимки,
Но дворник их уже не замечает:
Сам, как ворона, в ватнике глядит он
В твои владенья, солнце самоедов, –
Безумия врата, врата ночные
Из ясписа, сапфира, халкидона...

РУССКИЙ АВАНГАРД

*Кругом возможно Бог
Введенский*

**Флоренский, мерзлота, косые сваи
Бараков детских – мокрых стойбищ крика,
Над ними краски зиждутся, истаяв
До костной ткани содранного лика,
И ягелем горит изнанка слога:
Бессмыслицы звезда или икона
Отсутствия кругом возможно Бога,
Светла погода, облакопрогонна,
Тряпичной куклой вмерзшее страданье
Вербует крестной славы очевидца,
Квадратом черным дышит, иорданью,
И тундрой яко ризой облачится.**

ЯМАЛ

1.

*Светлая погода приходит от севера
и окрест Бога страшное великолепие
Книга Иова*

**Багровый след оленьего забоя,
Фисташковый, кровавый этот лед
Над головой пропащею, люблю,
И твой, моя жар-птица, самолет
Над мерзлотой, над тундрой голубую,
И вот не остается ничего –
Лишь та земля, где маялся с тобою,
И нагота, и Царствие Его**

2.

Яко земля еси и в землю отыдеш

Книга Бытия

**И называлась та земля Ямал,
Но говорить я власти не имел
И имени ее не называл**

**Оленьих улиц плыл дощатый мел,
И посреди до дна промерзших вод
Вмерзал в зодиакальный хоровод
Котельных дым, добра нам не суля,
И все на дне лежали мы с тобой**

**Плыл свет над нами бледно-голубой
И не имела голоса земля**

ОДУШЕВЛЕННЫЕ

**А вместо Баха и Моцарта был, вместо Пярта –
Флойдовский «Animals» странс-цен-дентальным
Лаем собачьим – о северный драйв,
Музыка сфер для тинэйджеров!
Агнцы и свиньи, тинэйджеры,
Свиньи и жемчуг светил:
Всюду топорные видишь светила,
Думаешь, несть им числа над бараками**

**Так и стоишь как свирельщик у врат
В «Мире музыки» около Новослободской:
Не Магнификат, не Берлинская месса –
Носящийся по ветру лай,
Перекрытия рухнули, холодно
После заката Европы,
Висят, проломившись, леденеют стропила,
Висят облака отсыревшей овчиной на кольях,
Вода, как обычно, темна,
Словно выбоины в коробах теплотрасс,
И еще лунорогие цитры видны в той воде –
Добросовестной зоны жилой
Лунорогие цитры, огни...**

ABENDLAND

Донесенья подводников Деница,
Оледеневшие рубки его субмарин,
Гравий и ветер, остовы скал,
Основанья земли, перетертые в гравий,
Лишайник, слюда незавидных земель –
Русским оставил Кук
Честь их открытья,
И было промозглое взморье,
Шельф и поморник на камне,
Горный хрусталь в рюкзаках
И под ногами череп пингвина –
Белый, как вырезанный из бумаги
Летательный аппарат,
А над головами кружил альбатрос,
Солнце явилось, окрасило золотом ртуть
Ила среди развалин
Потустороннего Кенигсберга,
И было упорство ветра,
Был укреплен валунами крест на утесе,
И руины горного кряжа в проливе Дрейка
Мы созерцали в Татьянин день,
Красовицкому предоставив

**Мистику хельдингов,
Мистику полых пространств подо льдом
Земли Королевы Мод**

ФЛОРЕНТИЕЦ

*По прихоти им вымышленных крил
Баратынский*

**Пингвиний остров, золото и ртуть,
В водоворотах птицам несть числа,
Как звездам за бортом. Мороз и мгла,
Блестит Дорога Мертвых – Птичий Путь,
И брачный тот чертог, его стропил
Обломки над крикливою водой
Отчетливо нам полюс предъявил
Под облаков редеющей грядой,
Винтами этих вымышленных крил**

**Чернела Антарктида вне времен,
Но флорентиец, помнишь, говорил:
Он первую любовью сотворен**

Инна Кулишова
ДЖАЗ В АНТАРКТИДЕ

На континенте, который нарисовал
из космоса всемирный Малевич,
белым по белому пишется: не люби,
не пиши, не знай.

То, что прямо противоположно полюсу, не
противоречит ему, как овал одного лица
другому, как безупречная красота
другой красоте.

Потому меньше всего интересны там
люди.

*

Так побеждают великие воины...
Так исчезают виды.
Скоро Земля снимет шапку
перед всеми победами человечества.
И исчезнет Арктика, и останется теплая
Антарктида.

*

Победить – побелить обелиски, забыть имена,
завести и мотор, и квартиру, откуда видна.
Там, где нет государств, только земли
– последний резерв.
Оборви, перережь, пережги замороженный нерв.
Здесь депрессия – впадина, эрос один – нунатак.
Прикоснись и увидишь, как вздрогнет
весь мир. Но не так
все случится, мы знаем. Мы знаем,
и нотный распад
фейерверком убежища душ разорвет. И назад
не вернется никто. Хорошо, хорошо и светло,
лишь пингвины шуруют пародией злой на перо.

*

Как хорошо, что будет здесь в жару
способность не подвергнуться перу,
воде и хлебу, танцам пальцев на
всех нервных окончаниях. Страна,
которой нет. И материк, мате-
риковый вид на подступах к воде,
и на него, как муравьи, ползут
чужие люди, их укусов зуд
коробит, но пока не материт.
Они еще не знают, материк.

*

Молчание. Льды, подвергаясь тиши,
внутри себя ищут аналог души.

Пингвины летают, и там, под водой
мерещится небо им каплей одной.

Во сне навещает их белый медведь,
способный растаять, но не умереть.

*

Нехорошо быть человеку одному...

**Не прелюбодействуй, сказал Тот же, Кто
сказал: не убий. Сказал, и ничего в ответ.**

**Сказал, и молчит. Молчит. И глагол Молчит –
Его имя.**

**Тогда бы у всех было по любви, по браку,
по Сеньке...**

**И все были бы счастливы, и на душе белым-бело.
И бессмертные люди в белых одеждах
навещали бы их каждый день.**

И тепло от холода не отличали...

Что-то арийское без исключений чудится в этом.

**Но только проснешься случайной точкой
в скомканных листах белых гор,**

**выпрямленных листах
белых равнин, поймешь, что конец
завершается жизнью,
лишенной границ, вместо которых белое исчезает
и оживает, переходя в воду.**

Июль 2010

Сергей Круглов

АНТАРКТИДА

Каждую весну, когда пингвины, чревно курлыкая свое вечное, нежное, в перевалочку по льду набирая скорость, срываются один за другим ввысь, делают прощальный круг, собираются в клин и летят на родину, – я провожаю их туда, в лазоревые полярные небеса, со тчаянным, смертным плачем: я-то, я почему не лечу?

Потому что такой, такой увидел я тебя когда-то впервые, жизнь-антарктида, что принял к тебе всем огромным воспаленным влажным парным расплавленным сердцем, – толком-то не поцеловал!.. только лизнул жадно – а примерз сразу и накрепко.

Я медленно умираю, пребывая так, в замороженным в тебя. А рвануться – боюсь боли, боюсь, еще

ее не изведав. И нет никого теплого вокруг, кто втиснулся бы и лег собой прямо на намерзшую ледяную корку сукровицы аккурат между сердцем и жизнью, нет никого, кто помог бы мне оттаять на свободу, потому что эти пингвины, все эти живые теплые пингвины, они всегда, всегда улетают – и не возвращаются.

Андрей Сен-Сеньков

РАСПИСАНИЕ РАБОТЫ ВУЛКАНА ЭРЕБ

*

От Эреба, родившегося из Хаоса,
появились Смерть, Мечь, Раздор, Старость,
Лживые Сны, Беда, Разнузданность.

Длинный холодный список, похожий на ребро, в
которое назад, под мою кожу, превращается жен-
щина.

*

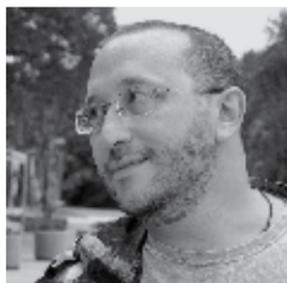
От Эреба, родившегося из Хаоса,
появились День, Вещие Сны, Любовь, Моло-
дость, Счастье, Милосердие, Дружба.

Все, что в этом списке, напоминают мои имена
начинающего десятилетнего шахматиста, заранее
проигравшего на сеансе одновременной игры.

*

От Эреба, родившегося из Хаоса,
ничего не появилось.

Все погибли, разбившись на розовом горнолыж-
ном курорте преждевременного семязвержения.

Станислав Львовский

С.Л., С.Ф., С.П., Авиапочта

В детстве у меня была книга, кажется, она называлась «В мире марок». Или нет, наверное «Путешествия в мире марок». Название тогда не казалось двусмысленным, а речь в книге шла обо всяких удивительных случаях с марками: «Британская Гвиана», «Голубой Маврикий», «Дженни», такое. Там же было и про летчика Леваневского, – это я запомнил, и до сих пор помню, хотя прошло уже много – никак не меньше двадцати, двадцати пяти, а может, что и больше.

История устроена так: марка¹ с портретом Сигизмунда Леваневского вышла в серии «Герои СССР». В августе 1935 года был устроен перелет Москва –

1 ЦФА (ИТЦ «Марка») #489.

Северный полюс – Соединенные Штаты Америки. На самолетеконструкцииТуполеваАНТ-25должен был лететь экипаж в составе: собственно Леваневский, Байдукови Левченко, штурман. Леваневский, вообще говоря, и придумал весь фокус – с перелетом через Северный Полюс по короткой дороге.

К этому событию на уже выпущенной марке с портретом С.Л. была сделана красная типографская надпечатка «Перелет Москва – Сан-Франциско через Сев. полюс 1935». Ну и номинал дополнительный: один, кажется, рубль. Существуют вроде бы пять марок со строчной «ф» в «Сан-Франциско», один лист с просто перевернутой надпечаткой и еще пять штук с перевернутой надпечаткой и со строчной «ф» вместе.

Ни до какого Сан-Франциско Леваневский со товарищи в тридцать пятом году не долетели из-за неисправности, как пишут в профильных исторических исследованиях, маслосистемы. Долетели всего только до Баренцева моря. Не очень далеко, – но нормально. И возвращались домой, к нашей гавани, с победой.

Или без победы, а так. Марки быстро разобрали по коллекциям при невнятных обстоятельствах, о которых Сейерс и Кан² объясняют, что это не просто так обстоятельства, а вредительство Ягоды, который, будучи филателистом, сплавлял на Запад редкие советские марки, а иногда и специальных изготовлял в целях личного обогащения и причинения ущерба советской республике. Верить Сейерсу и Кану, с одной стороны, – это что ж теперь, и Геббельсу верить? – а с другой, – нутрудно, будучи филателистом (это если и правда был) удержаться и не начать нарочно производить раритеты. Кто бы удержался? Хорошо, а что дальше? Дальше? Летать выше всех, дальше всех и быстрее всех.

12 августа 1937 года четырехмоторный самолет (бортовой номер Н-209, шесть человек экипажа) начал полет из Москвы через Северный полюс в Фэрбенкс, штат Аляска, США. Радиосвязь с

2 Сейерс Майкл, Кан Альберт. Тайная война против Советской России. – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. (THE GREAT CONSPIRACY. The Secret War against Soviet Russia. By Michael Sayers and Albert E. Kahn. 1946)

этими самыми шестью прервалась на следующий день, без двух минут шесть (р.т.). Леваневский, говорят, сообщало плохих метеоусловиях – после того как самолетуже вылетелзалинию побережья Ледовитого океана.

И все. Самолет вроде бы, уклонился от курса, вроде бы упал в Якутии. Вроде бы упал в озеро Себян-Кюель. Вроде бы там, рядом, до войны нашли могилу с несколькими фамилиями, одна из которых оканчивалась на «...ский» (и мертвого человека в комбинезоне вроде как находили). К началу восьмидесятых все, видевшие могилу и мертвеца в комбинезоне, умерли. Ну и ничего непонятно. И сердце корабля бьется, и взят курс на невидимый берег.

Йозеф Леваневский, брат нашего советского летчика, попытался в 1933 году побить рекорд дальности полетов для легких самолетов на маршруте Варшава–Красноярск, самолет PZL.19³ (модифи-

3 В 1932 году авиационный департамент Panstwowych Zakladach Lotniczych заказал самолет PZL-19 для участия в международных гонках Challenge 1932. Проект разработал

цированный). Попытка завершилась катастрофой через восемь с половиной часов, под Казанью. Полковник Филиппович, штурман, выжил. Мало того, что это произошло ровно через год после того, как разбились два других польских летчика, Франтишек Жвирко и Станислав Вигура. Так еще и первого сентября. Достань стаканы. Красноярск, Красноярск, не раз мы дрались отважно, принимая твой вызов.

История чем? О том, что на марке 1935 года под портретом Леваневского (присмотритесь) только одна ветвь – лавровая: слева. А вторая, справа, – пальмовая. И вот в этой самой советской книжке, «Путешествия в мире марок» или «В мире марок», не помню, – говорилось, что пальмовая ветвь – де символ траура: т.е. уже в 1935 г., задва года до и т.д.

Римляне украшали пальмовыми ветвями надгробья героев, желая увековечить таким образом их, героев, победы в Северной Африке. Что произошло с пальмовыми ветвями после того, знают все,

Ежи Домбровский при участии Францишека Миштала и Петра Кубицкого. Первый полет самолета состоялся в 1932 году.

кто хоть раз покупал поздней зимой или там ранней весной вербу у бабушек, шеренгами выстроившихся подороге от метро к дому. Это и произошло.

Откуда автор советской книжки взял просимвол траура? Гимназия, наверное, откуда еще? Латынь, стильный класс, Триполитания, Киренаика, Африканская диоцезия. Совершенно ничего непонятно. Хотя мы не раз отважно дрались, принимая твой и т.д.

Неудавшийся полет 1935 года волей-неволей оказался первым залпом не случившейся Третьей мировой, – хотя ни Леваневский, ни филателист Ягода, ни полковник Филиппович, ни Жвирко с Вигурой этого не знали, – и, видимо, не узнали, не успели. То есть, они уже в начале тридцатых догадались, что это короткий путь, но до нынешних средств доставки было еще далеко.

Пролететь над землями алгонкинов, атапаски, микмаков, кюгуиюго-западу, взорваться над Сан-Франциско, надего трамваями, надего Алькатрасом и башней Койт. Если не повезет – расцвести огнем над Фэрбенксом. И там, и там – золото; и

там, и там – правый берег. И стоя у послушного руля, вспоминать о любимой.

Вспоминаю строчную «ф» в названиях городов. Вспоминаю слова, перевернутые вниз головой. Помню о них, пролетая над Северным полюсом. Вспоминаю колки елистья пальм, подвижный позвоночник осла, птичье щебетание алгонкинов – и все, что я видел, и все другое, – когда хотел пролететь над точкой сборки меридианов, над точкой силы; когда мне казалось, что есть короткий путь: по опавшим листьям остро пахнущего трудом, замороженного, иссохшего, якутского лавра.

И он оказался коротким, привел меня, привел Францишека, привел Станислава, привел Йозефа и других, еще полдюжины, если все считать, – привел прямо в холодную воду: этих рек, этого озера и одного этого океана. Это был я, С. Л., поляк, летчик, спаситель Боброва. Я работал работником, участвовал на стороне, учил в ОСОАВИАХИМ советских детей. Я летел как из пушки, я был командиром полка винтовки. «Ф» населяла названия обих моих плохих городов, – а я был герой Советской

Унии, один из начальных, – и пел. Про песню пел на просторе, прожену пел, которая не скучает, не плачет. Джеймс Маттерн меня не нашел, алгонкины не узнали меня, и к началу восьмидесятых все видевшие меня в комбинезоне умерли.

Но если ты станешь смотреть очень, очень внимательно, – то увидишь, как я тебе улыбаюсь, машу тебе веткой пальмы – с того берега, высываясь из окна погромыхивающего трамвая, который медленно катится по Маркет-стрит, – от Библиотеки до Ферри-билдинг, до самого причала, до обрывающегося края земли.

Геннадий Прашкевич

СЕНДУШНЫЕ СКАЗКИ

В русскую речь сказки полярного Севера вошли как интонация.

Юкагиры на волшебные сказки были не меньшие мастера, чем древние греки.

Многие сказки Севера начинаются с описания жизни человека, который почти не знает других людей и живет один в снежной пустыне. Вдруг приходят русские, англ, у рта мохнатые. В XVII веке стремительный выход русских к Тихому океану изменил не только бескрайние просторы Империи, но и расширил границы речи. Перелистывая страницы более ста лет уже не переиздававшихся трудов В. И. Иохельсона, прежде всего «Материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» (издание Императорской Академии Наук, С.-Петербург, 1900), видишь и слышишь именно живую речь. Владимир Иванович не один год кочевал с юкагирами по сендухе (тундре). Зимой – зеленоватые отсветы северного сияния, летом – облака мутного заданного гнуса. «Долгое время моим первобытным рассказчикам трудно было отвлечь данную (конкретную) форму от спрашивающего лица, – писал В.И. Иохельсон. – Если, например, спросишь, как по-юкагирски перевести тин бысабын (якутское – я режу), то они так и отвечали: тат роумик, т.е. ты режешь».

Золотой дым живой речи.

Золотой дым времен

О СКАЗОЧНОМ СТАРИЧКЕ

Люди с домами были.

Два брата к реке пошли.

Пение сказочного старичка услышали.

Чюлэни-полут зовут. Совсем как человек, но крупного роста. Голова как кочка, спутанные волосы висят. Убитого лоса носит привязанным к тонкому ремешку кафтана, человека ест с аппетитом. Устал Чюлэни-полут, сел под ондушу, под траурное северное дерево, приютился, ребенка отпустил гулять. Ребенок, играя, братьев увидел. Испуганных увидел. Подбежал к одному, потянул за уши: «Такое есть буду».

«Тише, ребенок. Вкусное тебе дадим. Сладкое тебе дадим. Младшую сестру дадим».

«Всего хочу», – жадно ответил ребенок.

«Твой отец подтяжелыми лыжами сидит, – шепнули братья. – Упомянутые лыжи над собой повесил на дерево. Толкни».

Ребенок глупый. Послушался.

Падая, тяжелые лыжи Чюлэни-полута убили.

Ребенка привели домой, отдали младшую сестру в жены.

Все ребенок Чюлэни-полута делал, как люди. Голова у него как котка, глаза большие. На промысел ходил, больших лосей, привязав ремешкам кафтана, приносил жене. Шел снег. Сноватаял. Однажды сендуху покрыло льдом. Такой лед редко бывает. Все вымерзло, в сендухе пусто – как в небе. Подзеленоватым северным сиянием блестели голые ельды. Ночью от голода Чюлэни-полут груди жены щупал, вздыхал: «Отец меня таким кормил». Когда на промысел ушел, жена братьям все рассказала.

Испугались.

Озеро нашли.

В озере – чепка, глубокая яма.

Над чепкой лед продолбили, веточками укрыли, припорошили сухим снегом. Ребенок сказочно старичка без добычи вернулся, сердитый вер-

нулся, волосы распущены, спутаны, лицо бледное, ему крикнули:

«С нами играть иди!»

«Не пойду, – ответил. – Устал».

«Все равно иди. Играть будем».

Когда играли, толкнули в продолбленном месте.

Вскрикнув, ребенок Чюлэни-полута за край льда схватился. Братья батасом, тяжелым ножом, по сильным рукам били. Волосами трясая, крикнул:

«Зачем?»

Ответили:

«Теперь есть нас не будешь».

«Зря, – крикнул. – Я огонь погашу. Снегом упаду на очаг, ледяным ветром в лицо дуну. Куда нельзя ходить, туда заведу. Плохому – всегда плохое. Огня у вас никогда не будет».

Утопили, довольные домой пошли.

А утром огонь в очаге погас, развести не могли.

Так, без огня, жили.

Так, без огня, умерли.

О ШАМАНЕ

Один человек был.

Сильно заболел, умирать стал.

Шамана позвали. Шаманить заставили.

Шаман в бубен бил. Шаман тени птиц-зверей призывал.

«Мой праотец, – призывал, – дерева корень, мои предки, звери, все становитесь, чтобы помочь, все на моей стороне встаньте!»

Родственники подсказывают: «Спроси, зачем человек без сил, в болезни, как в чепке, тонет? Кто человека так мучит?»

Шаман в бубен бил. Не помогло.

Крикнул: «В царство теней иду! Сам иду!»

Родственники подсказали: «Правду спроси. Кто человека мучит?»

Шаман камлал. Шаман в бубен бил. В царство теней пополз между кочками на брюхе. Кричал по птичьей, кричал как зверь. Мохнатый, кривой, сам себя боялся. Один мидол, один дневной переход, прополз. Потом еще два мидола прополз, потом еще три. Сказочную старушку встретил. Собака залаяла, старушка сумеречные глаза открыла:

«Навсегда пришел? На время пришел?»

«Моя прабабушка, – с уважением ответил, – на время пришел, узнать пришел».

«Ну, говори свое».

«Нашего человека в болезни кто мучит?»

«Такое узнать, дальше иди».

Пошел. У берега долбленный челнок увидел.

Сорока, короконодо, вскрикнула суетливо. Нату сторону посмотрел – на том берегу урасы увидел. Смутные тени ходят, тени украшений звенят. У порога самой большой урасы красный червь спит. Он так велик, что нападает на крупных зверей. Может убить, сжав в красных кольцах. Наевшись, спит там, где поел. Дети мертвецов бросают в него камни, разбудить не могут, так крепко спит.

Шаман реку переехал. На берег поднялся, суко-ром спросил:

«Нашего человека в болезни кто мучит?»

Не ответили. Волноваться стали.

«Тень нашего человека отдайте мне. Раньше моему человеку к вам».

Отдавать не хотели, пришлось силой взять. Чтобы легче вернуться, шаман тень больного в себя вдохнул. Уши и нос заткнул, чтобы тень с дыха-

нием не вышла. Крикнул, что было сил: «Мои солнечные лучи, меня отсюда тяните! Мои помощники, меня к людям тяните!»

Помощники подняли шамана.

Помощники три раза шамана против солнца повернули.

«Вот из царства теней вернулся, – выдохнул. – Вот тень больного принес. Теперь здоровый будет, на промысел пойдет». Сам упал на понбур, на низкую лежанку, покрытую шкурами. «Мне теперь лечь дайте. Долго лежать буду».

О КИВАЮЩЕМ

Было, чюхчи преследовали ходынцев.

Мидол. Еще мидол. Еще один дневной переход.

Снарты упал ребенок – маленький. Лежал в снегу, плакал.

Старый чюхча услышал, сказал другому: «Это кто плачет? Это ребенок плачет». Обрадовался: «Вот крепкий помощник вырастет!» Подобрал. На стойбище отвез, назвал – Кивающий. Ребенок на все всегда головой кивал.

Так время шло. Старый чюхча позвал Кивающего. «Ко мне старость пришла, – сказал. – Как упавшее дерево свалила, словно обгорелый пень стал. Теперь ты в семье главный. Будешь смотреть за оленьим стадом. Вот возьми молодую девушку, вырастит для тебя».

Кивающий взял девушку, ушел к стаду.

Упражнялся в беге, в метании копья, в стрельбе из лука, в ношении тяжестей. Скоро сделался такой легкий и быстрый, ну как двухгодовалый бык, потомок дикого оленя. Научился на высоту птичьего полета прыгать, другие чюхчи даже обеспокоились: «Приемыш из вражеского племени, он там что делает?» Тайно пришли. Спрятавшись в кустах, смотрели. Кивающий так легко размахивал тяжелым копьем, будто лоскутом мокрой оленьей шкуры. Так легко прыгал через широкое озеро, будто птица вспархивала. Так громко вскрикивал, что приседали самые старые, все видевшие олешки. Посмотрев, чюхчи сказали: «Это ужас, что он делает! Это ужас, как это опасно для нас!» Приехали к приемному отцу, сказали: «Ты старый. Скоро совсем умрешь, некому будет унять приемаша. Ну, понял нас? Теперь все сам сделай».

Так сказав, пошли собирать людей, а старик позвал приемного сына.

«Надень чистую одежду, – сказал. – Чистую и сухую надень».

«Зачем чистую? Я эту на себе высушу».

«Как говорю, так делай!»

Кивающий послушно надел чистую рубаху. Мех на ней светлый, нежный. Присел на шкуре медведя, прикрыл рубахой голые колени.

«Теперь слушай, – одобрил старик. – Ты не знаешь. Я раньше не говорил. Ты мне не родной, как думаешь. Ты не чюхча».

«А кто?»

«Ходынец ты».

«Как так?»

«Рожден ходынской женщиной. В снегу тебя подобрал. Дочь для тебя вырастил. Дал жену, дал имущество, оleshков. Теперь чюхчисердятся, считают опасным такое положение. Хотят убить. Пожалуй, сразу не ударят тебя в сердце, долго мучить будут. Так не хочу. Лучше сам убью».

Вложил в тетиву стрелу, согнул колено, как в молодости, и выстрелил. Но в самое мгновение, когда щелкнула тетива, Кивающий подпрыгнул, голо-

вакоснуласьсамоговерхаурасы, истрелапробила дырку в ровдуге.

«Хэ!—довольносказалстарик.—Проворныйстал. Быстрыйстал. На близком расстоянии от стрелы уклонился. Все равно уходи. Убить тебя не могу, и защитить тебя не в силах. Завтра чюхчи придут. Беги к своему народу. Дорога к ним лежит на закат. Место узнаешь. Там снежный хребет—вершина от солнца пылает золотом, такой высокий!»

Две ночи и день жена Кивающего не спала, шила новые одежды и плакала. Так сильно плакала, что, не видя иглы, в кровь исколола пальцы. А на третье утро Кивающий уехал. С собой не взял ни лука, ни копья, только маленький поясной нож из китового уса. В дороге напали на него десять молодых воинов чюхчей, он этим ножиком всех убил и взял себе полное вооружение: кожаный панцирь, копье и колчан. А потом, когда золотом запылала вдали тень высокого хребта, увидел ходынского юношу. Ходынец испугался врага и стал убежать. Но Кивающий ехал быстрее. Догнав, ухватил бегущего оленя за рог. Ходынский юноша отвернул в другую сторону, а Кивающий опять догнал, и опять ухватил зарог. Юноша встал посреди снегов и заплакал:

«Ну, если стал я для тебя как добыча, убей меня».

«Убью, – согласился Кивающий. – Но сначала скажи, кто ты?»

«Сын ходынского князца. Младший сын. Раньше нас было три брата. Один на стойбище, а я – вот».

«А третий?»

«Потерялся».

«Как давно?»

«Я и не помню».

«Потерялся, когда чюхчи за вами гнались?»

«Вижу, ты всезнаешь. Вижу, ты за другим братом пришел».

«Такими словами меня не встречай. Другими словами меня встречай».

«Какими другими? – с надеждой спросил ходынский юноша. – Почему другими надо встречать?»

«Я – твой потерянный брат. Одежда на мне чужая, но тело рождено нашей матерью».

Ходынский юноша обрадовался. Они поздоровались, обнялись, перестали бояться друг друга.

«Где стойбище?»

«За тем холмом».

«Там сейчас три урасы?»

«Ты опять угадал. Одна – моего брата, другая –

моя, третья – соседа».

«Ну, едем, – сказал Кивающий. – Теперь стойбище будет больше. Давно родственников не видел».

«Едем, – согласился ходынский юноша. – Только давай первым поеду. Если ты поедешь впереди, мужчины увидят чужого и убьют!»

«Нет, я первый! – заспорил Кивающий. – Если мужчины увидят, что я за тобой еду, подумают – за тобой гонюсь. Тогда точно убьют».

«Нет, я первый!»

«Да почему?»

«Кто с хорошими новостями, тот всегда первым едет!»

Поехали рядом. Гнали так быстро, что задние олени все время напирали на передних. Когда подъехали к стойбищу, люди тревожно забегали, ладони стали приставлять к колбу. «Хэ! Молодой чюхча преследует ходынского человека!» На Кивающего посыпалась туча стрел. Их летело так много, как снежной пыли. Но потом сияющее снежное облако осело, и люди снова увидели Кивающего.

Он стоял и весело очищал одежду.

О СТРАШНОМ ЗВЕРЕ

Звали – Келилгу. Был тяжелый.

Ходил с широко раскрытой пастью.

Лапы с такими длинными когтями – как сабельки русских.

Однажды пастух пропал. Может, попал в плен к медведю – к деду сендушному, тот сделал его работником. А может, заблудившись, с ума сошел. Пропавшего пошел искать Кивающий. Увидел Келилгу, сразу понял, что это он пастуха съел. Спасаясь, побежал от страшного. Кричал на ходу: «Эй, Келилгу, смейся! Эй, Келилгу, будь доволен! Я жирный, скоро меня съешь. Мои олени жирные, скоро их съешь».

«Ха-ха!» – Келилгу так рассмеялся, что пасть его еще шире раскрылась. Верхняя челюсть коснулась волосатой спины, а нижняя упала на серую тоже волосатую грудь. Даже остановился, чтобы помочь себе кривыми лапами, иначе не мог собственную пасть захлопнуть.

Пока так делал, Кивающий отбежал.

Но в скором времени, сшибая кочки, Келилгу снова настиг его.

Спасаясь, крикнул: «Эй, Келилгу, смейся! Эй, Келилгу, будь доволен! Я жирный, скоро меня съешь. Мои олени жирные, скоро их тоже съешь».

«Ха-ха!» – довольно рассмеялся Келилгу, и его челюсти широко раздвинулись, касаясь волосатых спины и груди. Так широко раздвинулись, что снова пришлось пускать в ход лапы.

Так в преследовании достигли стойбища.

Ходынцы увидели бегущих, все собралось вместе.

Так много их собралось, что число людей определялось цифрой предел знания.

Все вместе напали на Келилгу, убили страшного копыями. Долго убивали. Правда, и Келилгу убил многих. Подпрыгивал высоко, кусал зубами и царапал лапами. Даже Кивающего ударил.

О ТОМ, КАК УБИВАТЬ СТАЛИ

Древние люди были.

Один человек лося убил.

Чомон-гул – «большое мясо».

Жена за мясом пошла. В сендуху пошла.

Грудное солнце блестело – женское украшение

на груди.

Младшая дочь сказала: «Снег люблю. С тобой пойду тоже мясо брать».

Мать строго ответила: «Не ходи», а сама ушла. А когда вернулась, увидела: дочь к лосю ушла тайком. Нежная, как лапка ягеля. «О, Чомон-гул! О!» Дочь сухой снег смела веткой с мертвой головы лося. «О, Чомон-гул! О!» Страшно стало. Мохнатое лицо лося открыв, смотреть на него стала. В мертвых глаз черноту смотреть стала. «О, Чомон-гул! О! Старший брат когда тебя догнал, в сердце твоём худо сделалось. В сердце боль встала». Домой вернувшись, сказала: «Не будем есть зверя больше». Отцу и братьям, всем соседям сказала: «О! Чомон-гул страдал! Больше бить лося не будем».

Так будучи, голодали. Многие люди, обессилев, слегли. Мох сосали, плакали. Шамана звали: «Зачем такие? Почему надо терпеть?» – «Упомянутая девушка в смутную черноту глаз убитого лося смотрела, – ответил шаман. – Упомянутая девушка с жалостью сказала: «О, Чомон-гул! О!» С большой жалостью. Духи слышали. Теперь, пока девушка с нами, есть мясо нельзя».

Спросили: «Мы с этим что сделаем?»

Шаман ответил: «Упомянутую девушку убейте». «Почему убить? Если так сделаем, разве нам лучше станет?»

«Если девушка умрет – плохо. А если все умрем – это совсем худо».

Немедленно убили. «Пусть теперь одинохотник пойдет. У кого сохранились силы, пойдет».

Еще полдень не наступил, а охотнику уже убиллося.

С тех пор стали убивать.

С тех пор поправились.

О СЧАСТЛИВОМ

Парень был.

Совсем один был.

Устал. «Жену искать пойду».

Кафтан надел. Мимо лужи шел, в луже мелкие рыбки ходили. В половодье от других отстали, к реке не ушли. Пожалел. Кафтан с себя скинул, всех рыбок вычерпал, в реку бросил.

Опять пошел.

Хитрый старичок навстречу.

Засмеялся, бросил в реку горсть синих бус.

«Эти бусы кто найдет, тому свою дочь отдам в жены. Красивую дочь отдам в жены. Она в моей уресе сейчас. Если выглянет, все мужчины, даже старики, умирают от страсти».

Услышав такое, парень наклонился к реке:

«Эй, рыбки! В половодье в луже остались, к реке не ушли, это я вам помог. Теперь мне помогите!»

Все бусинки до одной принесли.

Старичок сосчитал: как было, ровно десять десятков.

Сказал: «Ладно. Берим оную дочь. Берим красивую. В свое место веди, там детей рожайте».

Так сделали.

Так детей рожали.

Ураса в сендухе и сейчас стоит.

О МУЖЕ ЛУНЫ

Беременная на Луну смотрела.

«Ясная Луна, скажи мне: сын будет? когда будет?»

Позвала шамана: «Почему Луна молчит? Почему не говорит?»

Шаман в бубен бил. Голову поднимал. Прыжки высокие делал. Светлой тенью подпрыгнул к самой Луне. Она испугалась, от него побежала. А шаман опять подпрыгнул. Луна совсем испугалась, спряталась, совета материспросила. Мать сказала: «Не отвечай. Здесь шаману ходить нельзя. Хоть и шаман, все равно человек. Нельзя здесь ходить шаману». Подумав, строго добавила: «Вернуться тоже ему нельзя. Раз пришел, пусть живет. Пусть твоим мужем будет».

Теперь в ясную ночь видно: шаман, как муж, прижимается к Луне.

В сендухе в ясную ночь все видно.

О РОСОМАХЕ

Шахалэ – лисица рыжая.

Ходила, медведя встретила. Стала дразнить:

«Дедсендушный, глупый. Тонкошеего боишься, человека боишься!»

Медведь обиделся: «Хэ! Никогда тонкошеего не боюсь. Его, как ягоду, ем».

«Ну, так идем! Я знаю, где много такой вкусной ягоды!»

Вперед забежала, человека встретила. «Эй, тонкошей! – стала дразнить. – Ты деда сендушного, глупого боишься!»

«Я не боюсь, – обиделся человек. – Его, как белку, стрелой бью».

Дождлся медведя, смело выстрелил. «Ой, брюшная боль! – закричал медведь. – Ой, какая сильная боль!» Рану лапой прикрывая, домой побежал. «Дети, – плача позвал с порога. – Совсем я убит. Совсем я умираю. Шамана зовите, нашу росомаху зовите».

Шаман-росомаха пришла, уши кисточками. Вбубенбила. Подпрыгивала. Капельки живой крови слизывала. Вбубенударит, слизнет. Подпрыгнет, слизнет. «Так неправильно, – обиделся дедсендуш-

ный, глупый. – Ты не камлаешь, ты мою кровь слизываешь».

Бросил росوماху в огонь, спину обжег. Росوماха, крича, домой побежала, куском замши обожженное место закрыла. Стой поры спина у нее задымленная.

О ГЛУПЫХ БРАТЬЯХ

Три брата были.

Старший – Лошажа.

Средний – по имени Лопчуа.

А младший – просто Акчин-хондо. Человек-дыра, его так прозвали.

Сидели в уресе, старший сказал: «Сейчас петь будем». Младшие согласились: «Сейчас красиво петь будем». Старший хрипло запел: «Лошажа чин, чин... Лошажа, чин, чин...» Строго посмотрел, пожаловался: «Ох, горло не поет, совсем сухое горло, а то бы красиво спел». Тогда средний запел: «Лопчуа чин, чин... Лопчуа, чин, чин...» Хитрый, неплохо пел, но тоже пожаловался: «Вот хорошее у меня

горло, только ты, Лошажа, лучше поешь». Тогда младший запел: «Акчин-хондо чин, чин... Акчин-хондо, чин, чин... Вот есть сильно хочу, – пел, – мне вкусное принесите, чин, чин... Вот пить сильно хочу, мне чистое принесите, чин, чин... В мелких местах реки воду не берите. В мелких местах дети Чюлэни-полута воду мутят...»

Хорошо спел. Братья обиделись. Бросились. За хорошее пение стали убивать глупого. Но тут Луна взошла, на урасу черныетени упали. «Это воины! Это чужие воины!» – испугались братья. В челнок сели. «Акчин-хондо, сильнее гребите! Хорошо поешь, хорошо гребите!» В разные стороны гребут, на месте вертятся.

К утру Луна ушла. Обрадовались: «Вот ушли чужие воины!»

Так устали, что понять ничего не могут. Свою урасу за чужую приняли.

«Вот стойбище врага!» Собственных женок пятами покололи, своих детей стрелами забросали. «Теперь хорошо. Чужие вещи возьмем».

Вошли в одну урасу. «Брат, это что? Это моя сума!»

Вошли в другую: «Брат, это что? Это моя сума!»

Акчин-хондо тоже самое сказал. Тогда убитых осмотрели.

«Брат, это что? Это моя жена! Брат, а это что? А это вместилище из китового уса – для костяных игл моей жены! Брат, а это...»

От обиды начали драться.

Тем и кончили.

СКАЗКА

Старичок был.

Старушка была.

Молодой сын был.

Точно лунный свет, так красив.

Надел лыжи, подбитые мехом выдры. «Отец, мать, ухожу. Жену привести пора».

Снег белый, северное сияние. Как китовые пластины, раскрашены полосы в небе. «Лыжи, куда несете меня подобно верховому оленю?» Звезды проглядывают сквозь небесный огонь. «Лыжи, куда так быстро меня несете?» Кругом снег, потом ураса стоит. Одна, как гора, стоит. В урасе – полярный князец. Вошел к нему, к его дочке посватался. Лег снею рядом. Так близко лежали, что один тот

же сон видели.

Потом вернулись.

Жить стали.

О ЧУДЭШАНУБЭ

Юкагир был. Дочь имел.

Когда выросла, так сказала:

«Чудэшанубэ я. Меня Чудэшанубэ зовите».

Утронаступит, она встанет сошкур, задумается.

Сидит дикует. Мать покачает головой: «Чудэшанубэ, дров наруби».

Чудэшанубэ посидит, потом сама себе скажет: «Чудэшанубэ, дров наруби».

Поднимется, оленьи сапоги возьмет, сама себе скажет: «Вот Чудэшанубэ сапоги оленьи взяла». Меховую кукашку на плечинаденет, опять скажет: «Вот Чудэшанубэ меховую кукашку на плечинадела». Сухое дерево топором свалит, скажет: «Вот Чудэшанубэ сухое дерево топором свалила».

Что ни делает, на все так скажет.

Мать рассердится, палкой ее побьет.

Чудэшанубэ удивится: «Эмэй, палкой меня небей».

Подаст матери батас острый: «Этим меня бей, ножом бей, так скорей будет».

Мать еще сильнее рассердится, палкой замахнется. Чудэшанубэ удивится: «Эмэй, палкой не замахивайся». Подаст материкостяной топор: «Этим меня бей, топором бей, так быстрее будет».

Вечер наступит, звезды покажутся.

Жалея, мать спросит: «В небе что видишь?»

Чудэшанубэ на звезды показывает: «Там сестры мои. Вышивая, сидят. Умру, с ними сяду».

Кшаману Чудэшанубэ повели. «Ум проверь, совсем больная».

Шаман в бубен бил, олений жир в огне жег. Холгута, мохнатого мамонта, из подземного мира вызвал. Суетливая сорока короконодору галась: зачем мамонта зря гонять? Но шаман сказал: «Чудэшанубэ, позади меня садись».

Селиверхом, шаман холгута по солнцу направил.

Когда так ехали, спросил: «Чудэшанубэ, ты сейчас что думаешь?»

Ответила: «Ничего не думаю».

Немного спустя шаман спросил: «Чудэшанубэ, на землезлазного. Оно разное. Есть такое сильное, что

всех птиц, рыб, зверей сразу убить может. Как думаешь, можно всех птиц, рыб, зверей сразу убить?»

Ответила: «И сейчас ничего не думаю».

Шаман головой покачал: совсем больная.

А Чудэшанубэ спросила: «А женщин на земле больше или мужчин?»

«Хэ! Легкий вопрос, – ответил шаман. – Женщин меньше».

«Нет, – Чудэшанубэ головой качает. – Неправильно».

«Почему так думаешь?»

«Если мужчина не своим умом живет, если мужчина свою женщину слушает, то сам становится как женщина. Так часто бывает. Вот и получается, что женщин больше. Ты тоже как женщина».

«Хэ! Почему?»

«Про зло говоришь, а спрашиваешь меня. Хочешь, всех нужных птиц убей, нужных рыб, зверей всех убей, большой дом из их костей построй, только мне отаком не говори, сам сделай. Тогда ты мужчина».

Удивился: «А теперь что думаешь?»

«А теперь вот что думаю. Засохших деревьев на земле больше или растущих?»

«Хэ! Совсем легкий вопрос. Растущих больше,

засохших меньше».

«Так не бывает. Засохших больше».

«Как так? Засохших совсем мало! Все на дрова идут».

«Если у которого сердцевина сухая, такое дерево живым не считаю. Живое то, у кого сердцевина живая».

«Хэ! – согласился. – Засохших больше».

Едут дальше. Спрашивает: «А теперь что думаешь?»

«А теперь думаю: на земле живых людей больше или мертвых?»

«Хэ! Мертвых меньше, живых очень много!»

«Нет, думаю, мертвых больше»

«Хэ! Когда помереть успели?»

«В котором человеке болезнь есть, тот работать не может, такого человека живым считать нельзя».

«Хэ! Верно!»

Шаман остановил холгута.

«Дальше не поедем, – сказал. – Дальше говорить не будем. Дальше отвечать на вопросы совсем не будем. Кродимцам вернемся. Нельзя убить сразу всех птиц, рыб и зверей. Из здоровых деревьев вназемле меньше, а сухих больше. Небольшая ты, Чудэшанубэ. Просто создана так. В жизни много страдать будешь».

О ПОТЕРЯВШЕМСЯ

Люди были. С урасами были.

Один потерялся. Искали, не нашли.

Аонкморювышел, сильный стук топора услышал.

Берег усыпан черной галькой. Рубивший потерявшемуся сказал: «Тебе здесь нельзя». Нехорошо засмеялся, меховую кукашку поправил.

«Я не знаю, куда идти. Следа нет, не могу к стойбищу выйти».

«Ладно, спрячутебя, – пожалел потерявшегося рубивший. – Сейчас из моря духи выйдут, нехорошие выйдут. Превращутебя в дерево. Скрипеть не надо, качаться не надо, стой молча».

Потерявшийся деревом стал.

Деревом будучи, странное видел.

Духи из моря вышли. Совсем как люди, одежды белые.

Сидели на берегу, молчали. Потом солнце взошло. Тогда в море снова ушли.

«Ну, видел?»

«Видел».

«Ну, сильные духи?»

«Теперь знаю: сильные».

«Ну, морские духи, – похвастался рубивший. – Им служу».

«А меня отпустишь? Я три дня и три ночи дома не был».

Рубивший засмеялся, хлопнул веткой потерявшегося по голове. Тот сразу оказался в пустой сендухе. От края до края – никого. Только сендуха, а на ней один человек с олешком.

«Ты кто?»

«Я брат твой».

«Зачем ты – брат?»

«Не знаю. Так получилось. Садись на моего олешка».

«Забыл, как садиться, – пожаловался. – Давай ногами пойду».

Пошли. Урасуувидели. Жена обрадовалась: «Вот мой муж вернулся!» Старый отец обрадовался: «Вот мой сын вернулся!» Сестры обрадовались: «Вот наш брат пришел!» И он всех узнал. Пожаловался: три дня дома не был, три дня где-то ходил. Ему сказали: «Нет три дня, а три года». Потом спросили: «Где ты ходил? Как выжил?»

Этого не помнил.

Так жил.

О ПРОМЫСЛЕ БЕЛОК

Три человека были.

Белок промышляли.

Три собаки, дорожный запас.

Двое нарту тянут, третий дорогу торит.

Три дня шли, три ночи в белых снегах спали.

На четвертый день духи прорубили зарю, пошли охотиться.

Двое быстро вернулись, третий не скоро. Поздно уже вернулся.

Спросили: «Друг, есть белка?»

«Чтобы совсем не было – такого нет, есть немного».

«Ты сколько убил?» – спросили.

«Чтобы совсем не убил – такого нет, убил немного».

«Однако есть белка! – обрадовались. – А особый след видел?»

«Чтобы совсем не видеть – такого нет. След видел».

«С этим что делать будем? – испугались. – Ты след видел! Дедсендушный, глупый, хозяин сендухи, рассердится, нам головы отобьет».

«Худо, если так, – согласился третий. Круглой

головой покачал: – Только как промышлять, если станем как бабы?»

СТАРИННАЯ ЮКАГИРСКАЯ СКАЗКА

Старичок был.

По сендухе кочевал.

Уединенную урасу увидел.

Наверное, молодая, наверное, красивая в урасе живет.

Спрятался в кустах. Долго ждал. Никто не выходит. Значит, правда, молодая, красивая, одна выходить боится.

Вечер пришел. Звезды высыпали на небо, как рыба в чепке. Старичок решил: влезу тихо на урасу, заглянув в дымовое отверстие, молодую, красивую увижу.

Влез.

Увидел.

У очага сидит.

Молодая, красивая.

Голову наклоняя, шьет.

Захотелось старичкулицомолодой, красивой уви-

деть. Начал дымовое отверстие расширять. Одежда старичке грязная, руки грязные. Как родился – ни разу не умывался. Пот капает. Молодая, красивая услышала. Решила, что это Чюлэни-полут, сказочный старичок, влез на урасу. Жильные нитки бросила в огонь. От сильного жара жильные нитки закрутились, пошли кольцами, запахедкий. Старичок чихнул. Молодая, красивая подняла голову, и старичоку увидел, что не молодая она, некрасивая. В ужасе с урасы прыгнул. Крикнул: «Жги, жги нитки, старая! Выкуривай, выкуривай Чюлэни-полута!»

Бросился в сендуху. Боялся, что догонит.

Старая, безобразная подождала, потом из урасы вышла.

Снег мерцает. Звезды сквозь небесный огонь. Нежные переливы. Холод, безмолвие, мир то в алой крови, то кажется бледным, позеленевшим. А на снегу – одинокий след нарты.

Старая, безобразная в урасу вернулась. В кипятке вкусные шишки заварила.

Напилась, спать легла.

О СУМЕРЕЧНЫХ ЛАМУТАХ

Три брата были. Младшую сестру имели.
Старшие ушли, другом указали: «Сестру береги!»
Один остался, еще малый мальчишка при нем.
Стали ждать.

Духи прорубили зарю, ламуты, как комары, налетели. Они давно переселились за море, но иногда нападают. В сумерки при последних коротких лучах заходящего солнца можно видеть таких. Если ламута убить, он похож на обычного человека, только ноги большие и между пальцами перепонка. Упомянутый парень драться вышел. Ламуты стрелами, копьями кололи – не попали. Ловко по головам прыгал, многих убил. Устал. Сильно устал. Когда солнце село, младшую сестру три раза поцеловал: «Теперь больше не приду, тебя, братьев больше не увижу. Много ламут убил, на меня солнце сердиться будет».

Убитых врагов друг на друга сложил, сам сел сверху.

Опять налетели ламуты, кололи копьями. Крикнул ламутам: «Не мучьте долго. Мои копья меня заколите».

Закололи. Сестру убитого увели. Мальчишку сделали работником.

Кочевали. Урасыставили. В один раз сестра убитого тайно лыжи взяла. Ламутский князец проснулся, а новой жены нет. Начал погоню. Долго гнался. Тут снег пошел. Следы лыж совсем пропали. Сестра убитого к братьям пришла.

«Что с тобой?» – спросили.

«От ламутского князца сбежала».

«Где твой брат младший?»

«Сумеречные ламуты убили».

«Где малый мальчишка?»

«Его работником взяли».

«Ламутов так много было?»

«Совсем как комаров, так много».

«Младший брат хорошо дрался?»

«Он, как песку, везде ламутов насыпал».

Пошли смотреть. До места битвы дошли.

«Брата кости, они где лежат?»

«Они на ламутских богатырях лежат».

Братья посмотрели, обрадовались:

«Не безвестно пропал».

Сели на берегу. Долго молчали. Потом опять жить стали.

О ГЛУПОМ ШИЛГУ

Шилгу был.

Рядом Шитага, шаман, был.

Один раз шаман сказал Шилгу:

«Вижу, друг, ты умрешь. Вижу, что ты скоро умрешь. Медведь, дедсендушный, съест тебя. Как ягоду, съест. Из дому не выходи».

«Не говори так, Шитага, мне страшно».

Перекочевали. Шаман в другой раз сказал:

«Вижу, друг, ты умрешь. Вижу, что скоро умрешь. Может, послезавтра».

Опять перекочевали. Предупредил: «Сегодня никуда не ходи, сегодня дома сиди».

Не пошел никуда Шилгу. Утром не пошел. Днем не пошел. Только к вечеру сказал: «Жена, в амбарчик схожу, вяленого мяса принесу». – «Зачем тебе ходить в амбарчик? – возразила жена. – Шаман не велел ходить». – «Хэ! Я только в амбарчик. В амбарчике от чего умру?»

Жена ждет – нету.

Вечер наступил – нету.

Из урасы вышла, к ногам собака прижалась.

Удивилась: «Это Шилгу собака. Это моего мужа собака».

Обнюхала. «Откуда пришла. Наверное, росма-хугрызла». Другие женщины тоже обнюхали: «Нет, это твоего мужа запах. Мы знаем. Это твой Шилгу умер. Кого ждем? Мертвеца ждем».

Так молча сидят.

Потом шаман вернулся.

«Шилгу где? Он куда пошел?»

«В амбарчик пошел вяленого мяса принести».

Пошли искать. Увидели. Возле амбарчика Шилгу сидит. Дедсендушный ловко задавил глупого. Шаман рассердился: «Ну, смотрите! Следы медведя совсем небольшие. Это от страху Шилгу ручные сухожилия ослабели, он такого молодого убить, наверное, мог!»

О КАМНЕ НА БЕРЕГУ

Один охотник решил: откочуем на край земли.

Прошли мидол. Потомещедвадневныхперехода. Потом еще пять.

Дошли до узкого озера. Там люди живут, умеют расщепляться. Живут на берегу среди деревьев, расщепленные пополам. При малейшем шумерасще-

пленные части соединяются, и люди ныряют в воду. Любят табак, дают за него крупную рыбу и выдр. А дальше за озером – маленькие карлики. Великою не больше руки человека – от пальцев до локтя. Трое таких трудом одолевают одного гуся, за папушу табака сестер отдают.

Увидев такое, сказал: «Жена, наверно, тут край земли близко».

Поставив урасу, сказал: «Разложи костер. Большой костер разложи».

Жена разложила, дым пошел. Такой густой, такой плотный, что прямо по нему охотник и его жена начали карабкаться вверх, чтобы последний край земли увидеть. Так высоко поднялись, что Луны коснулись. «Если теперь вернуться захочешь, – охотник сказал, – назад не оглядывайся».

Выше поднялись.

Совсем высоко поднялись.

Грустно стало жене. Куда дальше?

Оглянулась. Сразу упала вниз.

На берегу камнем стала.

О ДЕБЕГЕЕ

Человек был именем Дебегей.

Голова красивая, круглая, как травяная кочка.

Один раз сказочный старичок пришел. Чюлэни-полут пришел.

«Ты пришел?» – испугался Дебегей.

«Ну, я пришел».

«Что видел?»

«Ну, ничего не видел».

«Что слышал?»

«Ну, ничего не слышал».

Дебегей, спрашивая, незаметно в котел кусок жира пустил, сверхуснегом присыпал. Когда снег растаял, худую рыбку бросил в котел.

«Ну, много жиру! Очень много! – похвалил Чюлэни-полут. – Как так? Я видел, ты худую рыбку в воду пустил. Откуда жир?»

«Ну, не я варю. Мой котел варит».

«Дай мне твой котел».

«Возьми».

Чюлэни-полут домой пришел, снег растопил, худую рыбку в котел бросил. Ждал, ждал, нет жиру. Разбил котел в гневе: «У своего хозяина варишь,

у меня не хочешь!»

Утром Дебегей встал, многодровнаколол. Набросал большую кучу там, где прежние лежали. Получилась большая гора. Даже удивительно. Чюлэни-полут такое увидел, сказал:

«Вчера твой котел разбил».

«Ну, зачем так сделал?»

«У тебя варит, у меня не хотел».

Поморгал глазами: «Когдадровнаколол столько?»

«Ну, это не я колю. Это мой топор колет».

«Дай мне такой топор!»

Чюлэни-полут домой пришел, по сухому дереву ударил. Топор застрял, еле из дерева выдернул. Снова ударил. И снова топор застрял. Так до самого вечера Чюлэни-полут мучился. В сердцах зашвырнул топор вомут: «У своего хозяина колешь, а у меня не хочешь!»

Заболели у старухи Чюлэни-полута глаза, снова пришел к Дебегею: «Твой котел разбил, твой топор выбросил. Ничего не получается с ними. Теперь у моей старухи глаза болят».

«Хэ! Дело простое, – сказал Дебегей. – Ты нож наточи, острый батас наточи. Ночь наступит, огонь погаси. Старухе прикажи: бегай, старая, бегай, бе-

зобразная, в темноте голая бегай. Сам выпады делай, злых духов отгоняй».

Сказочный старичок так и сделал. Огонь погасил: «Бегай, старая, в темноте». Сам выпады стал делать. Нечаянно убил старуху. Рассердился. К Дебегею пришел, ничего говорить не стал, просто в суму его сунул и принес к обрыву над мутным морем.

Хотел бросить, Дебегей кричит из сумы:

«Нельзя!»

«Почему нельзя?»

«Ну, ты мой пояс забыл».

«Зачем тебе теперь пояс?»

«А как в суме без пояса сидеть?»

«Ну, ладно. Принесу».

Ушел, а по сендухе две девушки кочевали. Одна слепая, другая зрячая. Зрячая говорит: «Откуда принесенная сума лежит?»

С любопытством открыли.

«Дебегей, ты что в суме делаешь?»

«Меня не трогайте, – ответил. – Я глаза лечу».

«Чем лечишь?»

«Темнотой лечу».

Младшая обрадовалась: «Моя старшая сестра

ничего не видит. Вылечи».

Дебегей вылез, слепую сунул в суму, сам с другой девушкой спрятался за деревом. Скоро сказочный старичок вернулся, отверстие сумы немощко открыл: «Эй, Дебегей, если правду говорил, то вот возьми пояс».

«Я не Дебегей. Я девушка. Я слепая».

Сказочный старичок засмеялся:

«Не обманешь меня».

Суму пинком со скалы сбросил.

Пошел домой, где жил. А через некоторое время к нему Дебегей явился. В пыжиковом кафтане, новая вышитая шапка на голове.

«Это кто пришел? – удивился Чюлэни-полут. – Так на Дебегей похож».

«А я Дебегей и есть. И всегда Дебегеем буду».

«Откуда такой пришел?»

«А ты куда меня дел?»

«Я тебя в море со скалы пинком бросил».

«Нет, Чюлэни-полут, глупый ты, ничего у тебя не получается. Хотел, чтобы мой котел у тебя варил, не получилось. Хотел, чтобы мой топор у тебя рубил, не получилось. И с сумой так же. Ты не к утопленникам, а в хорошее место меня отправил. В том ме-

степло и песок мягкий. Там красивых девушек встретил. Там олешки упитанные. Видишь, какой красивый вернулся?»

«Ну, вижу. А мне как такое сделать?»

«Тебе нельзя. Туда каждому глупому нельзя».

«Хэ! Отправь меня, Дебегей. Я глупый, но ты мне котлане пожалел, топоране пожалел, зачем такое хорошее место жалеешь? Я сам сошью большую суму, сам внеезалеzu, ты только собрива толкни».

Уговорил.

Дебегей сказал:

«Где меня бросил, туда идем».

Пришли. Приказал: «Лезь в суму».

Чюлэни-полутзалез. Тяжелый. Дебегей суму по камням катит, сума не катится. Ну, всяко старался, мокрый стал, все же справился. Сказал, стал кивая собрива: «Ничего о существовании девушек на дне моря не слышал. В ледяной воде трава не растет, и тучных олешков там нет. В глубине воды живет только тинная сердитая бабушка. Ты глупый, Чюлэни-полут. Тинная бабушка рыбнапустит. Съедят сказочного старичка».

Так и случилось.

СКАЗКА

Один человек был. Двух молодых жен имел.
На промыселидет, старшую спрашивает: «Ты для
меня что приготовишь?»

Отвечает: «Новую одежду приготовлю».

Младшую спрашивает: «А ты для меня что при-
готовишь?»

«Я нового ребенка приготовлю».

«Каким будет ребенок?»

«На лбу – солнце, на темени – звезды, кожа как
лунный свет»

Так и было.

В отсутствие мужа родила.

Старшая испугалась: «Наш муж вернется, ребен-
кам младшей жены полюбит, меня разлюбит». Тайно
бросила ребенка в реку. Но ребенок не утонул. Сер-
дитая тинная бабушка из мута вытолкнула его на
поверхность. Какая-то старушка на ближнем стой-
бище плач услышала, домой принесла ребенка.

Вырос.

На лбу – солнце.

На темени – звезды.

Кожа как лунный свет.

Один раз спросил: «Кто мне отец будет?»

Старушка ответила: «Тебя из омута выловила. Наверное, отец твой по реке выше живет. Однажды в его урасу придешь, от старшей жены ничего не принимай. Кормить начнет, из руки ничего не ешь. Только на младшую гляди. Спросят: что видел? – отвечай: ну, многое видел. Спросят: что слышал? – отвечай: ну, многое слышал. Перед сном тебя попросят: расскажешь разное? – отвечай: расскажу. И расскажи правду про себя. Но так, будто от другого слышал».

Пошел вверх по реке. Увидел урасу.

Было все, как старушка сказала. Когда рассказал историю про ребенка, старшая жена даже вскрикнула: «Неправду говоришь!»

Тогда шапку сбросил.

На лбу – Солнце.

По темени – звезды.

Кожа как лунный свет.

Ласково сел рядом с младшей женой:

«Это я пришел. Это я, эмэй, пришел. Твой сын. Ты страдала, думая обо мне, теперь жить будем». Указал на старшую: «А ее выгоним».

Так и сделали.

Стали жить.

СКАЗКА

Один старичок был.
С женой был, дочерей имел.
Купаться пошел, вдруг совсем пропал.
Старуха пошла искать старичка, тоже пропала.
Дочь пошла искать, и пропала. Может, сказочный
старичокихукрал. Может, дедсендушный, глупый.
Вторая дочь отправилась вслед за ними, исчезла.
И третья не вернулась.
Так, плача, искали.
Так, странствуя, умерли.

СКАЗКА О ЛИСИЦЕ

Ворона была. Гнездо имела.
На высоком дереве гнездо имела.
Лисица подошла, ногой бьет: «Мое дерево! Здесь
во время кочевки дом сделаю».
«Рыжая Шахалэ! – испугалась ворона. – Мое
гнездо не ломай, тебе одного детеныша дам».
Бросила вниз вороненка.
Лисица поела. А через день вернулась, ногой бьет:

«Мое дерево! Здесь вовремя кочевки дом сделаю!»

«Ой, гнездо не ломай, вот тебе еще детеныш».

Увидела такое мудрая полярная птица Чайшилэ. Спросила: «Друг, ворона, где твои дети? Почему не вижу твоих детей?»

«Рыжая Шахалэ мой дом занять хочет, – ответила испуганная ворона. – Рыжая Шахалэ мое дерево облюбовала».

«Ты когда, глупая ворона, лисицу с топором видела? Даже такую хитрую, – удивилась Чайшилэ. – Ты когда видела, чтобы лисица с топором на дерево лазила? Придет Шахалэ, так и спроси ее: где топор твой?»

Опять пришла лисица, ногой стучит.

Ворона вниз глянула: «А ты скажи топором ко мне пришла? Покажи».

Лисица сразу догадалась: «Этот ты несвоим умом придумала. Это тебе Чайшилэ подсказала». Побежала к мудрой полярной птице: «Вот съем тебя!» Ата говорит: «Меня не ешь. Маленькая я. Идем покажу другое. Сытное. Там выше по реке старичок живет. Дочери его вкусную еду готовят. Много еды готовят. Пойдем, дорогу покажу. Пищу у дочерей отнимешь, голодной не будешь».

Пришли. Ураса стоит.

В урасе дочери старичка вкусную еду варят.

Шахалэбросилась еду отнимать, ее есиной ударили.

Когда так ударили, умерла.

О КОЧЕВКАХ

Когда тепло становится, идем по реке.

В одной чепке рыба есть, в другой чепке рыбы нет.

В рыбной чепке сеть ставим. В белую хариус идет, в красноватую – большой идет. Дыры все меньше и меньше делаем. Все на земле мельчает. У кого много детей – тому рыбы даем больше. У кого мало детей – тому меньше. Дрова кончаются, к берегу моря идем. Там сухой ствол лежит, длинный, как река. У кого много детей – тому дров больше даем. Дождь идет – под дождем ходим. Снег выпал, последу идем. Когда тучных олешков поднимаем, первыми пускаем старушек. Они последу идут, звяря пугают. Через полдня силы у старушек заканчи-

ваются, тогда за олешками молодые идут. У кого многодетей – тому мяса даем больше. У кого мало детей – тому меньше. Сытно поев, копыта диких оленей скоблим, в снег зарываем.

Так дикуем.

О СКАЗОЧНОМ СТАРИЧКЕ

Две сестры были.

К ним сказочный старичок пришел.

«Беги, – старшая крикнула. – Беги быстро, как горноста́й».

Чюлэни-полут съел старшую, но младшая вырвалась, к морю прибежала. Под скалистым мысом другой сказочный старичок рыбу ловил.

«Дедушка, помоги. Хаха, милый, помоги. Меня Чюлэни-полут съест».

Сказочный старичок младшую пожалел, спрятал в кожаный мешочек для огнива.

«Друг, – прибежал первый. Сытно отрыгнул: – Девушку, за которой гонюсь, отдай!»

«Дальше беги. Тут рыбу ловлю».

«След возле тебя кончается. Отдай!».

Стали бороться. Сидевший убил пришедшего, кдому приволок. Упомянутую девушку из мешочка для огня вытряхнул. «Вот сварим мясо Чюлэни-полута. Он тебя хотел съесть, а мы наоборот сделаем».

Сварив, вместе спали.

Девушка в сне услышала – будто вихрь. Открыла глаза, а сказочного старичка нет. Второй раз открыла глаза, а в небе – заря. В третий раз открыла – вурасуюношавошел. Такое бывает. В сендухе бывает. Немедленно поженились. Долго жили.

О ПРИХОДЕ РУССКИХ В СЕНДУХУ

Юкагиры были.

С каменными топорами были.

С костяными стрелами были, с ножами из реберной кости.

Лето наступало, они с челноками были. Над огнем покойного шамана кости качали, тучный жир жгли. Кости качая, шептали: «Огонь-бабушка, худое будет, в другую сторону отверни. Хорошее бу-

дет, к нам поверни». Качая, шептали: «Нашего покойного шамана кости, на нас смотрите, на челноках плыть хотим». Покачав, кости у очага положили. Погодя немного стали поднимать – не могут оторвать от земли. «Это нашего покойного шамана кости, что предвещают – страсть!» Один старичок сказал: «Это нашего покойного шамана кости так предвещают: на челноках поплывете, новый народ встретите». – «Хэ! Новый? Не боимся, даже если так». – «Против нового народа ничего острого не направляйте, – сказал старичок. – Конца не будет новому народу, так много. С заката идут. Рассердите, вам плохо будет. Старые пепелища, обнюхивая, ходить будете». – «Новый народ, – спросили, – каким нравом будет, какой наружности?» – «Ана-пугалба, – старичок сказал. – У рта мохнатые».

Один человек сыном пошел. На промысел пошел.

Смотрят, дом стоит, необычный стоит – до самой верхушки из дерева сделан.

К дому подошли, за кочкой легли. Новый человек, когда так смотрели, из дому вышел. Мочась, стоял. Бородатый стоял. Ана-пугалба, у рта мохнатый. Сын шепнул: «Выстрелю». Отец унял. Упомянутый человек в дом вошел, другой вышел. Сын шепнул:

«Выстрелю». Отец не успел унять. Выстрелил.

Из дома много народу выбежало:

«Откуда пришедшая стрела?»

Стали искать. Схватили.

«Какие вы люди?»

«Мы юкагиры».

«Много вас?»

«Нас много».

Стали вином поить, табаку дали.

«Вот как вам хорошо! – сказали. – Завтра всем стойбищем приходите к нам».

Старик пришел, домой пришел, с пением пришел. Товарищи удивились: «Почему веселый? Твой сын где?» – «Мои дети, – ответил. – Мы новых людей нашли. Ана-пугалба, уртамохнатых. Меня особой водой поили. Меня вкусной пищей поили. Сын ждет. У них ждет. Нас зовут к себе».

Утром пошли. Русские всех в дом ввели, вином белым напоили, всех на пол уронило вино. Чаем напоили, – так вкусно. Табак давали, – еще вкусней. «Наша еда вся такая вкусная, – сказали. – Вас теперь кормить будем, вас теперь особой водой поить будем. Хотите?»

«Хотим».

«Нам сдадитесь?»

«Хэ! Сдадимся».

«Нам ясак давать будете?»

«Хэ! Будем».

О БОРЬБЕ ЛЮДЕЙ ИЗ-ЗА ТАБАКУ

Два товарища по реке поднимались.

Один табак имел, у другого ничего не было.

Одинкурит,другомунедает.Тотсильнопросит, все равно не дает.

В одном месте отдыхать стали. «Мой товарищ, дай табака. Самый кончик дай».

Недал.Трубкувкисетзасунул.Тогдатотубилтоварища,грудьвскрыл,ножомлегкиевырезал.Пластинками насушил, стал курить, крепко было. Дошедши до стойбища, русскому начальнику кисет показал. «Вот сколько табаку товарищ имел, а мне и кончик не дал. Убил его».

Начальник засмеялся:

«Это не ты убил. Это жадность его убила».

СКАЗКА

Летел гусь над тундрой.

Увидел – человек у озера сидит.

**Селрядомнаберегу,долгоначеловекасмотрел,
ничего в нем не понял и полетел дальше.**

Новосибирск, 1989 – 2008

Базовыми источниками для переложения «Сендушных сказок» послужили следующие работы:

Аргентов А. Путевые записки священника-миссионера в приполярной местности. – Записки Сибирского отдела РГО по общей географии, 1857, кн. 10.

Богораз-Тан В.Г. Ламуты. – Землеведение, М., 1900, №7.

Богораз-Тан В.Г. Религиозные идеи первобытного человека, по материалам, собранным среди племен Северо-восточной Азии, преимущественно чукоч. – Землеведение, 1906, №1.

Богораз-Тан В.Г. Чукчи. – Ленинград, 1934.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб, 1900.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов. – Живая старина, СПб, 1910.

Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах. – Сибирский вестник, СПб, 1923.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – СПб, 1755.

Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. – СПб, 1984.

Теки Одюлок. На Крайнем Севере. – М., 1933.

Дмитрий Замятин

АРКТИЧНОСТЬ

Засвеченность матовой фотографии жизни, влекущей за собой становление поверхности расширяющегося взгляда, текущего склоном, уклоном, ластящегося шелестящего луча. Упавшая невзначай навзничь кукла, на краю узорчатого ковра комнатного ландшафта, видящего, вмещающего жалость, сомнение, доверие, жизнь-в-дверях. Размещение скрытых драгоценных реликвий географических образов, утешающих самопространство доверяющих ему невесомостью места-ларца, нежной влажностью вечности.

Колени безмятежного ветра, разжатые жесткой судорогой стелющихся, клонящихся, заиндевших сосенок. Точки, мазки, проколы обмершего,

подмерзающего, предночного света, тяжелеющего снежно-ледяной, лубяной неразличимостью tvoрящих тяжко-колющуюся, тяжко-кающуюся темень торосов. Наросты суеверного неба архаики, секущего бездонной бездетной тундрой расставание, раздирание расходящихся становищ пространства.

Опустив голову, на гранитени из зеркала, устремившись в небытие сосредоточенной перспективы пешеходного будущего. Замкнутость и закрытость каменеющего дневного зенита, оглушенного облупившейся краской становящегося столбеневого жара, свинца сна-без-места. Занятость неба бесцветной выцветающей боли, блажащей белым блянем бебеды. Упертость глаза бытия решеткой пепельной земной казни. Отчеркнутость дрожащих мачт беспомощного [вопроса]-океана отчаяния.

Паутина, патина, тина утиноного, у-тинного времени.

Пространство-иероглиф.

Масляный сумрак, мреющий клубящимся вальяжно туманом.

Подвешенный в небо шар башенного строительного крана, святащегося, парящего туманом колючей липкой сереющей ваты вечерних сумерек.

Марево матового пространства растительных поверхностей, тел, экотопов, зелено-желтеющих световой одержимостью бессловесного, звенящего молочным небом юга. Покорные скаты построенного строго, покоренных небом приречных холмов, набухающих, сочащихся (золотом по воде) текучими плато ландшафтной тишины, потерянности, неоткрытости. Небытие расстеленного зияющего сияния блестящего бледного фарфора бытия, закрытого, забытого вечностью воздуха.

Полуденная балка пышет нагретыми шерстяными мускулами полых тел покинутой степью полыни. Чаши бездонных теней творят кровавые прожилки целокупного жира жара, мерящего огнетенной серостью грунтовых осыпей контуры пейзажных котурнов.

Острая ветреная сырость свежескопанного мартовского газона, лубяной замок, черные готические граффити на бережных деревьях, река без образа безумия Кафки. Последовательные удаляющиеся, одна за одной, ландшафтные декорации не смелой, но несметной травы весенних пространств, не надеющихся, не дышащих на решетки языка зорь, забвений, зиккуратов. Зима без земли звука звучания самочинной, честной чудесной вечности.

О.Пащенко

Из альбома «Биполярность»
(2004-2010)

Д. Мокшин

ГРАФИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ
«ПОЛЯРНЫХ» СТИХОВ Ф. СВАРОВСКОГО

экипаж ледокола «Красин» нашел красную палатку.

но в ней оказались не люди...

Немецкие летающие тарелки

патрулируют Антарктиду

ЛЕИТЕНАНТ СЕДОВ

все-таки дошел до Северного полюса!

2050 г. Решением Партии и Правительства

столица перенесена на Северный полюс

А.Котляров

«ФРАГМЕНТЫ ИЗ ХРОНИКИ
ИССЛЕДОВАНИЙ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЮСА»

Я.Вишневская

«НЕ ПОКИДАЯ НОРИЛЬСКА»

ствують себя еще настолько слабыми, что не могут работать. Ежедневно наблюдается сѣверное сіяніе. Морозъ держится все еще ниже—35° R.

18/31 января. Слышенъ шумъ торошенія.

20 января (2 февраля). Спиртъ въ термометрѣ показался изъ шарика и поднялся до—32° R. Слышенъ шумъ торошенія. Команда, ходившая гулять на лыжахъ, встрѣтила свѣжую полыню.

21 января (3 февраля). Видѣли бѣлыхъ медвѣдей, изъ которыхъ убито два.

23 января (5 февраля). Убить еще одинъ медвѣдь.

25 января (7 февраля). Убить медвѣдь. Доставлена только шкура, т. к. масса полыней преграждаетъ дорогу. Горизонтъ все это время закрытъ мглой. Определиться не удается.

26 января (8 февраля). Винтъ и руль выморозили настолько, что сняли, выправили и опять поставили лопасти винта.

31 января (13 февраля). Сегодня впервые увидѣли солнце въ

21 февраля (6 марта). Залило кормовую выморозку. Матросы, ходившіе на охоту къ полыньѣ, видѣли много крупнаго морского звѣря, но убить ни одного не удалось.

2 февраля (7 марта). На охоту ходило 6 человекъ, видѣли много полыней и звѣря, но убить не удалось. Взяты высоты солнца и опредѣлено мѣсто $\varphi = 77^{\circ}17' N$, $\lambda = 78^{\circ}15' O^{st}$. Пройдена линія, проходящая отъ мыса Челюскина на мысъ Желанія, и мы вышли въ Сѣв. Ледов. океанъ.

26 февраля (11 марта). ходилъ медвѣдь, но догнать и убить не удалось.

27 февраля (12 марта). въ кочегаркѣ было услышано какое-то потрескиваніе, но при осмотрѣ всего машиннаго отдѣленія ничего не обнаружено. Убить бѣлый медвѣдь.

1/14 марта. Спущены двѣ шлюпки и поставлены на толстую старую льдину на разстояніи 150 шаговъ отъ судна. На этихъ шлюпкахъ рѣшено сдѣлать запасный складъ провизіи на случай несчастья съ судномъ. Сегодня видѣли 3-хъ медвѣдей, убить одинъ.

ный и очень туманный, т. ч. рассмотреть, какой величины полыньи, нельзя.

24 марта (6 апрѣля). Ночью на SO отъ судна торосило ледъ. Небо въ томъ мѣстѣ темное и горизонтъ мгlistый. Нѣсколько человекъ команды и гарпунеръ Денисовъ ходили на охоту и сообщили, что видѣли много полыней, на которыхъ было много тюленей и нырковъ. Видѣли также медвѣжи и песцовые слѣды. Вечеромъ ходившіе на охоту опять сообщили, что видѣли совсѣмъ свѣжій слѣдъ песка.

25 марта (7 апрѣля). Гарпунеръ Денисовъ видѣлъ слѣдъ песка.

26 марта (8 апрѣля). Удалось углубить выморозку у руля—обнаружены серьезныя поврежденія его. Руль поврежденъ еще осенью во льдахъ. Приступлено къ починкѣ. Убито 2 медвѣдя и 1 медвѣжонокъ, а другой взятъ живымъ.

29 марта (11 апрѣля). Убить медвѣдь.

4/17 апрѣля. Убиты 2 тюленя и 1 медвѣдь.

21 апрѣля (4 мая). Полыньи. Охотники видѣли звѣря очень мало и далеко, убить не удалось. Они также видѣли стадо штукъ въ 20 нырковъ.

22 апрѣля (5 мая). Отъ *NNO* на *SSO* тянется значительная полынья, на всемъ протяженіи ея много свободной воды. Изъ бочки видно очень много и другихъ полыней. Весь ледъ, видимый изъ бочки, разбитъ на куски и наша льдина пожалуй самая большая. Видѣли сову и пуночку. Обо мнѣ слѣдующая записъ сегодня въ журналѣ: «Здоровье командира каждымъ днемъ становится все лучше. Каждый день его на креслѣ на воздухъ, послѣ чего онъ подолгу сидитъ въ .

23 апрѣля (6 мая). Нѣсколько человѣкъ ходило къ полыньямямъ, видѣли нѣсколько тюленей, но убить не удалось.

26 апрѣля (9 мая). Убить медвѣдь. Во время погони одна изъ собакъ была настолько искусана медвѣдемъ, что ее пришлось зашивать въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

16/29 мая. Тянемъ стоячій такелажъ. Видѣли чаекъ. Полыни зажаты.

17/30 мая. Работаемъ со стоячимъ такелажемъ. Много аекъ. Полыни зажаты. Убили 2 медвѣдей.

18/31 мая. Полыни почти всѣ зажаты. Приводимъ судно въ подлежащій для плаванія видъ.

19 мая (1 іюня). Охотники ничего кромѣ чайки не убили. аекъ много. Полыни всѣ зажаты. Баню уже всю разобрали и зрепиливаемъ на дрова.

20 мая (2 іюня). Много чаекъ. Видѣли одного глупыша и еще акую-то птицу, породы которой никто назвать не могъ.

21 мая (3 іюня). Развело узкія трещины.

22 мая (4 іюня). Убитъ медвѣдь. Оst-ымъ вѣтромъ начало азводитъ полыни.

24 мая (6 іюня). Изъ банки видно много полыней съ чистой

медвѣжьи шкуры. Сегодня свернули и уложили въ большой угольной ямѣ (теперь пустой) на стелажахъ 22 шкуры.

5/18 іюня. Конопатимъ корму. Выкачали воду изъ корридора гребного вала. Полыньи уменьшились, а нѣкоторыя и совсѣмъ зажаты. Вечеромъ недалеко отъ судна былъ слышенъ шумъ торошенія. Видимыхъ измѣненій въ ледяномъ покровѣ не замѣтно.

6/19 іюня. Погода солнечная и теплая. Термометръ на подвѣтренной сторонѣ поднялся до 16° R. На льду подъ снѣгомъ скопляется много воды.

7/20 іюня. Течь у ахтера леденя удалось остановить.

10/23 іюня. Убить медвѣдь.

13/26 іюня. Изъ бочки видно, что число расходящихся полыней увеличилось. Замѣчены лежащіе на льду тюлени, но при приближеніи охотниковъ они ушли въ воду.

15/28 іюня. Убить 1 медвѣдь. Подъ ледъ была опущена проб-

прѣсной воды на льду значительно прибавилось. На льду замѣчено много трещинъ, но большихъ полыней изъ бочки не видно.

8/21 іюля. До 4 ч. дня густой туманъ, послѣ хорошая солнечная погода. Послѣ обѣда попробовали скалывать ледъ у борта такимъ образомъ: запруживали съ двухъ сторонъ канаву у борта, выкачивали оттуда воду брандспойтомъ и скалывали ледъ кирками.

9/22 іюля. За ночь лужи прѣсной талой воды покрылись тонкимъ льдомъ. Окалываемъ ледъ вокругъ судна, работа подвигается очень медленно. У правого борта пробили сквозное отверстіе. Каждый день замѣтно, что ледъ по мѣрѣ таянія поднимается и вмѣстѣ съ собой поднимаетъ и судно, которое поднялось теперь вершковъ на 6. Около судна летало нѣсколько чаекъ. Съ 3 час. облачно и туманъ. Вечеромъ—непродолжительный дождь. Оконченъ ремонтъ котла. Замѣнено 7 дымогарныхъ трубокъ.

10/23 іюля. Выкачали воду изъ машиннаго отдѣленія и котла.

ОБ АВТОРАХ

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Москва, 1966

Окончил физический факультет МГУ и Литературный институт, в 1995 году дебютировал в журнале «Новый мир» подборкой рассказов «Кормление старого кота», удостоенной затем журнальной премии как одна из лучших публикаций года. В 2001 году выпустил первую книгу «Свидетель», включавшую одноименный роман и рассказы. В дальнейшем опубликовал еще две книги на грани беллетристики и non-fiction, биографию первого директора Волжского автозавода в серии «Жизнь замечательных людей» и книгу «Диалоги. Никого не хотело обидеть» (2007) на основании своего блога. Многолетний сотрудник критических ежене-

дельников «ExLibris НГ» и «Книжное обозрение», выступал как критик также в журналах «Октябрь», «Знамя» и т. д. Лауреат ряда литературных премий в диапазоне от премии Общества имени Н. М. Карамзина в Цюрихе до премии «Золотой кадуцей» фестиваля «Звездный мост».

МИХАИЛ БУТОВ

Москва, 1964

Окончил Московский электротехнический институт связи, в 1992 году дебютировал в журнале «Новый мир», с 1994 года там же и работает, в настоящее время ответственный секретарь журнала. В том же 1994 году выпустил первую книгу «Извятие Пана», в 2000 году за ней последовал короткий роман «Свобода», удостоенный Букеровской премии. С 2006 года возглавляет экспертный совет премии «Большая книга». Ведущий радиопрограммы «Джазовый лексикон».

ЯНИНА ВИШНЕВСКАЯ

Москва, 1970

Родилась в Киеве, окончила Литературный институт в Москве. Дебютировала в 1992 году стиха-

ми в первом выпуске знаменитого в дальнейшем альманаха молодых авторов «Вавилон». В 2008 году одновременно выпустила два сборника стихов. Публиковала также прозу за собственной подписью и коммерческую – под псевдонимом. Участница поэтических фестивалей в Москве, Киеве, Калининграде и Норильске.

ВАЛЕРИЙ ВОТРИН

Брюссель, 1974

Родился в Ташкенте, окончил факультет романо-германской филологии Ташкентского университета, работал в Национальном банке Узбекистана, был наблюдателем ОБСЕ в Боснии. С 2000 года живет в Бельгии, защитил докторскую диссертацию по экологии в Брюссельском университете. В 1998 году дебютировал рассказом «Фактория» в журнале «Новая Юность», в дальнейшем прозу Вотрина публиковали «Звезда Востока» (Узбекистан), «Новый журнал» (США), «Крещатик» (Германия) и другие издания. В 2007 году вышла книга прозы «Жалитвослов», в 2009-м за нею последовала авторская, «Последний магог». В переводах Вотрина публиковались стихи А. Э. Хаусмена и Дж.

М. Хопкинса, проза Ф. О'Брайена и Э. Стенбока и многое другое.

МАРИЯ ГАЛИНА

Москва, 1958

Родилась в Калининне, жила в Киеве и Одессе, окончила биологический факультет Одесского государственного университета, работала в НИИ гидробиологии, исследовала популяции лососевых рыб в Бергенском университете (Норвегия). С 1987 года в Москве, с 1995 года полностью посвятила себя литературной работе. В 1993 году выпустила первый сборник стихов, за ним последовали еще три, в том числе книга «Неземля» (2005), удостоенная премии «Московский счет», присуждаемой голосованием московских поэтов. Постоянный автор обоих ведущих российских поэтических журналов – «Арион» и «Воздух». С 2002 года опубликовала также 12 книг прозы (в большей или меньшей степени фантастической), частично под мужским псевдонимом. В разные годы вела критические рубрики в «Литературной газете», журнале «Знамя» и журнале фантастической литературы «Если», в настоящее время обозреватель журнала «Новый мир».

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

Москва, 1960

Окончил факультет журналистики МГУ, пойдя по стопам своего отца, знаменитого журналиста Ярослава Голованова. Работал журналистом в газетах «Советская Россия», «Литературная газета», «Общая газета», журналах «Огонек» и «Столица». В 1997 году опубликовал первую книгу, «Тачанки с Юга», об истории махновского движения, за которой в 2008 году последовала биография Нестора Махнов серии «Жизнь замечательных людей». Среди трех других книг Голованова – посвященная острову Колгуев книга non-fiction «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий» (2002), удостоенная премии «Ясная Поляна – XXI век». Среди других отличий Голованова – премии журналов «Новый мир» и «Дружба народов» за лучшую публикацию года.

ПАВЕЛ ГОЛЬДИН

Симферополь, 1978

Окончил биологический факультет Таврического национального университета в Симферополе, работает там же на кафедре зоологии, специалист

покитам. Дебютировал в 1999 году в крымской периодике, в 2006 году опубликовал первую книгу стихов, «Ушастых золушек стая», в книжной серии «Поколение» под патронатом независимой литературной премии «Дебют». За ней в 2009 г. последовал сборник «Хорошая лодка не нуждается в голове и лапах» в серии «Новая поэзия» журнала «Новое литературное обозрение». Публиковался также в журналах «Зеркало» (Тель-Авив), «Крещатик» (Мюнхен), «Урал» (Екатеринбург) и т. д.

Данила Давыдов

Москва, 1977

Окончил Литературный институт, защитил в Самаре диссертацию кандидата филологических наук «Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика». В 1996 г. дебютировал в печати со стихами в сборнике «Поэты в поддержку Григория Явлинского» и критическим отзывом на стихи Иоанна Павла II в журнале «Новое время». Выпустил четыре книги стихов и сборник рассказов «Опыты бессердечия» (1999), по материалам которого стал в 2000 г. первым лауреатом независимой литературной премии «Дебют» в области ко-

роткой прозы. В качестве критика публиковался во всех ведущих российских литературных журналах, на протяжении многих лет ведет полосу «Поэзия» в еженедельнике «Книжное обозрение» и отдел книжной хроники в поэтическом журнале «Воздух», опубликовал том избранных рецензий «Контексты и мифы» (2010), удостоен специального диплома журнала «Новый мир» (2009).

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ

Москва, 1969

Работал редактором в информационном агентстве «Постфактум», сотрудником пресс-службы посольства Мексики в Москве, возглавлял корпоративные журналы компании «Сибнефть», затем аэропорта Домодедово. Публиковал рассказы в журнале «Новый мир» и очерки в журнале «Русская жизнь». В 2004 г. вышла книга его прозы «Черный и зеленый» (издана также в переводе на нидерландский), в 2006 г. – сборник рассказов «Дом десять».

ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН

Москва, 1962

Окончил географический факультет МГУ, кандидат географических наук, доктор культурологии. Заведующий сектором гуманитарной географии Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, преподавал в Российском государственном гуманитарном университете, Российском университете дружбы народов и др. Автор монографий «Моделирование географических образов» (1999), «Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов» (2003), «Метагеография: Пространство образов и образы пространства» (2004), «Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях» (2004) и др., а также статей о пространственно-географических аспектах творчества П. Я. Чаадаева, Александра Блока, Бориса Пастернака, Владимира Набокова, Андрея Тарковского, Венедикта Ерофеева...

НЕКОД ЗИНГЕР

Иерусалим, 1960

Родился в Новосибирске, учился на театроведческом факультете Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, с 1985 г. жил и работал в Риге, с 1988 г. – в Иерусалиме. Совместно с Гали-Даной Зингер редактировал выходивший по-русски и на иврите литературный журнал «Двоеточие», перевел с иврита три романа и многочисленные рассказы израильских писателей, а также классический еврейский религиозный памятник Мидраш Раба. Опубликовал роман «Билеты в кассе» (2006), множество статей и очерков.

ВАДИМ КАЛИНИН

Московская область, 1973

Окончил Московский государственный университет леса со специализацией по ландшафтно-мудизайну, работает в области веб-дизайна. В 1989 году стал одним из соучредителей будущего Союза молодых литераторов «Вавилон», главным художником его самиздатского альманаха. В 1992 году дебютировал в печати на страницах легендарной

андеграундной газеты «Гуманитарный фонд». Опубликовал книгу рассказов «Килограмм взрывчатки и вагон кокаина» (2002, издана также в переводе на итальянский) и сборник стихотворений и визуальной поэзии «Пока» (2004).

Кирилл Кобрин

Прага, 1964

Родился в Горьком, окончил исторический факультет Горьковского университета, кандидат исторических наук. С 1994 г. сотрудничает с радиостанцией «Свобода», с 2000 г. работает в пражской штаб-квартире радиостанции. Одновременно в 2000–2006 гг. член редколлегии журнала «Новое литературное обозрение», с 2006 г. – член редколлегии журнала «Неприкосновенный запас». С 1996 г. выступает как книжный обозреватель, особенно в журнале «Октябрь». Эссе, очерки и рецензии собраны в девять изданных начиная с 1995 года книг. Один из основателей и соредатор (совместно с Алексеем Пуриным) литературного альманаха «Urbi».

КОНСТАНТИН КРАВЦОВ

Москва, 1963

Родился в Салехарде, окончил Нижнетагильское художественное училище и Литературный институт. Служил священником в православных храмах Ярославля, Москвы и Подмосковья. В 1998 году выпустил первую книгу стихов «Приношение», за которой последовали еще три. Стихи публиковались в журналах «Октябрь», «Знамя», «Воздух» и др. Лауреат третьего Филаретовского конкурса наилучшее религиозное стихотворение (2003).

СЕРГЕЙ КРУГЛОВ

Минусинск, 1966

Учился на отделении журналистики Красноярского университета, не окончил. Работал в газете «Власть труда» (Минусинск) корреспондентом и художником. В 1999 г. принял сан священника и ушел с литературной сцены. В 2002 г. по публикации в антологии «Нестоличная литература», суммирующей более ранние подборки в «Митином журнале», журнале «Знамя», альманахах «РИСК» и «Вавилон», «Новой литературной газете», вошел в шорт-лист премии Андрея Белого; в 2003 г. была

издана книга избранных стихотворений 1990-х гг. «Снятие Змия со креста». В 2006 году новые стихи священника Сергея Круглова стали появляться в печати и составили в дальнейшем книги «Зеркальце» (2007), «Приношение» (2008), «Переписчик» (2008), «Народные песни» (2010). В 2008 году удостоен премии Андрея Белого – старейшей российской независимой литературной награды.

ДМИТРИЙ КУЗЬМИН

Москва, 1968

Окончил филологический факультет Московского педагогического государственного университета, кандидат филологических наук. В 1989 году стал одним из соучредителей будущего Союза молодых литераторов «Вавилон» и главным редактором его альманаха, с 1993 года возглавляет специализирующееся в области современной поэзии издательство «АРГО-РИСК», с 2006 года также главный редактор журнала поэзии «Воздух». Автор переводов поэзии и прозы с английского, французского, украинского и других языков – среди переведенных им авторов, в частности, Антуан де Сент-Экзюпери, Уистен Оден,

Уоллес Стивенс и многие современные поэты разных стран. Как критик публиковался в журналах «Дружба народов», «Критическая масса», «Новое литературное обозрение», автор предисловий к антологиям современной русской поэзии, изданным в Италии, Словении и США. В 2008 году выпустил книгу стихов и переводов «Хорошо быть живым». Лауреат премии Андрея Белого 2002 года в номинации «За заслуги перед русской литературой».

Инна Кулишова

Тбилиси, 1969

Окончила факультет русской филологии Тбилисского университета, в 1998 г. защитила первую в Грузии диссертацию по поэзии Иосифа Бродского. Дебютировала как поэт в 1997 году в журнале «Литературная Грузия», в дальнейшем публиковала стихи в журналах и альманахах «Встречи» (Филадельфия), «Новый берег» (Копенгаген), «Крещатик» (Мюнхен), «Интерпоэзия» (Нью-Йорк), «Дружба народов», «Новая Юность», «Арион». В 2000 г. в Израиле вышла первая книга стихов «На окраине слова». В русских переводах Инны Кули-

шовой печатались также стихи ведущих современных грузинских поэтов.

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

Москва, 1972

Окончил химический факультет Московского университета, преподавал в гимназии химию и английский язык, работал в сфере рекламы и public relations, занимался менеджментом различных культурных проектов (в том числе фестиваля «СловоNova» в Перми). В 1989 году стал одним из соучредителей будущего Союза молодых литераторов «Вавилон». Начиная с 1996 года опубликовал три книги стихов, сборник рассказов, написанный совместно с Линор Горалик роман «Половина неба» и основанный на материалах собственного блога сборник стихов, прозы и переводов «Три месяца второго года», голосованием московских поэтов получивший в 2003 году малую премию «Московский счет» как лучшая книга молодого автора. Публиковал также критические статьи и переводы американской поэзии XX века, в настоящее время редактор отдела литературы ведущего российского интернет-проекта в области культуры Openspace.ru.

ИРИНА МАШИНСКАЯ

Нью-Джерси, 1958

Родилась в Москве, окончила географический факультет Московского университета, занималась исследованиями в области палеоклиматологии, в том числе и за полярным кругом. С 1991 года живет в США. Преподавала математику, географию, метеорологию, русский язык, русскую историю в высшей и средней школе. С 1992 года публикует стихи и статьи в журналах «Знамя», «Новый мир», «Арион», «Черновик» (США), «Стетоскоп» (Франция). В 1995 г. вышел первый сборник стихов, за ним последовали еще шесть, включая книгу избранных стихотворений «Волк» в престижной серии издательства «Новое литературное обозрение» «Поэты русской диаспоры». С 2005 г. соредактор литературного журнала «Стороны Света».

ЛЕВ ОБОРИН

Москва, 1987

Окончил Российский государственный гуманитарный университет. Публиковал критические статьи в журналах «Знамя» и «Новый мир», переводы современной английской, американской, ин-

донецкой, польской поэзии и прозы в журналах «Иностранная литература» и «Воздух», стихи в журнале «Волга» и в Интернете. В 2004 и 2008 годах входил в шорт-лист независимой литературной премии «Дебют» в поэтической номинации. В 2010 году выпустил первую книгу стихов «Мауна-кеа».

ОЛЕГ ПАЩЕНКО

Москва, 1972

Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики Московского университета. Принадлежит к числу ведущих веб-дизайнеров России, с 1999 года сотрудник Студии Артемия Лебедева, в настоящее время ее арт-директор. Обладатель Бронзового ольва 48-го Международного фестиваля рекламы «Каннский льва» (2001, номинация «Cyber Lions»), международного звания «Macromedia Site Of the Day» (2000, за персональную страницу), звания «Человек года» по версии интернет-портала «Рамблер» (2001, номинация «Дизайн»), премии конкурса «Тенета» (1998, номинация «Интерактивное и мультимедийное искусство»). Как литератор участвовал в Первом Всесоюзном (1991) и Втором Всероссийском (1994) фестивалях молодой поэзии,

фестивале малой прозы имени Тургенева (1998), в 2002 году выпустил первую книгу стихов «Узелковое письмо», в 2009-м – вторую, «Искусство ухода за мертвецами».

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

Новосибирск, 1941

Родился в селе Пировское Красноярского края, окончил Томский университет со специализацией по геологии, работал в лаборатории раннего палеозоя Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР, затем в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного НИИ. В 1971–1983 гг. редактор Западно-Сибирского книжного издательства, с 2005 года главный редактор издательства «Свиньи и сыновья». С 1957 года публикует научно-фантастическую, историческую, приключенческую и детективную прозу, автор более 30 книг беллетристики (некоторые в соавторстве) и ряда научно-популярных изданий, в том числе «Берега Ангариды: палеозойское время в истории сибирского материка» (2003, в соавторстве с Е.А.Елкиным), «Самые знаменитые ученые России. От Ломоносова до Сахарова» (2000),

«Самые знаменитые поэты России. От Ломоносова до Бродского» (2001), «Красный сфинкс. История русской фантастики от В. Ф. Одоевского до Бориса Штерна» (2007). Перевел на русский язык антологию современной болгарской поэзии «Поэзия меридиана роз» (1982), роман Бруно Травена «Корабль мертвых» и ряд других произведений. Лауреат множества литературных премий в области научной фантастики, заслуженный работник культуры Российской Федерации (2007).

ВИТАЛИЙ ПУХАНОВ

Москва, 1966

Родился в Киеве. Окончил Литературный институт, был первым и последним лауреатом учрежденной под эгидой Литинститута премии имени Мандельштама. Нарубеже 1990-2000-х гг. ведал отделом прозы журнала «Октябрь». С 2003 г. ответственный секретарь молодежной литературной премии «Дебют». Публиковал стихи в журналах «Октябрь», «Континент», «Воздух», «Волга», «Новый мир», «Урал» и др., выпустил книги «Деревянный сад» (1995) и «Плоды смоковницы» (2003).

Андрей Родионов

Москва, 1971

Начал свой творческий путь как лидер музыкальной панк-группы «Братья-короли», в дальнейшем также много выступал совместно с различными музыкальными коллективами, особенно с петербургским электронным дуэтом «Елочные игрушки». Дебютировал в печати в 2000 году подборкой стихов в ежегоднике молодой литературы «Вавилон». В 2002 году стала абсолютным победителем серии поэтических турниров «Русский слэм», в дальнейшем выступал во многих российских городах как ведущий подобных состязаний. Другим важным проектом Родионова является многолетняя пропаганда нового мультимедийного жанра – поэтического видеоклипа. В 2003 году выпустил первую книгу стихов «Добро пожаловать в Москву», за ней последовали еще пять сборников и публикации в журналах «Новый мир», «Воздух» и др. В 2005 году вошел в шорт-лист премии Андрея Белого, в 2006 году был удостоен поощрительной молодежной премии «Триумф». В свободное от литературной деятельности время заведует красильным цехом Московского академического музыкального театра имени Станиславского.

ФЕДОР СВАРОВСКИЙ

Москва, 1971

По окончании школы работал администратором на киностудии, в 19-летнем возрасте эмигрировал в Данию, где получил статус беженца и прожил семь лет. С 1997 г. снова в Москве, занимался журналистикой, возглавлял информационно-аналитический журнал «Ведомости. Форум». Последние два года специализируется в области книгоиздательства. Публиковал стихи в Интернете, в 2005 году дебютировал в журнале «Крещатик», в 2007 году выпустил в приложении к журналу «Воздух» первую книгу стихов «Все хотят быть роботами», вошедшую в шорт-лист премии Андрея Белого и получившую по итогам голосования московских поэтов малую премию «Московский счет» как лучший поэтический дебют года. В дальнейшем выпустил также сборник «Все сразу», включающий так же стихи Арсения Ровинского (Дания) и Леонида Шваба (Израиль), и новую книгу «Путешественники во времени», вновь включенную в шорт-лист премии Андрея Белого. Выступил также с манифестом «нового эпоса» – характерного для различных современных авторов метода письма, – вызвавшим широкий резонанс в литературном сообществе.

АНДРЕЙ СЕН-СЕНЬКОВ

Москва, 1968

Родился в Душанбе, окончил Ярославский медицинский институт, работал педиатром, специалистом по акупунктуре, УЗИ-диагностом в городе Борисоглебске Воронежской области. С 2001 года живет в Москве, работает врачом. В 1995 году выпустил первую книгу «Деревце наклон слезы», за которой последовали еще семь, включая написанную в соавторстве с Алексеем Цветковым-младшим сборник прозы «Слэш» (2008). Книги Сен-Сенькова в большинстве случаев включают себя как стихи, так и поэтическую прозу, а также работы в области визуальной поэзии. Публиковал также переводы из современных албанских поэтов. Стихи Сен-Сенькова включены в несколько авторитетных зарубежных антологий мировой поэзии, их отдельное издание готовится в США.

Игорь Сид

Керчь, 1963

Окончил биологический факультет Днепропетровского университета, в 1985–1991 годах участвовал в биологических экспедициях в страны Азии и Африки.

В дальнейшем – инициатор ряда проектов в области африкано-российского и африкано-украинского культурного и экономического сотрудничества, с 2000 года редактор интернет-проекта *Africana.ru*. В 1993–1995 гг. организатор литературно-культурологических фестивалей «Боспорский форум» в Керчи. С 1995 г. куратор Крымского геопозетического клуба в Москве, организатор множества литературных акций, в т. ч. российско-украинского литературного фестиваля «Южный акцент» (1999), соорганизатор украинско-российско-белорусского фестиваля «Баррикада на Тузле» (2008). Основатель крымско-московской поэтической группы «Полуостров». Составитель аудиоантологии «СПА» («Современная Поэзия от Автор»»). Помимо оригинальных стихов и эссе, публиковал переводы украинской поэзии и прозы, в том числе сочинений наиболее яркого поэта современной Украины Сергея Жадана: в переводе Сиды вышла первая в России книга Жадана «История культуры начала столетия» (2003), совместно Жаданом и Андреем Поляковым Сид выпустил сборник стихов «Кордон. Три пограничных поэта» (2009).

МАРИЯ СТЕПАНОВА

Москва, 1972

Окончила Литературный институт. Работала в различных медиа, с 2007 года главный редактор интернет-портала Openspace.ru. С 1993 г. постоянный автор журнала «Знамя», лауреат премии журнала за лучший дебют года; в дальнейшем публиковалась также в журналах «Зеркало», «Критическая масса», «Новое литературное обозрение», «Воздух» и др. В 2001 году дебютировала сразу тремя поэтическими сборниками, вышедшими в трех системообразующих центрах российского поэтического книгоиздания – издательствах «АРГО-РИСК», «ОГИ» и «Пушкинский фонд»; в 2003 году в четвертом издательстве, «Новое литературное обозрение», вышла четвертая книга – до сегодняшнего дня Степанова остается единственным поэтом, чьи произведения печатались во всех четырех издательствах. Пятый сборник Степановой, «Физиология и малая история», был в 2005 году удостоен премии Андрея Белого, шестой, «Проза Ивана Сидорова», в 2009 году был признан голосованием московских поэтов лучшей поэтической книгой года. Кроме того, Степановой были присуждены премия имени Па-

стернака (2005), поощрительная стипендия Фонда Хуберта Бурды лучшему молодому лирику Восточной Европы (Германия, 2006), премия-стипендия Фонда памяти Иосифа Бродского (2010). В 2010 году вышли новый сборник Степановой «Лирика, голос» и книга избранного «Стихи и проза в одном томе».

ЕЛЕНА СУНЦОВА

Нью-Йорк, 1976

Родилась в Нижнем Тагиле. Училась на художественно-графическом факультете Нижнетагильского педагогического института, на факультете журналистики Санкт-Петербургского университета, окончила факультет литературного творчества Екатеринбургского государственного театрального института. Работала журналистом. С 2008 года живет в США. Дебютировала в печати в 1994 году вместе с несколькими авторами, получившими название Нижнетагильского поэтического ренессанса. Публиковалась в альманахах и журналах «Вавилон», «Воздух», «Черновик», «Новый берег», «Волга», «Урал», «Уральская новь», антологиях «Современная уральская поэзия: 1997-2003» и «Братская ко-

лыбель». Опубликовала книги стихов «Давай поженимся» (2006) и «Голоса на воде» (2009). Член жюри и один из кураторов Всероссийской премии нестольческому молодому поэту «Литература Рентген».

Юлия Тишковская

Москва, 1977

Родилась в Ленинграде, окончила отделение сурдопедагогики Российского государственного педагогического университета имени Герцена. С 2000 г. живет в Москве. Участник московско-калининградской литературной группы «РЦЫ». Публикуется с 2003 г., в 2005 г. издана первая книга стихов «Дальше зрения».

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Нью-Йорк, 1947

Родился в Станиславе (ныне Ивано-Франковск), вырос в Запорожье, учился на химическом факультете Одесского университета, историческом факультете и факультете журналистики Московского университета, но ни один не окончил. Входил в состав поэтической группы «Московское время» – важнейшей московской неподцензурной поэти-

ческой группы начала 1970-х гг. В 1975 году эмигрировал в США. В 1983 году защитил в Мичиганском университете диссертацию о творчестве Андрея Платонова. Работал в легендарном издательстве «Ардис», издававшем литературу русской эмиграции, там же выпустил в 1978–1985 гг. три первых книги стихов. Затем был сотрудником радиостанции «Голос Америки» и, на протяжении многих лет, радиостанции «Свобода», жил в Праге. С 1987 года не писал стихов, посвятив себя работе над романом (авторский подзаголовок «поэма») «Просто голос», из жизни древнеримского воина (завершена и опубликована лишь первая часть). В 2004 году вернулся к поэтическому творчеству, после чего выпустил пять книг новых стихотворений, а также сборник стихов для детей и книгу эссеистики. Изданы также три книги избранных стихотворений. Опубликовал новый перевод трагедии Шекспира «Гамлет», переводы стихотворений Болеслава Лесьмяна, Уоллеса Стивенса и других авторов. В 2007 году удостоен премии Андрея Белого.

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ-МЛАДШИЙ

Москва, 1975

Окончил Литературный институт. Многолетний лидер студенческого профсоюза «Защита», «Фиолетового Интернационала» и других радикальных общественно-политических организаций. Довесны 1998 г. ответственный секретарь газеты «Лимонка», на протяжении ряда лет сотрудник издательства «Ультра.Культура», один из основателей независимого книжного магазина «Фаланстер». В 1997 году дебютировал книгой прозы «The», за которой последовали сборник повестей и рассказов «Сидиромов и другие» (1999) и написанная совместно с Андреем Сен-Сеньковым книга «Слэш» (2008). Кроме того, Цветков опубликовал шесть книг публицистики и автобиографической прозы, а также выступил составителем двухтомной «Антологии современного анархизма и левого радикализма» (2003).

Редактор и составитель *Д.Кузьмин*

Корректор *Л.Демидова*

Дизайн серии, макет, верстка, препресс – ARTKITCHEN:
А.Ващенко, А.Дубинский, Д.Корчуганов, М.Сарабьянов

Подписано в печать 22.11.10 г.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2610.

Издательство «Паулсен»
www.paulsen.ru
www.moyssever.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.